

Сергей Бершов

ЮЖНАЯ СТЕНА ЛЕХОЦЗЕ

Annotation

Автор этой книги – заслуженный мастер спорта, мастер спорта международного класса по альпинизму, мастер спорта по скалолазанию, заслуженный тренер Украины Сергей Бершов посвятил восхождениям почти полвека. Его альпинистская биография – это уникальные восхождения, среди них Эверест (контрфорс Юго-Западной стены и дважды – классика), Лхоцзе по считавшейся непроходимой Южной стене, легендарные экспедиции. Это верные друзья, незабываемые встречи, невероятные сюжеты и впечатления. Как действующего спортсмена его не могут не волновать и проблемы современного альпинизма, направления его развития. Сергей Бершов утверждает: альпинизм – это суровые мужские игры, но всегда это игры джентльменов, людей чести и долга. Даже если все до единой вершины на планете будут пройдены, ему не грозит упадок, потому что никогда не переведутся на планете люди, для которых горы и восхождения – прекрасный мир, единственно возможный образ жизни.

Книга Сергея Бершова будет интересна всем, кто любит горы, путешествия и приключения, кто стремится побывать «по ту сторону обыденности».

-
- [Сергей Бершов](#)
 -
 - [ИГРЫ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ НА ОЧЕНЬ СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [ЛХОЦЗЕ. СТЕНА МЕЧТЫ](#)
 - [«ЭТО СДЕЛАЮТ РУССКИЕ»](#)
 - [КОМАНДА](#)
 - [НАША ГОРА МОГЛА РУХНУТЬ В МОСКВЕ](#)
 - [МУССОН ЗАДЕРЖАЛСЯ, «ТИБЕТЕЦ» ОПОЗДАЛ](#)
 - [КУЛЬМИНАЦИЯ](#)
 - [ВЗОЙТИ И СПУСТИТЬСЯ](#)
 - [ЗАКОН ВЫСОТЫ: НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ!](#)
 - [С КИСЛОРОДОМ ИЛИ БЕЗ?](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)

- ЧАСТЬ II
- МОИ ЭВЕРЕСТЫ
 - НОВИЧКИ В ГИМАЛАЯХ
 - СВОЙ ПОТОЛОК
 - БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ
 - КРУТОЙ МАРШРУТ
 - ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
 - НИЧЕГО, КРОМЕ ПЕЧАЛИ...
 - НЕБО И ЗЕМЛЯ
 - С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ГОРА!
 - ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ ДОСТИЖЕНИЙ
 - ОТСТУПИТЬ НЕ ЗНАЧИТ СДАТЬСЯ
- ЧАСТЬ III
- КАВКАЗ – ВТОРАЯ РОДИНА
 - ГОРЫ ПЕРЕМЕН
 - ЭЛЬБРУС. КОГО СЧИТАТЬ АЛЬПИНИСТОМ?
 - ПИК МНР. ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ
 - ПРОДЕЛКИ КЮКЮРТЛЮ
 - ЧАТЫН-ТАУ С ПРИГОДОЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ
 - ЕЩЕ ЧАТЫН. БЕЗ ПРИГОДЫ, НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ
 - УШБА ИМЕНИ МОНОГАРОВА
 - В ОДНОЙ СВЯЗКЕ. МИША
 - В ОДНОЙ СВЯЗКЕ. ИГОРЬ
 - БАРБАРИСОВЫЙ КУСТ. ВИТЯ
 - ГОВЕРЛА. КТО КОГО ПОДНЯЛ
- ЧАСТЬ IV
- ПО ТУ СТОРОНУ ОБЫДЕННОСТИ
 - АЛЬПИНИЗМ «ЗАКОНСЕРВИРОВАЛИ» И «ОБЕСТОЧИЛИ»
 - БЕИСКЛАИМБИНГ НА ВАШ ДРАИТУЛЛИНГ
 - «ОШИБСЯ – УМРИ!»
 - ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ ГОРЫ!
- ПРИЛОЖЕНИЕ
 - БЕРШОВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ
 - НЕКОТОРЫЕ МАРШРУТЫ 5-6-Й КАТЕГОРИИ СЛОЖНОСТИ, ПРОЙДЕННЫЕ СЕРГЕЕМ

[БЕРШОВЫМ](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Сергей Бершов

Южная стена Лхоцзе

ИГРЫ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ НА ОЧЕНЬ СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Совсем недавно обнаружил, что в роду Бершовых я не первый альпинист. Двести лет назад в рядах армии Суворова перешел через Альпы мой прапрадед. Я в Альпах тоже много ходил. Жаль, предок не оставил воспоминаний. Интересно было бы сравнить впечатления. Но не поэтому после двадцатилетнего перерыва снова берусь за перо. Ради парня, который после публикации статьи Геннадия Копейки о нашем восхождении 1990 года по Южной стене восьмитысячника Лхоцзе на форуме сайта Risk.ru написал: «Товарищ автор, товарищи участники, вы просто нереально круты... Жалко только, что статья маленькая и, кроме этого, к следующим (типа меня) поколениям она попадает скорее случайно, чем закономерно. Побольше бы таких вот рассказов о нашей славной истории». Да, Эверест-82, Канченджанга-89, Лхоцзе-90 – первые советские гималайские экспедиции, ставшие когда-то сенсационными, – уже история. Но и современность – ведь никто пока не прошел наши маршруты. Наш альпинизм еще в XX веке был отнесен к XXI веку самим Рейнхольдом Месснером, замахнувшимся на Южную стену Лхоцзе. А прошли ее мы – харьковчане, сибиряки, донетчане, москвичи, ростовчане, днепропетровцы...

Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать настоящего альпиниста, я бы выбрал слово «надежность». Оно очень емкое. Включает в себя универсальную технику и высокий интеллект. Способность не теряться в сложных обстоятельствах. Бороться за жизнь партнера как за собственную. Надежность альпиниста проявляется не только на восхождениях. В обычных делах, отношении к жизни, людям, работе – не меньше. Не все, кто ходит на восхождения, отвечают этому критерию. Но большинство.

Надежность – это стремление вопреки обстоятельствам идти до конца и мужество вовремя отступить. Это ответственность за слова и поступки. Это порядочность, честность, чувство собственного достоинства. Это шкала ценностей, где деньги и материальные блага –

далеко не на первом месте. В такой системе координат жили наши старшие товарищи, учителя в альпинизме. На старте жизни, когда хочется всего и сразу, очень важно, чье мнение становится для тебя решающим, по кому сверяешь мысли и поступки. Для меня в шестнадцать главным авторитетом стал мой первый учитель в альпинизме Володя Поберезовский, живущий сегодня в далекой Австралии. Счастливый случай? Судьба? В общем, повезло встретить человека, который не только сам был стопроцентно надежным, но и захотел сделать такими нас, заводских мальчишек. На харьковский «ящик» («почтовыми ящиками» в советские времена назывались предприятия военно-промышленного комплекса) – филиал Московского опытно-конструкторского бюро автоматики мы с будущим тренером пришли почти одновременно. Только я – после седьмого класса учеником электромонтера, а Владимир Поберезовский – молодым специалистом после окончания политехнического института. Если бы не эта встреча, Гималаи и Каракорум, Кавказ и Тянь-Шань, Памир и Кордильеры так и остались бы для меня просто коричневыми пятнами на карте. Кто знает, какими пятнами в биографии могло обернуться отсутствие ориентиров, которые дал Поберезовский. К счастью, наши дороги пересеклись. С подачи Вила, как альпинисты звали нашего тренера, многие из ребят, с кем вместе начинали, полюбили горы на всю жизнь.

Мощнейший заряд, полученный от Поберезовского, чувствую до сих пор. Вил очень грамотно ввел нас, заводских первогодков, в мир альпинизма и скалолазания. В мир вообще. Потому что кроме гор, скал, воехождений, соревнований и тренировок в жизни Поберезовского было еще много интересного – работа и друзья, песни и книги. «Как, ты не читал Хемингуэя (Джека Лондона, Стругацких)?», – брошенная мимоходом фраза заставляла мчаться в библиотеку, налегать на учебники в вечерней школе. Получать плохие оценки было стыдно, ведь альпинизм – спорт интеллектуалов. У Вила мы перенимали отношение к жизни и к людям. Учились не прятаться за чужие спины. Постигали законы товарищества, альпинистского братства, которые существуют и сегодня, что бы кто ни говорил. Поберезовский показал нам красоту альпинизма. Научил правильно, осознанно тренироваться, постоянно поднимая планку. С его подачи мы учились ставить на максимум и добиваться поставленных целей.

Постепенно пришло понимание: когда достигнут определенный уровень, очень многое зависит уже от того, какой ты сам себе тренер. Конечно, ты еще «салага», тебе учиться и учиться у старших, более опытных. Но то, что ты сможешь у них перенять, зависит от самоподготовки, самодисциплины и еще многих «само...». От того, насколько тебе интересно, насколько готов себя не жалеть. Осознание всего этого приходит, конечно, не сразу. Но без него невозможен успех.

Для меня альпинизм со временем стал профессией. Чем больше ходил в горы, тем больше убеждался: это мое. Хотя поначалу все было не так однозначно. Скорее, наоборот. Перенесенный в детстве грипп обернулся жестоким ревмокардитом. Не знал, что делать с распухшими коленками. Утром не мог подняться с кровати. Чтобы двинуться, нужно было сперва «расходиться». Старенькая доктор участливо качала головой: «Ходи потихоньку, не переутомляйся». Как раз перед этим я смотрел (а потом еще не раз) итальянский фильм «Большой приз». В память врезалась фраза главного героя: «Когда другие тормозят, я набираю обороты!». Парень на экране был смелый, удачливый и благородный. Хотелось быть таким же, как он. Как наш Вил. Разве они стали бы ходить потихоньку? В шестнадцать и на всю жизнь я выбрал «обороты»! Через боль, усталость, через «не могу». Ни разу об этом не пожалел.

Занятия в вечерней школе. Тренировки в секции Поберезовского. Кроссы. Лыжи. Биатлон. Друзья. Аттестат зрелости. Первый выезд в горы. Первая любовь. Освобождение от службы в армии – ревмокардит. В альпинистском лагере в Приэльбрусье про хворь не заикаюсь.

Затренировываю! Первая зачетная вершина ВИА-тау. К тому времени я уже многое знаю и умею в горах, потому что занимаюсь еще и скалолазанием. Связки домбайские и крымские. Веревки. Крючья. Молотки. Остроносые резиновые галоши – скалолазная обувь советских времен. Первые соревнования и первые победы. Ревмокардит не выдерживает напора и отступает.

Эпизод тех времен. Сборы в Крыму. С тренерами Владимиром Поберезовским и Владимиром Сухаревым я, вполне зеленый третьеразрядник по альпинизму и уже перворазрядник по скалолазанию, иду на очень серьезное для меня восхождение на «открыточную» гору Ай-Петри. Стенной маршрут третьей категории

сложности. Немного волнуюсь, потому что одно дело скалолазание с верхней страховкой и совсем другое – восхождение, где первого страхует нижний. Первым тренеры выпускают меня. Как скалолаз уже кое-что умею, пора учиться альпинизму, считают мои учителя. Это как бросить в воду – выплывай, парень. Правда, веревочку держат надежно. Иду спокойно, уверенно, все вроде нормально. А стена вертикальная, да и скалки «живые». Вдруг выхожу в такое место, где некуда забить крюк. Завис, ни туда ни сюда. Пробивает легкая паника. Что делать? Крюк забит далеко внизу. Если сорвусь – лететь и лететь. Выдержит ли станция (несколько крючьев, делающих страховку более надежной)? По идее, там все прочно, но... Беру себя в руки. Спокойно, без паники, падать нельзя! А как только успокоился... Так вот же оно, место для крюка! Может, не лучшим образом, но забиваю его. Прохожу выше, дальше. Вот уже мы наверху. Вид потрясающий! Но запомнилось восхождение не сказочной панорамой. Там понял: главное – не задрожать. Нельзя допускать даже мысли, что можешь улететь. Так создается мыслеобраз. Он в мозгу уже созрел. Он реален! На эту грань ты ставишь или не ставишь себя сам. Потом урок Ай-Петри не раз пригодился. В подобную ситуацию больше ни разу себя не загонял, как бы ни складывалось, потому что в самый первый раз сумел собраться. Переборол ужас перед возможным срывом. С тех пор знаю, как справиться с паникой. Расслабиться, успокоиться, вернуть уверенность и – пройти.

Всегда предпочитал и предпочитаю идти первым. Выбор пути – творческий процесс. А творчество не бывает беспроблемным. Будоражат противоречивые чувства. С одной стороны – легкого страха, с другой – азарта.

Особенно это ощущается, когда лазание – на грани срыва. Хотя старался такого не допускать. Для этого нужен надежный запас прочности: твоя тренированность, техническая, физическая, психологическая подготовка. Весь комплекс, дающий уверенность и высокую проходимость. Первый имеет моральное право на срыв. Так учил нас в Харьковской школе инструкторов альпинизма легендарный, интеллигентнейший Кирилл Александрович Баров. И уточнял: но желательно не срываться. За почти полвека в альпинизме я, идя первым, срывался три раза. Все три помню в мельчайших подробностях. Срыв – это звонок «оттуда». В нашем спорте ценой

ошибки часто становится жизнь. Таковы правила этой игры. Правда, у гор свои, порой непостижимые, игры. Землетрясение, гроза, неожиданный камнепад, внезапная лавина – не все удастся предвидеть. Со временем приходит некое двадцать восьмое чувство, срабатывающее в преддверии опасности. Но дается оно годами работы на пределе и за пределом возможного, ценой горьких утрат. Камнепад забрал у меня первую жену – Тамару, лавина – друзей Гену Василенко и Витю Пастуха. Альпинизм – суровые мужские игры на свежем (часто излишне свежем) воздухе. Но всегда это игры джентльменов – людей чести и долга.

Читаю в Сети: альпинизм доживает свой век. Автор (Duane Raleigh, www.rockandice.com) утверждает: «Совершенно не важно, насколько быстро кто-то бежит, как высоко кто-то прыгает, сколько у кого медалей, как круто кто-то водит автомобиль или в каких играх побеждает, всегда найдется другой человек, который поднимет планку еще выше и отправит старые рекорды вместе с их обладателями в мусорную корзину...

Хотя есть еще один спорт и один человек, бородатый титан с короной, как Зевс, лучше которого никогда никого не будет. Рейнхольд Месснер (Reinhold Messner) – это икона альпинизма. Он был первым, кто взойшел на Эверест без использования кислорода (1978), первым, кто взойшел на Эверест в одиночку (1980), и первым, кто совершил восхождение на все 14 восьмитысячников планеты (1986).

Никто не может взойти более чем на 14 восьмитысячников или взойти выше более чистым стилем или быть первым, потому что Месснер уже все это сделал. И нет более великой вещи, чем быть первым, сделавшим что-либо... После достижений Месснера остались только более мелкие вещи, это помогает объяснить стагнацию и моральное падение среди нас и тот факт, что мы полагаемся на собственную глупость, а также помогает оценить относительное превосходство».

Спорное, на мой взгляд, суждение. Особенно в части того, кто и на что полагается. Не вижу также связи между достижениями великого Месснера и «стагнацией и моральным падением». Убежден, прогресс всегда стимулирует развитие и переход в новое качество, а не застой и разложение. Отдаю должное супервосходителю – его вклад в развитие альпинизма не оценим. Но утверждать, что достижения Месснера

завели альпинизм в тупик (а именно такова логика автора), я бы не стал. Пусть даже время абсолютных высотных достижений и заканчивается. Непроходимых стен, фантастически сложных маршрутов на них – ходить не переходить.

В собственной альпинистской биографии самым сложным считаю не Эверест, не Аннапурну, ни даже Южную стену Лхоцзе, а гранитный скол в американских Йосемитах – Эль-Капитан. Высота относительно уровня моря невелика, всего около 2000 м, а протяженность маршрута – около километра. Но горы сложнее и круче этого вылизанного временем и погодой леденца в моей жизни не было. Маршрут «Салатэ» – первые 250 м – вертикаль, а остальные 800 м отрицательные... Самым трудным был участок, который сначала показался непроходимым. Без искусственных точек опоры нельзя пройти. И дырка видна для скай-гука (мы тогда о подобных приспособлениях не знали). Американский партнер Майкл Ворбуртон под впечатлением от моего лазания о скай-гуке забыл. А чудеса не случилось. Говорю: нужен шлямбурный крюк (пистон, как называли американцы). Вот же он был, но его выбили. Нет, протестует Майк, не было. Не надо пистона! Тут лазанием идетесь. Как лазанием? Если лазанием, я должен был пройти. И не прошел... Настроение – хуже не бывает. Два или три раза пробую. Снова и снова срываюсь. То же самое – Майк, а я, стоя на страховке, его ловлю. Пытаюсь из крюка сделать закладку-лепесток, чтобы в этой дырке пристроить, навесить веревочную петельку и, взявшись за нее, дотянуться до следующей зацепки. Других вариантов не вижу. Я же не муха, чтобы по этому гляncy пролезть. Ладно, темно уже. Завтра продолжим. Утром объявляю, что собираюсь забить шлямбур. Майк: «Сергей, не надо. Это плохо будет для вашего авторитета». Лезет в карман и протягивает скай-гук – на! Улыбается. Я удивлен. Что за закладка такая интересная? Прицепил скай-гук, петельку навесил и моментально прошел. Будто вообще не было на горе этого проклятого места. Будто мы там вчера не застряли на час. Мы и выше скай-гуками пользовались, Майк имел их целый запас... Вот такой маршрут мы прошли. От начала до конца в предельном напряжении. На другой горе – какие-то полочки, где можно расслабиться. Здесь – одна полочка, на которой мы переночевали, и снова безмятежная, зализанная гладь.

Горжусь этим маршрутом не меньше, чем Южной стеной Лхоцзе. И до меня его проходили, и после, что из того?

Кстати, абсолютные достижения, которые можно лишь повторить, но нельзя превзойти, устанавливаются не только в альпинизме. В авиационном, парашютном, стрелковом и других видах спорта. Даже в футболе! Слышал, недавно какой-то виртуоз ухитрился с центра поля забить гол на второй секунде матча. Этот рекорд уже никто не превысит – за секунду мяч не успевает долететь до ворот. Почему-то ни авиаторы, ни парашютисты, ни представители других видов спорта не посыпают голову пеплом, мол, все, конец, дальше двигаться некуда. А в альпинизме это, похоже, становится традицией.

«Дух приключений не должен умереть», – говорил отважный англичанин Джордж Мэллори в 1924 году, отправляясь на высотный полюс. Два других уже были открыты: Северный – в апреле 1909 года Робертом Пири, Южный – в декабре 1911 года Руалом Амундсеном. Еще тогда звучали голоса, утверждавшие: это финиш, арен для подвигов на планете не осталось. Мэллори готов был отдать жизнь, но доказать обратное. И отдал... Что-то подобное звучало в 1953-м после выдающегося восхождения Хиллари и Тенцинга: Эверест покорен – выше уже не подняться. В мае 2003-го в столице Непала Катманду под патронатом короля пышно отмечалось 50-летие первого восхождения на высотный полюс. Были приглашены все побывавшие на Эвересте во главе с первовосходителем – 83-летним сэром Эдмундом Хиллари (Норгея Тенцинга тогда уже не было в живых. Когда пишутся эти строки, нет и сэра Хиллари, светлая обоим память). Подробно о празднике я еще расскажу в этой книге. Весь Катманду высыпал тогда на улицы приветствовать альпинистов. Я шел в колонне коллег и вспоминал, как после нашего первого Эвереста в 1982-м доброжелатели советовали: «Пора тебе остепениться, выше все равно не залезешь». Но я не собирался «остепениться». Жалел, что впервые попал в Гималаи только в тридцать пять.

После прохождения Южной стены Лхоцзе снова и не раз слышал вариации все той же песни: мол, тем, кто прошел такую стену, уже неинтересно подниматься в «обычные», не запредельные горы. Не согласен! После Лхоцзе я ходил на Аннапурну по маршруту Бонингтона – великолепному, совершенно другого плана. Было очень интересно его пройти. Другие восьмитысячники я по классическим

маршрутам ходил. Тоже было интересно, ново – ведь как нельзя войти дважды в одну и ту же реку, так нельзя подняться на ту же гору. Думаю, «неинтересно» – подходящий аргумент для того, чтобы распрощаться с альпинизмом. Допустим, человек выставил для себя определенную планку, дотянулся до нее и – все, дальше неинтересно. Он решает, что теперь будет заниматься не восхождениями, а политикой или внуков воспитывать. У меня самого их пятеро, тоже, скажу вам, экстрим!

Без интереса в горах делать нечего. Мне пока интересно. После 1982-го я бывал на Эвересте не раз. Дважды поднимался на вершину с тибетской стороны. Последний раз – в 2004-м, в 58 лет. Будут силы, средства и хорошая компания – даст Бог, еще поднимусь. Пусть до и после меня на высотном полюсе побывали многие. Его высота остается прежней. Горжусь, что наш советский маршрут 1982 года по контрфорсу Юго-Западной стены и тридцать лет спустя никто не повторил. Как и директ-маршрут по Южной стене Лхоцзе. Как и траверс четырех вершин Канченджанги. Наши маршруты были пройдены в непопулярном сегодня так называемом гималайском стиле, с многократными челночными рейсами вверх-вниз, заброской грузов, установкой промежуточных лагерей, провешиванием перил почти по всему маршруту. Думаю, нынешний уровень альпинизма позволяет пройти двойкой, в альпийском стиле – взяли все необходимое и вперед – наш путь на Канченджанге. Просто никто не задавался подобной целью. Повторять всегда не так интересно, как делать что-то свое, новое. Зато «пробежать» по-альпийски маршруты на Эверест и, тем более, Лхоцзе, не позволяет их сложность. Но придет время, и такая задача не покажется фантастикой. А классных альпинистов на просторах СНГ и сегодня немало. Их восхождения доказывают: у постсоветского альпинизма, поднимающегося на развалинах мощной восходительской школы, есть будущее. Но есть и серьезные проблемы. Например, все увеличивается разрыв между поколениями. Результаты не радуют. Тем не менее, не считаю ситуацию безнадежной. К разговору об этом обязательно вернусь на страницах своей книги.

Любой кризис, смена полюсов, приоритетов рано или поздно завершаются выходом на другой уровень. Ниже? Выше? Пока ответ не просматривается. Но уверен: альпинизм может закончиться только по одной причине: если утратит дух джентльменства. Не дай Бог,

заправлять всем придет тусовка парней с оловянными глазами, для которых горы – просто спортивный снаряд или бизнес-проект и «ничего личного». Не хочу верить в подобное продолжение. Знаю: не переведутся на планете чудаки, для которых альпинизм – прекрасный мир, в котором они живут. Мир людей, которые тебе интересны и по-настоящему дороги. Простых и честных отношений. Ярких эмоций и впечатлений, каких не найдешь на уровне моря.

ЧАСТЬ I

ЛХОЦЗЕ. СТЕНА МЕЧТЫ

«ЭТО СДЕЛАЮТ РУССКИЕ»

Никогда я не летал на парашуте. Пробовал на Памире научиться, но не успел. А тут вдруг откуда ни возьмись – давний друг и земляк Муля (Саша Мелещенко) с парашутом: «Ну, чего сидим? Полетели?» – «Полетели!» Парим в потоках света. Легко. Радостно. Медленно проплывает громада Южной стены. Дальше – Эверест, Нупцзе, другие горы. За спиной – наполненный ветром купол. Руки ощущают натяжение строп. Вот уже базовый лагерь. Мы дома, ура! Толчок... Открываю глаза и отчетливо понимаю: я все еще на горе. В похожей на щель снежной пещерке. Полет – только сон. Высота – за восемь тысяч. Три километра стены под нами никуда не делись, четыре километра веревок – тоже. По ним идти да идти, перещелкиваясь через каждые 40 метров. Где ты, Муля, с парашутом?

В ряду моих высотных восхождений Лхоцзе, конечно, лидирует. Четвертая в мире по высоте (8516 м) после Эвереста, К-2 (Чогори) и Канченджанги. Первая по набору трудностей, протяженности маршрута, количеству сложных мест, которые пришлось преодолеть. После сенсационного советского восхождения на Эверест в 1982 году перед альпинистской сборной страны встал вопрос: что дальше? Конечно, Южная стена Лхоцзе. Когда идешь в сторону Эвереста, Лхоцзе, Нупцзе, Ама-Даблама, эта красавица несколько дней дразнит взгляд. Манящая, соблазнительная, гордо-недоступная. Подняться на вершину по этой нереально сложной вертикальной плоскости мечтали многие. Облизывались на нее и мы. Кружила головы эйфория триумфа. После высотного полюса для нас не существовало преград. А если еще усложнить? Пройти траверсом до вершины Эвереста? Потом идея Лхоцзе куда-то отошла – то ли не успели вовремя подать заявку и «пролетели» в очереди на вершину, то ли вмешались неведомые соображения высшего порядка, но взгляды спортивных руководителей обратились к Канченджанге. В 1989-м мы с истинно славянским размахом прошли Канчу вдоль и поперек. Но по сравнению с Южной стеной Канченджанга кажется прогулкой.

... Осенью 2010 года Харьковский альпинистский клуб готовился торжественно отметить 20-летие восхождения по Южной стене Лхоцзе. Звоню в Нальчик Александру Шевченко, приглашаю доктора наук, заслуженного тренера СССР и руководителя экспедиции Профспорта СССР «Лхоцзе-90» на встречу с участниками восхождения. Мол, такую дату грех не отметить, ведь до сих пор наш маршрут никто не прошел. Шевченко в ответ хохочет:

«А никто и не пройдет!». Я не могу так самонадеянно утверждать. Растут возможности, тренированность. У альпинистов сегодня потрясающее снаряжение. Опять же, фармакология на месте не стоит. Правда, на такой горе, как Лхоцзе, никакие допинги не помогут. Там другое нужно: правильная акклиматизация, высочайшее мастерство. Физическая и психологическая подготовка. Длина маршрута даже не предельной, а запредельной сложности такова, что пройти его в альпийском стиле – а речь ведь об этом, – пока нереально. То, что сделала команда, 18 человек, работая на износ, сегодня не под силу даже самой техничной, сильной двойке.

Двадцать лет в спорте – огромный срок. Но и спустя два десятилетия после восхождения пройти наш маршрут по центру Южной стены не менее престижно, чем в 1990-м. Многие бы хотели, но... То, что за это время повторить наш путь никто даже не попытался, – еще одно подтверждение сложности. На Эверест в 1982-м мы тоже поднялись неслабым маршрутом, но все же он не такой напряженный, как на Лхоцзе. Протяженность пути на обеих горах у нас приблизительно одинакова. Но на Эвересте начинали где-то на уровне 6300 м (АВС, второй базовый лагерь, находился в Западном цирке на 6300 м), а на Лхоцзе маршрут начинался на высоте 5200-5300 м (АВС – на 5090 м). Игорь Свергун во время восхождения на Чо-Ойю познакомился с американским альпинистом, который с Нупцзе – соседа Лхоцзе видел нашу стену в профиль. Обычно ее снимают анфас, и характер крутизны прослеживается не так явно. «Да, такую стену пройти двойкой физически невозможно. Не вижу сейчас людей, способных это сделать», – вздохнул парень. Для нас, прошедших, пролезших, проползших каждый сантиметр этого пути, сказанное давно не новость. Сейчас другая жизнь и другой альпинизм. Собрать серьезную команду – проблема. Но я состоял в трех сборных гималайских командах СССР и четырех гималайских сборных

Украины и знаю, о чем говорю: сильнее, чем сборная образца 1990 года, не было и нет. Все скалолазы, все технари, все высотники. И все – хорошие люди. Только благодаря команде – сильнейшей из всех известных мне команд, – двое сумели подняться на вершину.

Для информации. Горный массив Лхоцзе расположен в Главном Гималайском хребте южнее Эвереста. Имеет три вершины: Главную – 8516 м, Среднюю – 8420 м. Восточную, или Лхоцзе-Шар – 8400 м. От Эвереста Лхоцзе отделяет четырехкилометровая перемычка (Южное седло). Наиболее простой путь на вершину Лхоцзе – северный гребень от Южного седла и северо-западный склон, спускающийся в Западный цирк. Первыми по этому пути в 1956 году поднялись швейцарские восходители Ф. Лугдингер и Э. Райз. Первыми преодолеть Южную стену Лхоцзе пытались в 1973 году японские альпинисты, но отступили. Пройти ее пробовали восходители многих стран. В 1975-м – итальянцы, 1981-м – команда Югославии, 1984-м – Чехословакии, 1985-м – Польши, 1988-м – Франции. В 1989 году международная экспедиция под руководством прославленного Рейнхольда Месснера, в том же году – экспедиция поляков под руководством Ежи Кукучки.

Месснер дважды пытался пройти Южную стену – в 1975-м и 1989-м, но оба раза неудачно, оба раза лишь до высоты 7500 м. Перед экспедицией-89 он сказал: «Стена Лхоцзе – не просто восхождение на восьмитысячник, а кульминация альпинизма. Конечно, есть и еще останутся другие непройденные стены в Гималаях и Каракоруме, но равных Южной стене Лхоцзе в мире нет». Мы привыкли оглядываться. То, что сами говорим, не воспринимается, а вот если кто-то... Тем более такой авторитет в альпинизме, как Месснер. Думаю, давая Южной стене восторженную оценку, он был уверен в собственной победе, ведь привел под маршрут фактически сборную Европы. Но стена осталась неприступной. Неудача экспедиции Месснера подстегнула Ежи Кукучку. Он вторым после Рейнхольда поднялся на все восьмитысячники Земли и надеялся стать первым на Южной стене. Ежи выехал в Непал осенью 1989-го. В последнем интервью в Катманду Кукучка сказал, что если он не пройдет стену, то в следующем году это обязательно сделают русские (так весь мир называл советских граждан любых национальностей). Ежи как в воду

смотрел... Он поднялся до высоты приблизительно 8200 и погиб – при срыве оборвалась веревка.

Фиаско Месснера, трагедия Кукучки лишь усилили ажиотаж вокруг стены. На зиму 1989-1990 заявки на ее прохождение подали французы: Марк Батард (соло) и Кристоф Профит (во главе группы из 5 человек). Батард отказался от попытки восхождения, Профит с командой снова не смог одолеть рубеж 7500 м. На весну 1990 года заявки на стену подали болгары под руководством М. Савова и словенец Томо Чессен (соло). Болгарская экспедиция не состоялась. Чессен установил базовый лагерь на высоте 4800 м 15 апреля, 22-го начал восхождение, а 24-го взошел на вершину. Его маршрут проходил по пути восхождения югославской экспедиции 1981 года. Две ночевки по пути вверх, одна на спуске. Восхождение Чессена было встречено с недоверием и вызвало много вопросов. Никто не видел его на маршруте, убедительных доказательств он представить не смог. Лучшие восходители Европы потерпели фиаско, а он «взбежал» на гору и вернулся оттуда полный сил? Не может такого быть, сомневались многие. Был – не был? Вопрос так и не удалось до конца прояснить. Уже в XXI веке несколько раз пытались пройти по маршруту польской экспедиции (правее нашего пути) корейцы. Но из-за несчастных случаев отступали. Только в 2007 году с четвертой попытки корейская тройка под руководством Хонг-Гил Ума с шерпом Пасангом поднялась на Лхоцзе-Шар по Южной стене.

В 1989-м в кипение страстей вокруг горы включилась наша команда. Начиналось все в Катманду сразу после Канченджанги. Полные впечатлений и планов, мы отмечали успех с Александром Шевченко, нашим другом, директором альплагеря «Эльбрус». Разговор, описав очередной круг, возвращался к Лхоцзе, неприступной Южной стене. Альпинистская проблема №1 не давала покоя.

Кульминация – это точка высшего напряжения. Если Южная стена – кульминация альпинизма, то избранный нами маршрут был, так сказать, кульминацией кульминации. Самый сложный, самый бескомпромиссный. Словенский маршрут слева, маршрут по островам справа – интересные, логичные, но... Острова можно обойти по снежно-ледовым склонам. Словенский вариант тоже где-то более, а где-то менее напряженный. Почему потерпел неудачу Месснер, который привел под стену фактически сборную Европы? Звезд

европейского альпинизма «звездность», похоже, и подвела. Много спорили, это тормозило. Погода портилась. По мнению Месснера, «им не доставало необходимого для такой стены энтузиазма». В команде собралось слишком много лидеров. Но и у нас в гималайских командах были сплошь ведущие восходители, первые номера сильнейших команд страны. Еще при отборах на Эверест психологи (нами занимались специалисты по подбору космических экипажей) ужасались и сочувствовали тренерам: «Что вы с ними делать будете? Собрали одних лидеров, они же несовместимы!». На что старший тренер экспедиции «Эверест-82» Анатолий Овчинников хитро шурился: «Ничего, ради Горы совместятся». Сам альпинист высочайшего класса, он видел нас насквозь. Руководитель первой советской гималайской экспедиции Евгений Игоревич Тамм позже вспоминал: «Сложность экспедиции была для меня еще и в том, что практически каждый в нашей команде мог сам руководить восхождением. Но ребята доказали, что могут не только командовать, но и выполнять задания».

Мы действительно были готовы завязываться в узлы ради Горы. Во время отборов происходила окончательная притирка и подгонка «экипажей». Ведь не «от фонаря» участников ставили в связки, собирали в команды-четверки – учитывались симпатии, желания. Так же происходило и при подготовке экспедиций на Канченджангу, Лхоцзе. Нас воспитал советский, то есть коллективный, командный альпинизм. Поступиться амбициями, собственными интересами ради общей цели, считаю, – нормально, если цель стоящая. Это дает сильнейшую мотивацию. Мы все были «заточены» на Южную стену. Думаю, короли восхождений из команды великого Месснера не меньше нашего хотели ее пройти. Но яркие альпинистские индивидуальности не стали единой силой. Я бы сказал, что у Месснера была команда звезд, а у нас – команда-звезда. Поэтому мы смогли, а они – нет.

Для нас с Туркевичем и Шевченко это была первая и, к сожалению, единственная экспедиция. Полностью наша от замысла до воплощения: Александр – руководитель, Михаил – его заместитель, я – старший тренер. Экспедиция Профспорта СССР проходила под патронатом Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных

Союзов (ВЦСПС). Как показали дальнейшие события, это обстоятельство оказалось едва ли не решающим в судьбе восхождения.

КОМАНДА

Когда все формальности были утрясены, необходимые разрешения получены, стали собирать команду. Суперсложный маршрут требовал суперколлектива. Как его создавать, мы знали. За плечами был опыт Эвереста и Канченджанги. Начинали с отборов. Пригласили ученых – у нас работала комплексная научная группа (КНГ), которую возглавил доктор наук, профессор, один из лидеров украинского альпинизма Владимир Моногаров. Он привнес в подготовку альпинистов к гималайским восхождениям олимпийские наработки и методики (успешно готовил к Играм сборные страны по велоспорту, плаванию). Возраст претендентов в команду ограничили 35 годами. Нам с Михаилом Туркевичем в то время было, соответственно, 42 и 36, мы как начальники в число восходителей вошли автоматически. Возрастной барьер выставляли с тяжелым сердцем – он закрывал дорогу на Лхоцзе многим сильным альпинистам, нашим друзьям. Но шли на это осознанно. У артистов балета есть поговорка: когда приходит опыт, уходит прыжок. То же и в спорте. Хотелось дать молодым возможность набраться гималайского опыта не под занавес альпинистской карьеры, а на взлете. Чтобы возраст и класс позволили пройти не только хоженые маршруты, но и заявить о себе на проблемных.

Все претенденты прошли испытания в барокамере: три пробы на велоэргометре и психологические тесты в условиях, эквивалентных высоте 7500 м. Специалисты КНГ результаты тщательно проанализировали и выдали свои рекомендации. Экспедиция показала, что к ним стоило прислушаться более внимательно. Но вообще-то мы старались быть максимально объективными на всех этапах отборов, не давая поблажек ни своим, ни чужим. Кроме возрастного ценза были и другие требования: квалификация помимо альпинистской (не ниже КМС) предусматривала и скалолазную – тоже не ниже кандидата в мастера. Плюс опыт как технически сложных восхождений, так и высотных. Обязательно – два-три подъема на семитысячники.

Сейчас «забеги» на Эльбрус, скайраннинг – часть спортивного календаря, а ведь первыми в таких соревнованиях еще в 1980-м на склонах пика Ленина участвовали мы – претенденты в экспедицию на Эверест – и зимой 1987 года на Эльбрусе, готовясь к траверсу Канченджанги. При отборах на Лхоцзе воспользовались опытом проведения этих довольно жестоких, но полезных испытаний функциональной подготовки. Состязались на время в два этапа на двух дистанциях. Сначала от станции «Мир» (3500 м) канатной дороги на склонах Эльбруса до высокогорного «Приюта одиннадцати» (4050 м), затем от Гара-баши (3700 м) до скал Пастухова (4700 м) и оттуда уже в спокойном темпе – восхождение на вершину. Помимо этого в программу входило лазание (на время) по скалам с верхней и нижней страховкой, лазание в «кошках» по скалам с верхней страховкой. Соревнования по общефизической подготовке (подтягивания, отжимания, приседания на одной ноге). Каждый, кто занимал первое место в любом из видов, получал дополнительный бонус. Это стимулировало показать максимум, выложиться по полной. И выкладывались. Лучший результат в подтягивании на перекладине – 51 раз (Алексей Макаров), приседаниях на одной ноге – 70 (Николай Тотмянин), отжиманиях в упоре – 75 (Александр Погорелов). Уставшие от чтения могут заочно посоревноваться с нашими чемпионами – проверить свой уровень, а заодно убедиться: на Лхоцзе отбирались сильные ребята. Первым в лазании по скалам с верхней страховкой стал Петр Козачек, он же победил в соревнованиях по лазанию по скалам в «кошках», с нижней страховкой лучше всех прошел трассу Алексей Макаров. В забегах на Эльбрусе победителями были Петр Козачек и Владимир Обиход.

Можно спорить, насколько объективны такие отборы. Но в комплексе это дало довольно правдивую картину уровня подготовки каждого. Тем более, у нас имелся опыт отборов в первую и вторую гималайские сборные. Постарались провести все профессионально и объективно и с научной, и с методической, и со спортивной точки зрения. Володя Каратаев, которого мы видели на высоте, знали по Канченджанге, приехал на отборы с переломом руки. В забегах на Эльбрус он показал себя великолепно. Но лазать с загипсованной рукой на время не очень получалось. Из-за этой травмы Володя попал в команду запасным, после долгих споров, потому что с формальной

точки зрения следовало Каратаева отсеять. Но все же мы вместе ходили в Гималаях, знали, какой он сильный технарь, не менее сильный высотник, да и вообще отличный парень. Но ведь и те, кто уже отсеялся – Алексей Лыков из Донецка, Толя Танец из Харькова, Александр Сушко из Орджоникидзе (теперь Владикавказа), – тоже отличные ребята, молодые, сильные, техничные, знаем их не первый день. По отношению к ним было бы несправедливо зачислить Володю в «основу». Сошлись на компромиссном варианте: допустим Каратаева к Памирскому этапу запасным. К тому времени рука заживет и он себя покажет. На Памире Володя проявил себя блестяще. Вот как сам Каратаев вспоминает отборы в интервью журналисту Сергею Шибаеву: «... И опять началось: бега на Эльбрус, тесты, барокамера, психологическая совместимость, последний уже отбор на пике Коммунизма... Для акклиматизации сначала сходили на Корженеву (пик Евгении Корженевской, 7105 м, маршрут 5-Б категории трудности – СБ.), потом – на Коммунизм (пик Коммунизма, 7495 м, маршрут 6-й категории трудности – СБ.), а потом осталось еще немного времени, ну и руководство говорит: «Коли готовы, давайте еще разок сходим: одна группа туда, другая – сюда». И ребята на пик Коммунизма сходили за 23 часа – такой вот был уровень подготовки. А наша группа пошла на Корженеву, и задачу ставили так: утром выходите из базового в два – в три и в 16 часов, где бы ни находились, – вниз, чтобы вечером быть в лагере. Я за 7 часов дошел – это мой рекорд был – прямо из базового лагеря. Помню, тогда на гребень выходим, а там палатки, ребята какие-то, только просыпаются, встают. Мы мимо них, на вершину. Потом еще 3 часа на спуск потратили, и вот на все про все – 10 часов... Так мы были подготовлены». Все были в отличной форме. При восхождении на пик Корженевской даже тренеры с врачами взошли на вершину за 8 часов. К обеду уже были в лагере на поляне Москвина. У группы Жени Клинецкого восхождение на пик Коммунизма заняло чуть меньше суток. При том, что на спуске они попали в непогоду и слегка сбились с пути. Такой «гремучей смеси» универсалов не было в предыдущих советских гималайских сборных – ни на Эвересте, ни на Канченджанге. В тех командах преобладали высотники. Мы же сделали упор на универсальность подготовки. Те, кто отобрался на Лхоцзе, могли на высоте пройти маршрут любой сложности. Вот их имена в составе групп, в скобках – место жительства и возраст на

момент восхождения. I группа: Ринат Хайбулин, руководитель (Алма-Ата, 30 лет), Александр Питра (Донецкая область, 27 лет), Алексей Макаров (Харьков, 26 лет), Игорь Свергун (Харьков, 24 года), Геннадий Копейка (Харьков, 30 лет). II группа: Евгений Клинецкий, руководитель (Московская область, 30 лет), Николай Тотмянин (Ленинград, 32 года), Сергей Тарасов (Уфа, 24 года), Владимир Обиход (Москва, 35 лет). III группа: Александр Погорелов, руководитель (Ростов-на-Дону, 33 года), Петр Козачек (Днепропетровск, 36 лет), Владимир Хитриков (Днепропетровск, 36 лет), Валерий Коханов (Красноярск, 32 года), Владимир Каратаев (Дивногорск, 36 лет). «Играющим» врачом в экспедицию ехал 33-летний харьковчанин Виктор Пастух. Естественно, не собирались сидеть под горой мы с Туркевичем. Переводчиком-радистом поехал наш старый друг, психолог, мастер спорта по альпинизму Анатолий Непомнящий (сегодня он доктор психологических наук, кандидат технических наук, профессор) из Таганрога.

НАША ГОРА МОГЛА РУХНУТЬ В МОСКВЕ

Миша Туркевич жил экспедицией, начиная с памятного майского дня в Катманду, когда мы подали заявку на прохождение Южной стены. Красивый логичный маршрут – «советскую диретиссиму» – выбирали в разведке в 1989 году. Туркевич взял на себя львиную долю организационной рутины. Александр Васильевич Шевченко наезжал в Москву из Нальчика, циркулировал по кабинетам, используя свои бесценные связи и недюжинный дар убеждения. Он решал стратегические вопросы – прежде всего, связанные с финансированием, Миша к тому времени насовсем перебрался из Донецка в столицу СССР и с головой ушел в бесчисленные организационные хлопоты. «Выбивал», доставал, изыскивал снаряжение, продукты и все прочее, без чего не могла состояться экспедиция. Молодым невдомек, как это – «выбивать», доставать? А время было такое – пустых магазинных полок. Ни колбасы, ни мяса, ни масла, ни рыбы. Об икре и прочих деликатесах молчу. Как и о теплых и легких спальных мешках, качественных палатках, надежных веревках и остальном снаряжении. Нет, конечно, в природе все это существовало, но – не для простых смертных. В недрах недоступных закрытых распределителей для начальства, на складах, продуктовых базах, прочих незримых для большинства «точках». Чтобы извлечь оттуда все необходимое, надо было обладать железной волей, пробивной силой отбойного молотка и энергией ядерного реактора. Сизифов труд, который Миша, Володя Каратаев, ребята-москвичи взвалили на свои плечи ради Горы.

Зато как же нас одела итальянская фирма «Samas»! С ног до головы, великолепно. Причем на одежде было написано «Samas-2000». А год, напомним, стоял 1990-й. По три комплекта – я ничего подобного не то что не носил, мечтать не смел. Коммерческий директор Франческо Маргола перед выездом в Непал сам нам экипировку вручил. Видно, хорошо в фирме «Samas» работала служба информации. Хоть и не царское это дело, сеньор Маргола привез и лично выдал одежду исключительного качества из гортекса, который

был невиданной новинкой, и флиса. Знал итальянец, наслышанный об аппетитах наших чиновников, что если пошлет все это в Профспорт, один комплект из трех мы, скорее всего, получим. Но три – никогда! У нас в Алуште как раз проходил сбор – скальная подготовка. Маргола – сам альпинист и решил познакомиться с крымскими скалами, да и с нами в процессе восхождений. Первым итальянец уже не ходил, взял в партнеры Маурицио Джордани, известного восходителя, который был, так сказать, лицом фирмы. С ним Маргола прошел несколько шестерочных крымских маршрутов и остался доволен. А нам каждому – «сеньор Бершов», «сеньор Туркевич», «сеньор Пастух», «прего, пер фавор», ваши комплекты. Ребята при виде этого «приданого» от счастья лишились дара речи. Утепленная гортексовая куртка и утепленные штаны, гортексовая легкая ветрозащитная куртка и ветрозащитные штаны. Плюс еще флисовые штаны и флисовая куртка. В фильме, который Гена Копейка снимал на маршруте, ребята работали в этих куртках – легких, надежных. Я в самасовских вещах и в 2000-м ходил, и 2010-м... А тогда, в Алуште, мы все оделись в новенькую форму, и Франко Маргола сфотографировал нас всей командой. Взошли на гору – тут же итальянцы выпустили плакат: мы на фоне Южной стены, виден во всей ужасающей сложностью красе наш маршрут. Прекрасный плакат, и сейчас неплохо смотрится. Грамотная реклама. Знак «Samas» стал неотъемлемым атрибутом «советико» победы на Лхоцзе.

Из интервью Каратаева: «Шевченко сделал меня своим замом по хозяйственной части. И как в Москву приехали паковать, он говорит: «Володь, вот тебе амбарная книга, вот тебе все это дело – давай, занимайся». Я как глянул – чуть плохо не стало. До вылета 10 дней оставалось; ребята уехали с семьями побыть, а мне нужно девять тонн груза упаковать. И не просто упаковать, а по 30 кг в бочку – ни больше ни меньше. И не просто по 30 кг, а распределить все это по партиям, которые будут уходить в порядке определенной очередности. Я должен был знать, что лежит в каждом бауле и когда куда этот баул надо будет отправить. И я сделал все это. Хотя работа адская». Наконец, все приобретено, упаковано в баулы и полиэтиленовые бочки. Команда в Москве. До отъезда – считанные дни. В мыслях мы уже на горе – как она встретит, как себя покажем. И тут взрывается бомба. На заседании Центрального совета ДСО профсоюзов и оргкомитета экспедиции нам

говорят: «Все по домам – нет валюты». Как это – нет валюты? На снаряжение экспедиции потрачено 400 тысяч советских рублей – немалая по тем временам сумма. Упакованы и ждут отправки 12 тонн экспедиционных грузов. А нам в ответ: так это ж рубли потрачены, они никого не волнуют. Разъезжайтесь!

Это был шок. Но сдаваться без боя никто не собирался. Как сейчас, спустя 20 лет рассказывает Александр Шевченко, у этих событий, оказывается, была почти детективная подоплека. Интриги мадридского двора отдыхают! Честно говоря, не знаю, как к этому относиться. Но эта история – если, конечно, она имела место, – многое объясняет. Якобы один из популярных зарубежных телеканалов намеревался показать своим телезрителям документальный фильм-сенсацию о прохождении Южной стены Лхоцзе известными французскими восходителями Пьером Бегином и Кристофом Профитом. Наше появление на стене, а тем более успешное восхождение в сценарий не вписывалось. Как остановить нежелательных конкурентов? Похоже, в одном из спортивных ведомств СССР у телеканала нашлись свои люди. Они-то и перекрыли «валютный кислород» экспедиции. Уверен, если все было действительно так, то, конечно, за спиной ничего не подозревавших французских альпинистов. Цена вопроса, по словам Шевченко, составляла сумму с несколькими нулями. Нам на поездку в Гималаи требовалась значительно меньшая – \$80 тысяч. В них команде отказали. Возможно, и вправду «по просьбе» покровителей французского восхождения. Но те не учли одной чисто советской тонкости. Экспедиция-то намечалась профсоюзная. Спортивные работники ВЦСПС с чиновниками Госкомспорта были закадычными недругами. Этим и воспользовался Александр Васильевич Шевченко и ввел в бой «резерв главного командования». Руководители управления альпинизма Профспорта Сергей Тер-Григорян и Виктор Шульга обратились к бывшим коллегам по комсомольской работе – те всюду двигали вперед зарождающийся в стране бизнес, разнообразные кооперативы. Консультативно-внедренческая фирма «Оргтурист» заинтересовалась экспедицией и стала главным советским спонсором экспедиции по валютному обеспечению. Не исключено, интерес подогрела умело поданная информация о том, что иностранный телеканал намерен сделать бизнес на восхождении французов. Как бы

то ни было, валюту мы получили. Правда, в обмен на обязательство передать спонсору все видео- и фотоматериалы. Мы согласились, не раздумывая. Что угодно отдали бы за этот шанс. И мы его получили, и воспользовались! Но все снятое, как и обещали, отдали. Как спонсоры этим богатством распорядились, неизвестно. Кто-то из знакомых видел за границей фильм о нашей эпопее на Лхоцзе. Спрашиваем: интересный? Отвечают: да никакой! Верю. Хотя фильм о такой стене и таком восхождении мог стать сенсацией, если бы этим занялись профессионалы. Такие, как наш высотный оператор Геннадий Копейка. Жаль, спонсор был от кино так же далек, как Москва от Гималаев. Но и десятилетия спустя низкий ему поклон за то, что спас экспедицию. Мы все-таки пошли на свое восхождение. А Бегин с Профитом – на свое. Базовый лагерь французов был неподалеку от нашего. И находились они под стеной столько же – с 9 сентября по 25 октября 1990 года.

Французы шли в альпийском стиле параллельно с нами, но по менее сложному пути – по снежно-ледовым кулуарам. Они предприняли две попытки. В первый выход поднялись по центральному кулуару до уровня нашего лагеря-5 (7350 м). Когда увидели, насколько сложен наш путь выше отметки 7350, попросили разрешения спуститься по навешенным нами веревкам и ушли вниз. Второй подход тоже оказался неудачным. Они поднялись по центральному кулуару до лагеря-5 на маршруте Кукучки (7500 м). Заболел Пьер Бегин, к тому же сломалась газовая горелка – от восхождения пришлось отказаться. У Кристофа Профита это была третья попытка пройти Южную стену, и каждый раз все заканчивалось не выше 7500 м. Французы видели, как мы залезли на гору. Они стали свидетелями нашей победы. Встретили нас с восторгом – они же, как никто, понимали, что нам пришлось пережить и преодолеть. Подарили мне в знак признания замечательный ледоруб для ледолазания.

МУССОН ЗАДЕРЖАЛСЯ, «ТИБЕТЕЦ» ОПОЗДАЛ

К сложностям маршрута гималайская погода постаралась добавить свои пять копеек. Вернее, не копеек, а полноценных рублей – или какая там в небесной канцелярии валюта. 9 сентября мы были под горой, в базовом лагере на отметке 5090 м. К этому времени летний муссон обычно заканчивается. Какое там! Пришлось отказаться от запланированной альпийской тактики и поклониться традиционной гималайской – с установкой промежуточных лагерей и навешиванием перил. Закрепленные веревки у нас были провешены до высоты 8000 м. Дальше шли, страхуя друг друга.

Но погода... Ничего подобного не видели в Гималаях ни до, ни после! Даже на высоте 7000 м шел дождь, в крайнем случае, дождь со снегом. К такому не были готовы ни мы, ни наши высотные палатки. Сейчас, конечно, и конструкции другие, и материалы. А в 1990-м – «голь на выдумки хитра» – накрывали палатки полиэтиленовой пленкой. На высотном восхождении! На самом трудном в мире маршруте! Вообще, о снаряжении, с которым мы шли на «маршрут XXI иска», лучше всего расскажет эпизод из дневника участника нашей экспедиции днепропетровца Владимира Хитрикова. Сам я дневника не вел, о чем горько сожалею. Володя пишет: «Сегодня, когда разбирали снаряжение, увидели приближающихся французов (Пьера Бегина и Кристофа Профита – СБ.). Туркевич скомандовал: «Так, все собираем, а то стыдно». Наверное, уже лет 20 никто не ходит с тиковыми спальниками на восьмитысячники... Но что поделаешь? Что есть, с тем и приходится идти».

Дожди заливают, но время не ждет. Нужно идти. И шли – под дождями, снегами. Лавировали между лавинами. Был случай, когда лавина, к счастью, уже на излете, догнала Лешу Макарова с Володей Каратаевым. Каратаев успел прыгнуть в ледовую трещину. Лавина перелетела через него. Лешу засыпала по пояс. Цитирую Володю: «... до этого мы ходили в горах разные маршруты, стены, и у каждой была какая-то специфика, изюминка. Тут лед необычный, там скалы с

сюрпризами или снег сложный... А на Лхоцзе было все. Все, что ты за свою жизнь проходил, набирался опыта и вот тебе, пожалуйста – и это, и это, и вот это, и вот то. И лазание там уже, считай, почти по вертикальной стене, на высоте выше 7000 метров. Надо было из глубин весь свой опыт достать; все, что ты в горах делал, чтоб живым вернуться. А летело там постоянно. И были участки технически сложные и очень опасные. Низ весь пробивался – такие лавины со стены! Я вот несколько раз попадал в лавину – страшно. Во втором выходе... Ну, знаешь: первая группа выходит, отработала, спускается, отдыхает, вторая дальше, третья и т. д. Нормальный рабочий режим, процесс, все отработано до автоматизма. Ребята спускаются и – там такая большая фотография висела – отмечают, что там, где, какие скалы; что надо, что не надо, что в первую очередь поднести...

И вот мы свое отработали – Ринат Хайбулин, я, Сергей Бершов, Макаров – и пошли в базовый лагерь. Низ – это лавинные конуса, сборники, потом ранткдюфты (трещины между горой и снегом или льдом – СБ.), потом снежный склон, лавинные желоба, мощные такие... Я последний иду по склону. А если представить профиль – склон идет, снег, лед, над ним – облака, а сама стена еще выше, ее не видно вообще, она куда-то в пространство уходит. И вот я полжелоба прошел, ребята уже спустились – видно, как они на морене переодеваются, маленькие такие... И вдруг слышу то ли шелест, то ли шипение – и мужики закричали. А что – понять не могу. Склон снежный, уходит вдаль. Впереди трещина, ну, там мостики через нее есть... Я оглядываюсь и вижу: из-за облаков лавина летит, пробивает облака... И я стою, маленький такой на этом склоне, и вот ЭТО все летит... Сумасшедший дом! И вот, что делать? Никуда не денешься, на решение – секунда. И я тут же как рванул вниз. Бегом! Хорошо, подготовка была нормальная...

Долетел до трещины, сел, ледоруб в снег вогнал, а ЭТО уже летит, грохает. И я вот так сел, потом понимаю, что мышцы-то поломаю, поворачиваюсь и головой как бы вот сюда, головой раз, лег...

И потом по ушам ка-а-ак хлопнет воздушной волной! Темно стало – грохот, ужас. Я жду. Чувствую, ноги так продавливают, продавливают, продавливают. Потом – тишина. Раз – и все нормально, все спокойно, все хорошо. Вылез, пошел вниз... Все это разворачивалось на наших глазах. Мы замерли – немая сцена, доли секунды. Лавина

остановилась, осела снежная пыль... В этот момент из снега показалась Володина смущенно улыбающаяся физиономия. Мол, бывает же такое! Все облегченно выдохнули: повезло!

Осадки заливали скалы коркой льда. Влезть на них еще можно, используя ледорубы, «кошки». А вот организовать страховку... В тонком, 10 – 15-сантиметровом слое ледобуры просто не держали. Под твоей тяжестью все могло рухнуть в любой момент. Чтобы надежно пройти такой участок, надо было раздолбить ледовый панцирь, найти под ним трещины, забить крюк и организовать страховку и тогда уже лезть выше.

Лагерь-3 (6800 м), который мы поставили на склоне, постоянно «смывало» пылевидными лавинами. Тончайшая снежная «пудра» летит сверху, увлекая за собой воздух. При падении с отвесных участков может вызвать ударную волну разрушительной силы. Человек, попавший в сухую лавину, рискует захлебнуться снежной пылью. Несколько раз во время ночевок пылевидные лавины проносились через нашу накрытую от дождя полиэтиленом палатку. Снежные частицы электризуются о полиэтилен, искрят. В черноте и тишине ночи – треск, блеск, тарарам. А мы – внутри этого фейерверка. Прижали уши и гадаем: сорвет – не сорвет. Страховка на ледорубах, все закреплено. В спальном мешке спишь в обвязке и на само страховке. Все-таки шанс не улететь, если сорвет.

Красноречивый фрагмент наших радиопереговоров с базовым лагерем во время выхода:

Я: – Тут прямо чудо какое-то... Мы на разведке видели, что стена чистая была, скала-монолит без снега. А теперь, после муссона, все залепило и надувы какие-то хитрые... Загогулины, нашлепки, хоть с веником ходи.

База: – У вас же лопаты шахтерские есть. Не потеряли?

Я: – Целы лопаты, только с ними и пробиваемся.

Каратаев: – Гут у нас тибетский ветер начинается. Гудит гора, как аэропорт Шереметьево. Неуютно...

База: – Мы это знаем. Мисс Хоули предупредила, что до 15 октября надо сматываться, а иначе «тибетец» все сдует.

«Тибетец» – свирепый ветер с Тибета. Он наотмашь бьет по склонам, яростным потоком рвется по ним вверх, круша и срывая все

на своем пути. Нам повезло, «тибетец» в тот год запоздал, а мы взошли на вершину 16 октября.

КУЛЬМИНАЦИЯ

Маршрут – как на «шестерочном» техническом восхождении на Кавказе или Памире. Только протяженность другая. И высота. Как родилась идея такого маршрута? Во-первых, он самый логичный – директ (или по-другому – диретиссима), прямая линия. Во-вторых, мы хотели, чтобы наша страница в истории прохождения Южной стены была достойной. В ходе разведки выбрали путь по контрфорсу, который просматривался в нижней, а затем и в верхней части стены. Контрфорс – это относительная безопасность. Все, что летит сверху, расходуется вправо-влево и больше шансов уцелеть. Ключевая часть маршрута – между 7000 м и 8000 м: вертикальные, нависающие, комбинированные участки. Из моих записей, сделанных по горячим следам осенью 1990 года: «Две недели было потрачено на прохождение снежно-ледового участка маршрута и установку трех промежуточных лагерей на высотах 6000 м, 6500 м и 6800 м. К 24 сентября был установлен лагерь-4 на высоте 7100 м. Выше начинался самый сложный участок – крутые, местами отвесные скалы, покрытые льдом. Выше лагеря-5 (7350 м) крутизна и сложность стены увеличивались, скалы стали заглаженными, с ограниченным количеством трещин, что очень затрудняло организацию страховки». Там очень хорошо поработала группа Александра Погорелова, к которой подключился Миша Туркевич. Наш высотный оператор Геннадий Копейка замечательно снял эпизоды восхождения, когда Туркевич и Погорелов идут попеременно. Работают мастерски. Временами им приходится применять искусственные точки опоры, вешать лесенки. Лазание по скалам 5-й или 6-й категории сложности – в кошках! Потому что скалы где-то со льдом, а где-то и полностью обледенелые. Чтобы пролезть, надо снять рукавицы. Спасибо муссону, еще можно было себе позволить проходить сложные участки, а простых там и не было, с голыми руками.

Впечатления Геннадия Копейки: «Прохождение скального бастиона на высоте 7500 – 8000 м оказалось очень не простым занятием. Это были почти отвесные обледенелые скалы, по которым

постоянно сходили лавины и сыпались ледышки. Часто напарник по связке исчезал из поля зрения в снежной пелене на несколько минут. Сначала мы от страха прижимались к склону, чтобы не унесло, но потом привыкли и купались в снежных потоках, как в реке, и даже получали от этого наслаждение. В верхней части скал наткнулись на 30-метровую отвесную стенку желоба, где по каске постоянно лупила «барабанная дробь» ледовых горошин диаметром 2 – 3 см. Физика образования таких ледышек непонятна, но они сыпались непрерывно. Сначала первым лез Погорелов, но он надолго застрял на скальном карнизе. В битву вступил известный скалолаз Миша Туркевич: с помощью искусственных точек опоры и лесенок ему минут за сорок удалось пройти пять метров нависанья. Ключ был пройден, путь к вершине открыт!»

То, что мы с Туркевичем, неразрывная связка, на этот раз (и как потом оказалось, навсегда) разошлись, было тактическим ходом. Так, считали, больше шансов взойти на вершину. Все же у нас гималайский опыт, экстремальный в том числе, был самый значительный. Вариантов успешного восхождения стало больше. Одни не взойдут – другие это сделают. Так в результате и случилось. Первая попытка Миши и группы Саши Погорелова (Геннадий Копейка и Владимир Хитриков) взойти на гору оказалась неудачной. 6 октября они установили лагерь-6 на высоте 7900 м. Не было альтиметра, они считали, что находятся на 8100 м, и решили на следующий день попытаться взойти на вершину. По расчетам ребят, по вертикали до нее 416 м. Чтобы успеть подняться и вернуться в лагерь за световой день, облегчились по максимуму. Не взяли ни палатку, ни спальники, ни примус. Нет примуса – незачем брать еду. Да и есть на такой высоте не хотелось. Несли наверх только «железо» и веревки. Плюс два баллона с кислородом на всех. Как напишет потом Гена Копейка, «то, что происходило в следующие три дня, стало самым жутким кошмаром в моей альпинистской карьере».

Контрфорс, по которому проходил путь, был не только очень крутым. Муссон устали гребень огромными снежными грибами. В этих гигантских надувах рука с ледорубом не доставала до поверхности скалы. Ребятам пришлось рыть вертикальные канавы и то ли лезть, то ли плыть по ним, не чувствуя твердой почвы под ногами. За десять часов напряженной работы была достигнута высота 8200 м.

Стемнело. Они продолжали подъем в темноте. Вершины все не было. С каждым метром с огромным трудом набранной высоты они убеждались: ночной штурм – не для этой горы. Да и мороз все усиливался. Вытоптали небольшую, метр на два, площадку, стали рубить в ней пещеру. Слежавшийся до каменной прочности снег не поддавался. К двум часам ночи, вконец измотанные работой, высотой и холодом, они вырыли неглубокую нишу, втиснулись в нее вчетвером. Забылись тяжелым, не дающим отдыха, сном. А на следующий день продолжили восхождение. Почему не ушли вниз? Потому что тогда пришлось бы стать в очередь за остальными, кто готовился взойти. Зная нрав спортивного начальства, опасались, что первые восходители на гору могут стать и единственными в экспедиции. Все хотели быть первыми! К тому же многие работали без кислорода. Отсутствие O_2 на высоте искажает восприятие действительности.

Туркевич, Погорелов, Копейка и Хитриков продолжали бороться. Четыре часа напряженнейшей работы – и только 60 метров по высоте. Становится ясно, что в этот выход вершины им не видать. Голодные, изможденные, они поворачивают. В это время группа Рината Хайбулина – Игорь Свергун, Саша Питра, Леша Макаров – переносит установленную на 7900 м палатку лагеря-6 на высоту 8000 м. Подняться выше не получается – заболели Питра и Свергун. Миша и группа Погорелова спускаются в лагерь-6. Почти двое суток они провели выше 8000 м, в так называемой зоне смерти, без тепла и горячей пищи. В 4-местной палатке ночуют восьмером. Когда спустились вниз, подмороженных Погорелова и Хитрикова вертолетом отправили в Катманду, а оттуда – в Москву.

Группа под руководством Жени Клинецкого (Коля Тотмянин, Сережа Тарасов, Володя Обиход) вышла на восхождение из базового лагеря 6 октября. 11 октября они установили лагерь-7 – на высоте 8300 м выкопали в снежном гребне пещеру. Следующие два дня бились с крутым гребнем, пытались пройти по этим гигантским снежным грибам. Было несколько срывов. Женя «уехал» метров на двадцать по снегу. Прошли четыре веревки – 180 м. Заканчивались продукты, бензин и силы. В лагерь-7 вернулись абсолютно измочаленные, уработанные...

ВЗОЙТИ И СПУСТИТЬСЯ

13 октября в лагерь-7 пришли мы с Витей Пастухом и Володей Каратаевым. В снятых Геной Копейкой кадрах есть эпизод. Больной Витя Пастух возвращается вниз. Камера фиксирует, как он стоит, задыхаясь, жует лед. У него высокая температура, мучит жажда. Жалуется Гене – воду наверху ребятам оставил. Гена спрашивает: «А что там Дедушка (то есть, я), залезет?». Витя с обидой: «Дедушка залезет». Его настроение мне понятно: температура, давит кашель, надо идти вниз и распрощаться с мечтой о вершине... Все разочарование Пастуха сконцентрировалось в двух словах. Дедушкой для альпинистов помоложе я стал лет в тридцать. Хотя и сейчас, имея пятерых внуков и пенсионное удостоверение, дедом себя не чувствую.

Двадцать лет этим кадрам. Давно нет с нами Вити Пастуха – пропал без вести на Шиша-Пангме, это моя непреходящая боль. Но эмоциональный накал эпизода на стене заводит и сегодня. Разве я занял Витино место в очереди наверх? Мы же втроем шли – он, Каратаев и я. Виктор все вперед рвался. Мол, давай я первым пойду, а то все время ты. Ну, давай. Маршрут там был комбинированный – снег и скалы. Пролез, закрепил веревку. Я говорю: «Сейчас занесу свой рюкзак и спущусь за твоим» – «Нет, я сам». Спуститься надо было двумя веревками ниже. Это 80 м всего. Но высота-то приличная. Ушел и нету. Наконец возвращается. Уже никакой. Уходил здоровый, а через час его не узнать. Ужас, как там все быстро развивается! Переутомился? Но мы же все с рюкзаками идем, кроме первого. Я тоже первым без рюкзака лез. Потом за ним возвращались, поднимали. Там уже перил не было. Надо было провешивать веревку, поднимать мешки, самим идти все время со страховкой, потому что улетать есть куда – на три с половиной километра. Витя заболел, у него начинался отек легких. Диагноз Пастух поставил себе сам. Он был врач от Бога, диагност высочайшего класса. Благодаря великолепной аптеке, которую наш доктор всегда носил с собой, он смог пережить ту ночь и наутро начать спуск в базовый лагерь.

... Ночевать в снежную пещеру, не рассчитанную на такую компанию, набились как селедки в бочку – команда Клинецкого, мы. Тесно, лечь невозможно, ночуем сидя. Среди ночи Витя толкает меня – пить. Протягиваю ему фляжку, он не берет, просит чего-то теплого. В полусне спрашиваю: так что, разогреть? Он что-то бормочет, вздыхает. Как будто успокоился. И снова все задремали. Проходит минут пять. Опять такой вздох тяжелый, мучительный, как стон: «Я сейчас умру». Тут мой сон как рукой сняло: «Ребята, быстро!». Завели горелку, начали греть питье, отпаивать Витю. Ему очень резко стало хуже, еще когда он первый раз пить просил. Конечно, надо было сразу действовать. Но я спросонок не среагировал. А когда услышал, как Пастух говорит, что сейчас умрет, тут уж... Антибиотики я ему перед сном уколол, ночью в пещере еще раз, перед выходом вниз еще... Очень хорошие, сильные антибиотики, я считаю, остановили процесс. Не дали развиться отеку легких. Но восхождение для него закончилось.

Вот так из нашей тройки выпал Витя. Мы с Каратаевым стали уговаривать Женю Клинецкого, капитана команды, – может, останешься? Он наотрез: «Сергей, очень хочу, но не могу, выработался. Я – пустой». Жестокая штука – высота за 8000 м. «Зона смерти». Мощный, сильный парень, мечтавший об этой горе, как ни о чем другом, признается, что опустошен. Работали без кислорода, и вот результат. Мы к Тарасику (Сергею Тарасову). Гоже не может – почки. К Обиходу Володе – что-то с легкими. Никто не может! Спрашиваем: «Витю вниз сведете или нам идти?» – «Нет, мы с ним спустимся». И на том спасибо. Витя самостоятельно шел, ему только рюкзак облегчили. То, что Пастух сам спускался, – поразительно. Хотя, если бы не смог... Быстро спустить человека по этой стене нереально. Но кто-то же должен быть на горе! И мы с Володей остаемся вдвоем. Прежде чем ребята уходят, спрашиваем Клинецкого, что он посоветует по маршруту. Женя на снежные грибы не рекомендует соваться. Говорит, что слева, за углом, как будто что-то просматривалось, похожее на кулуар.

14 октября. В лагере-7 на 8350 м мы вдвоем с Каратаевым. Решаем, как советовал Клинецкий, посмотреть кулуар слева от контрфорса. Но ухудшилась погода, резкий холодный ветер буквально сдувает с горы. Видимость – не больше 50 метров. Увидеть вариант

подъема нереально. Отсиживаемся в пещере. Утром 15 октября распогодилось. Небо ясное, ветер разогнал облачность. Мороз космический. Хотя и до того было не жарко. Прошли 45 метров траверсом влево, спустились на длину веревки в снежно-ледовый кулуар и увидели, что этот путь выведет на вершину. Глянули на часы – поздно, не успеем вернуться до темноты. Возвращаемся в пещеру. У нас еще два баллона кислорода. Этого, если поставить на минимальную подачу, должно хватить на 5 часов работы. В 8 утра 16 октября выходим на восхождение. Поздно, конечно, но раньше идти не имело смысла из-за сильного мороза. У нас термометра не было. У Вити Пастуха был в виде брелока, его на 8300 м зашкалило на отметке минус сорок градусов Цельсия. Обычно на этой высоте мороз ночью за пятьдесят. Нам с Володей еще повезло, что на южной стороне горы ветра не было. Потому что пятьдесят да с ветром – это уже Антарктида. Кстати, полярные зимовщики делают перерасчет с поправкой на ветер и кислородную недостаточность. С ветром были бы все восемьдесят.

... Прошли в знакомый уже кулуар. Заглянули левее грибов, а там ситуация уже другая. Снежных монстров как и не было. Довольно крутой кулуар. Комбинированный маршрут – скалы, залитые льдом. Где-то фирн очень крутой. Но все проходится элементарно – в «кошках», со страховкой. Крючья, «кошки», два ледоруба в руки – и вперед. 40-метровый фирновый склон вывел к 10-метровой скальной стенке. Еще 40 метров фирна. Последнее препятствие перед выходом на перемышку кулуара – 60-метровая скальная стена. Самый сложный участок в верхней ее части. Там я стал задыхаться. Вертикальная стена на высоте 8500 м! А лезть надо с рюкзаком, в ботинках, «кошках», рукавицах. В общем, не крымские скалы. Чувствую, могу сорваться. Ноги ватные, руки не слушаются, хоть бросай все и падай. Но мозг, несмотря на гипоксию, не дает расслабиться: работаем! Работаем! Последние 15 – 20 метров лезу на грани срыва. Вдруг – это что за явление? На меня в упор смотрит чернявый горбоносый дядька. Кто он? Откуда? Незнакомец ласково так, вкрадчиво уговаривает: туда не лезь, сюда иди. Стоп! Что за дела? Глянул на манометр – кислород на нуле. Галлюцинация? Такое у меня впервые. Маску сорвал – дядька исчез. Стало немного легче. Маска дышать не давала, тяжелый баллон тянул вниз. Выбросил его, вздохнул нормально, да еще и от трех кг

избавился. Пролез. Заложил закладку, забил в мягкую скалу крюк. Удалось сделать страховку. Снизу Володя говорит – веревка кончается, осталось два метра. Закрепляю ее на надежном выступе выше стенки, прошу напарника подойти к ближайшей точке закрепления и выпустить меня выше. Прощел этот ключ, а дальше – перемычка. Оттуда уже пешком на гору идетя.

Внизу, в базовом лагере Миша рвался на гору. Это была его вершина, его стена. Он сделал для успеха экспедиции, наверное, больше всех. Был в отличной форме. Горел желанием и... не мог собрать людей – ребята «вырубались» после бескислородной работы на таком маршруте. Гену Копейку с подмороженными пальцами чудом за несколько дней восстановили уникальные электростимуляторы Толи Непомнящего и высочайшее мастерство Вити Пастуха. Чувствительность в пальцы еще не вернулась окончательно, но Гена согласился идти с Мишей. Мы с Каратаевым уже поднялись на вершину, когда они вышли. Третьим, с условием, что поднимется не выше 7000 м, пошел Петя Козачек. Это был его порог высоты. Испытания в барокамере, а потом и тренировочные восхождения на Памире показали, что выше у Петра начинаются проблемы с работоспособностью, вообще со здоровьем. Но по сумме результатов отбора он занял первое место, и тренерский совет, несмотря на мои возражения, большинством голосов включил Петра в состав команды. Экспедиция убедила: отборы – отборами, а у высоты свой кастинг. И вот теперь Козачек шел «не выше», а едва восстановленный Копейка – на гору, потому что больше никому.

Лхоцзе, Южная стена: Лхоцзе Средний, Лхоцзе Шар

Сергей Бершов на фоне Лхоцзе

Макалу со стены Лхоцзе

«Цена Лхоцзе»

В нижней части стены Лхоцзе. В. Пастух

На заснеженной стене

Эверест и Лхоцзе с вершины Чо-Ойю

Команда «Лхоцзе-90» на подготовительных сборах в Крыму

Неприступная крепость Лхоцзе

Южная стена

Сергей Тарасов, Виктор Пастух, Владимир Каратаев

На восхождении

Сергей Бершов, Михаил Туркевич, Владимир Лукьяев. Лхоцзе-90

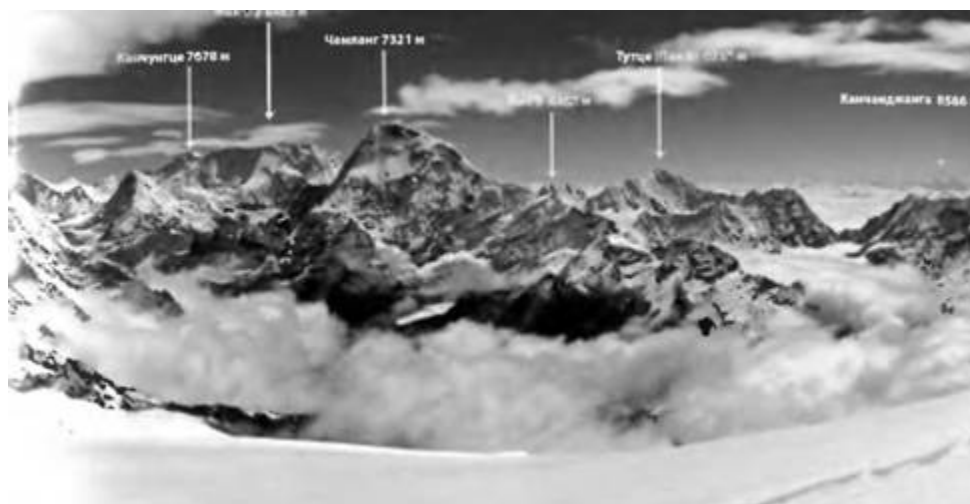
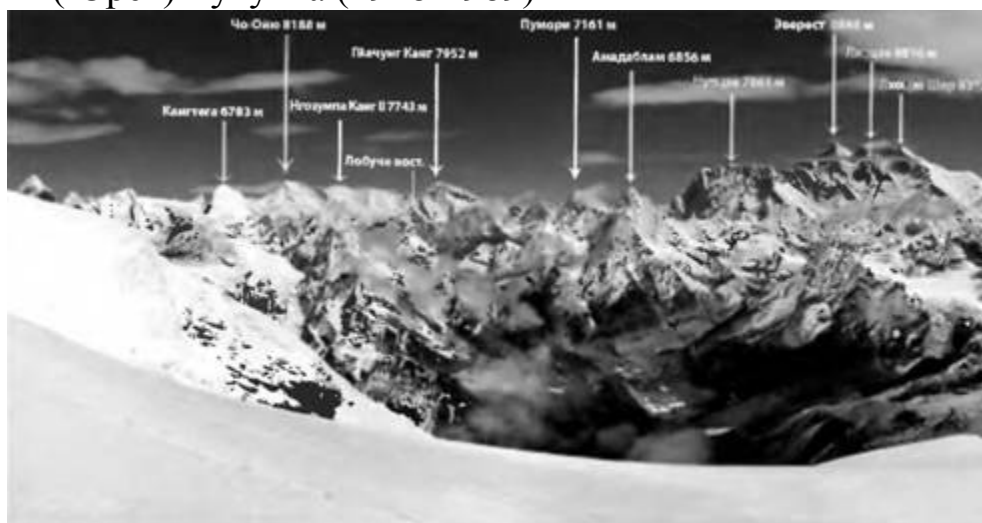
Нупце, Эверест, Лхоцзе – вид из самолёта

Райнхольд Месснер (родился 17. 09. 1944 г.)

Ежи (Юрек) Кукучка (1948-1989)

Панорама с Мера-Пик, 6452 м

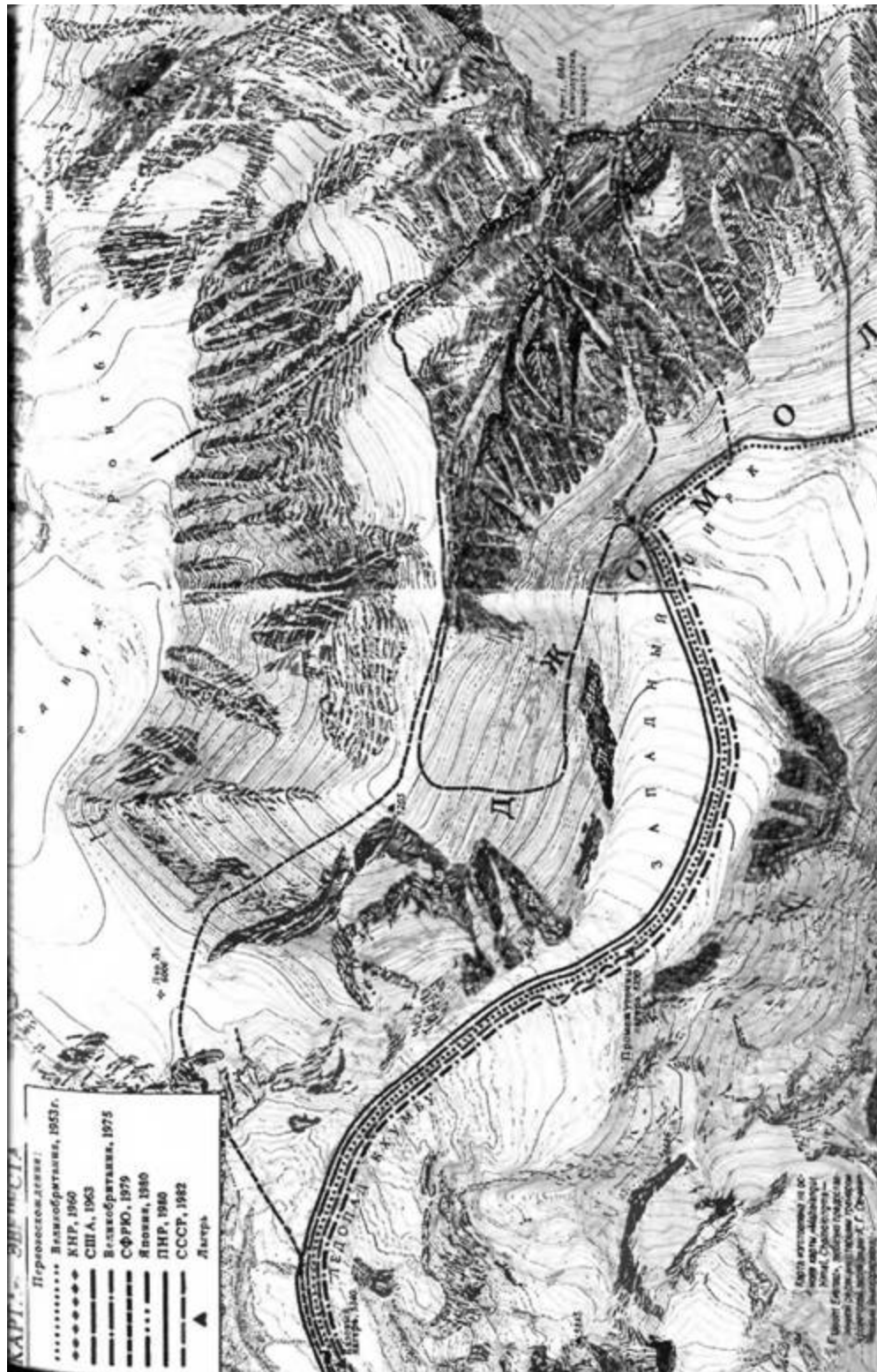
Панорама на Эверест с вершины Калапатар, 5550 м

Эверест, Лхоцзе, Нупцзе

Самая высокая вершина мира

Нитка маршрута советской экспедиции

В базовом лагере Эверест, 1982 г. Сидят (слева направо): В. Хрищатый, А. Москальцов, К. Валиев, В. Иванов, М. Туркевич, В. Онищенко, С. Бершов, С. Ефимов, В. Воскобойников. Стоят: Е. Тамм, Э. Мысловский, Х. Хергиани, В. Хомутов, Л. Трощиненко, В. Шопин, Н. Черный, С. Орловский, В. Венделовский, В. Пучков, Ю. Голодов, В. Балыбердин, Ю. Кононов, А. Овчинников

Вид на Эверест с юга

Сергей Бершов, Михаил Туркевич, Валентин Венделовский,
Владимир Балыбердин

Сергей Бершов, Михаил Туркевич. Эверест, 1982 г.

Дымящийся Эверест

Вид на Гималаи со склонов Чо-Ойю

Эверест. Восточный гребень, выше 8500 м

Вот что об этом рассказывает сам Геннадий: «К вечеру второго дня мы с Туркевичем были в лагере-6 (8100 м). Отличное самочувствие и настроение! Подготовили все для завтрашнего раннего выхода к вершине и легли спать. В течение дня регулярно связывались с базовым лагерем по рации. Знали, что Бершов и Каратаев в этот день

вышли на штурм вершины, но у них сел аккумулятор в рации и связи с ними не было. Надеялись завтра прояснить ситуацию, когда поднимемся наверх, но все равно наша рация постоянно работала в режиме приема. И вдруг уже под утро мы слышим неразборчивое хрипение в динамике. По обрывкам фраз стало понятно, что Сергей Бершов и Владимир Каратаев только ночью достигли вершины и начали спуск вниз. У Володи плохое самочувствие и сильные обморожения. Нужна помощь!

Без слов мы с Мишей поняли друг друга и стали переупаковывать уже приготовленные к выходу рюкзаки. На 90 процентов мы не сможем сходить на вершину, нужно помочь товарищам, нужно нести больше кислорода, примус, бензин, продукты, аптечку... Смешанные чувства одолели нас: с одной стороны, радость – вершина покорена, экспедиция успешна! С другой стороны, разочарование – столько личных усилий мы потратили, работая на горе, а вершина нам не светит, и лавры пожинать будут другие!

Тогда я еще не знал, что судьба не раз будет меня испытывать в Гималаях, не раз мне придется ставить на чашу весов мораль и успех. Такова уж специфика гималайских восхождений, что на общий успех работает каждый член команды, а героями становятся те, кто оказался в нужный момент в нужном месте, кому повезло... Это ни в коей мере не принижает Достижение Бершова и Каратаева. Они сделали невозможное! Ценой собственного здоровья они вырвали победу! Но им в тот раз повезло больше, чем нам...»

С перемычки кулуара виден Эверест. «Ну, здравствуй!», – хочется крикнуть великану. В таком ракурсе я его еще не видел. С севера дует так, что трудно стоять. Сажусь верхом на гребень, оглядываюсь. Западного цирка отсюда практически не видно. Вниз широким шлейфом уходит довольно пологий склон кулуара. На Южном седле яркие пятнышки осиротевших палаток. Там никого. Осенний сезон восхождений закончен. Экспедиции ушли из-под Эвереста. Смотрю на часы – 16. 16. Поздновато. До вершины – простой снежный склон. Закрепляю веревку на айсбайле, кричу Каратаеву, чтобы подходил, а сам пытаюсь вызвать базовый лагерь. Не получается – замерз аккумулятор. Делаю несколько снимков Эвереста, выставив время и дату съемки. Жду Володю. Через час он подходит и мы вместе идем на вершину. В 17. 55 мы на Лхоцзе! Ликовать и восторгаться нет сил. На

вершине пробыли минут пять, не больше. Впереди трудная дорога вниз. Темнеет. Ветер. Мороз.

Вспоминает Володя Каратаев: «Спускались медленно, у меня «кошка» слетела. К пещере я дошел где-то в пять утра. Думаю, что обмораживаться начал уже на подъеме. Кислорода у нас было мало, хватило на несколько часов. Сереге я дал более полный баллон, себе взял остатки. Ну, и когда начал мерзнуть, организм сам стал саморегулироваться – равномерно отключил периферию, и я потихоньку, не замечая, поморозился».

Спускались всю ночь. Я пришел в пещеру лагеря-7 в три ночи, Володя – около пяти. «И тут считать мы стали раны». У Каратаева оказались сильно обморожены пальцы рук и ног. Согрел на примусе аккумулятор, сообщил в лагерь о восхождении, о том, что Володя поморозился, вероятно, понадобится помощь на спуске. Может, если бы не пневмония Пастуха, больше бы пальцев сохранил Володя. Ведь тогда не так уработались бы на горе. Опять же, с нами был бы доктор-ас. Правда, тогда кислород пришлось бы на троих делить, а его и двоим ненадолго хватило. Но что теперь гадать? Володя раньше «поплыл». Если бы я тоже выпал в осадок, мы бы просто не дошли до седьмого лагеря – спасительной пещеры. Там же все время страховка нужна была. Я постоянно напарника страховал. Только на последнем, 40-метровом траверсе помочь не мог. Там надо было немного спуститься, затем наверх три-четыре метра подняться на жумаре и траверсом пройти. На этом подъемчике я из сил выбился. С третьей попытки еле-еле вытащил себя наверх и ожидал его. «Володя, ты где?» – «Я тут».

«Пролез уже вверх?» – «Нет еще». Потом, хоть и темно, вижу, что поднялся. Ну все, я пошел примус разжигать. Жду, а его нет и нет. Одеваться? Это целое дело. Кричу – не слышно, потому что вход в пещеру на другую сторону. Потом наконец какие-то звуки поблизости. «Идешь?» – «Иду». Он эти сорок метров шел полтора часа. Разул. Напоил чаем. Когда увидел его восковые пятки, понял: дело дрянь.

У меня самого почернели кончики пальцев на ногах. Но я, хоть и понимал: что-то отойдет, что-то нет, в общем, успокоился. Потому что думал, что вообще с ними распрощаюсь. «Ну что ж, пусть без пальцев, все равно буду в горы приезжать». Такие идиотские мысли лезли в голову на спуске. Представлял, как без пальцев в Приэльбрусье

приезжаю... Но не прекращал этими, уже бесчувственными, пальцами двигать. Шевелил тем, чего уже почти нет! Часто рассказываю этот эпизод молодым альпинистам, своим студентам. Вывод: «Пока контролируете себя – вы живы. Как только сняли контроль – конец». Ожидал Володю и делал махи ногами. Если бы просто стоял, тоже остался бы без пальцев. На такой высоте переступить грань, отделяющую тот свет от этого, ничего не стоит. Сознание сужено, ограничено кругом сиюминутных забот: страховка, рукавицы, не стоять, шевелиться, хочется пить, спуститься вовремя, работы не на один день... От того, как ты справишься, зависит все!

Балыбердин в 1982-м сказал, что был на Эвересте за пределом. Это когда мы их с Мысловским ночью спускали с горы. Первая двойка тогда, конечно, попала в переплет. Но Бэл, как мы его называли, четко себя осознавал. Понимал, что положение критическое. Контролировать ситуацию и себя – постоянно, в любой момент восхождения – жизненно важно. Когда мы к ним подошли и спросили, как дела, он ответил: «Все, п... ц, приехали». Мы к Мысловскому: «Эдик, ты как?» – «Хорошо!». Страшно, когда вот так «хорошо». Нет адекватной оценки. Отключена воля. Человек не контролирует свое состояние, не «качает» пальцы на руках и ногах. Значит, жди обморожений. А нередко в подобных ситуациях люди просто остаются на горе. Если рядом нет такого Бэла с ненормативной лексикой, грубой, но исчерпывающе объективной. Или с Володей на Лхоцзе – меня. «Вова, идем, Вова, идем». А он согнулся в три погибели и не может двинуться. Еще одна каверза высоты: когда начинается обморожение, организм сначала «жертвует» конечностями, потом – желудочно-кишечным трактом. Володю мучили спазмы кишечника. Он то и дело останавливался, его сгибала пополам дикая боль. Я потом вспомнил, что вот так же маялся на Эвересте Эдик Мысловский, но ему в смысле обморожений повезло больше, чем Володе.

Когда я уговаривал Каратаева идти, понимал, это – гипоксия. Конечно, если бы Володя не пошел, никто бы ему не помог. Но не представляю, как бы я мог его оставить. Только при одном исходе, но подобный вариант я даже не проигрывал. Хотя, по идее, нужно любое развитие событий предвидеть. Что ты будешь делать, если... Но я возможности такого сценария вообще не допускал. Сознательно, чтобы мыслеобраз не возник и не застрял в мозгах. Такое допустимо

при проигрывании ситуационных задач, чтобы ты потом, не задумываясь, картинку воспроизвел в своих действиях и повел себя правильно. А здесь... Если такой мыслеобраз – со знаком минус – вводить, значит, подсознательно ты готов примириться с возможностью самого страшного. Я же не допускал этого ни на секунду. В суженном сознании молотком стучала мысль: идти, не сдаваться, бороться! Но момент был очень серьезный.

Вспоминает Володя: «Когда спустились в пещерку, было состояние эйфории. Так всегда бывает, когда большое дело сделаешь. И я многое не замечал, не соображал. «Сереге, – говорю, – смотри, светло как! Луна вышла». Он: «Да это утро уже, светает». Снимаю перчатки, а они к пальцам примерзли. Снимаю ботинки – внутренние тоже к пальцам примерзли.

Может, нужно было сразу спускаться. Но мы так устали – сутки ведь ходили. Чаю выпили. Ну, думаем, немножко покемарим, отдохнем чуть и вниз... Проснулись, а уже вечер. Куда ж идти? И еще ночь на 8350 м. И потом сидим – я чувствую себя прекрасно. Ничего не болит, дышится свободно, легко... Давай собираться. Копаюсь в рюкзаке, вдруг ноготь – щелк. Как семечка. Отлетел в сторону. А я ничего не чувствую. Только удивился. Тут Сереге понял, что дело плохо, начал каждый палец бинтовать.

Я потом думаю: ну что, сейчас дюльфернем и все! Делов-то: погода классная, небо чистое... И вот пока сидели – ничего, а из пещеры вылез и понял, что вестибулярного аппарата нет. Отключился. Пару шагов сделаю, маленький порыв ветра, и я – брык – на снегу...

Дойти в этом состоянии я вряд ли бы смог. Даже с помощью Сереге. Пока мы ходили на вершину, рация замерзла, связи нет, нас снизу не видно. Зима, 16-е же октября. Температура к ночи падает до минус 50. Ветры ураганные. Мы восьмые сутки на восьми тысячах без кислорода. Вниз идти – три километра. А внизу – практически все больные.

И вот Сергей меня спускает, помогает на перестежках, и тут – Миша Туркевич и Гена Копейка. Они шли на вершину. И надо было знать, ЧЕМ была эта стена для Туркевича, чтобы оценить его поступок. Когда он нас увидел, то, ни слова не говоря, развернулся, чтоб сопровождать нас вниз. Это они меня с Геной и спасли. Я для себя решил: буду спускаться, пока не умру. Если остановлюсь, сяду –

ребята нести меня не смогут. И они будут рядом, подвергая опасности свою жизнь, но не бросят. Поэтому я должен идти...».

Когда на другой день, пройдя 4 или 5 веревок (200-250 м) вниз, мы встретили Мишу и Гену, я спросил: «На гору пойдете?». Туркевич с горечью бросил: «Какая, к черту, гора». Дальше шли вместе. Ребята помогали Володе спускаться. У меня большие пальцы на ногах тоже прихватило, но я мог идти, перещелкиваться на перилах сам. За Володю это делали ребята. Мы шли очень медленно.

ЗАКОН ВЫСОТЫ: НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ!

Самым драматическим моментом стало то, что мы не смогли спуститься до палатки следующего лагеря. Пришлось расширять снежную пещеру, которую на предыдущем выходе, оказавшись в подобной ситуации, вырыли Туркевич с Погореловым, Хитриковым и Копейкой. Четверо здоровых мужиков помещались там в тесноте, да не в обиде. Теперь же приходилось делать поправку на Володины обморожения. Расширять «жилище» с помощью кастрюли и крышки от нее – галерная работа. Каратаев, понятно, в стройке не участвовал. Мы же втроем работали по очереди. Двое копают, третий пытается отдышаться. У меня, несмотря на подмороженные пальцы, работоспособность осталась. Настрой такой был: надо выживать. И вот эта база, которая в нас заложена годами занятий альпинизмом: терпеть и не сдаваться, давала силы работать после восхождения, ночного спуска и всего, что произошло. Наконец «помещение» готово. Сели на рюкзаки, закрыли вход кариматом, забылись тяжелым сном. Это была мучительная, но все же не холодная ночевка. Когда есть оболочка, тем более оболочка снежная, пещера, это уже шанс на выживание. Потому что нет ветра, и, соответственно, температура совершенно Другая, чем за бортом. Если пещера выкопана по всем правилам, там плюс или, на худой конец, около нуля. В пещере не обморозишься.

Где-то под утро мне и привиделся полет на параплане. Кстати, Саня Мелещенко, с которым мы так лихо парили над Гималаями, вообще с парапланом не знаком. Я-то пробовал в 1990-м году на Памире. Научился разбегаться, почувствовал натяжение строп и купола за спиной, но по-настоящему не взлетел. И вдруг такой сон. Хмурое пробуждение. Вниз еще топать и топать, перещелкиваться и перещелкиваться. У нас уже в крови, на уровне рефлексов – не расслабляться, пока не спустились. Чего бы это ни стоило! Вот подсознание и отпустило пружину хотя бы во сне. Отдохнул? Давай, работай дальше!

Интересно, что подобные сны в «зоне смерти» видели и мои друзья. Геннадий Копейка – в той же снежной пещере на Лхоцзе, только несколькими днями раньше. Вот что снилось ему: «Очень холодно, а у меня с собой даже не было пуховки. Кто-то из предыдущей группы случайно забрал ее в лагере-5. Спина всю ночь примерзала к стенке ледовой пещеры, ее постоянно приходилось отрывать. В тот раз я остался жив благодаря итальянским спонсорам. Фирма «Samas» нам предоставила прекрасные высотные куртки из теплого и непродуваемого материала «Gore-Tex». Однако спать не пришлось, нужно было постоянно шевелить пальцами рук и ног, чтобы они не отморозились. Иногда я впадал в дрему, и в короткие минуты «отключки» видел один и тот же сон: стою я под навесом троллейбусной остановки. А мой приятель Гоша выпрыгивает из подъезжающего троллейбуса и говорит: «Входи, садись, поехали! На следующей остановке твой дом! Ну чего же ты?!?» А я не могу поднять ватные ноги и сдвинуться с места... Сколько было таких троллейбусов? Не помню, но много! И каждый раз, просыпаясь, я с ужасом понимал, что выходить нельзя – там пропасть!».

Игорю Свергуну гипоксия «подала транспорт» на Эвересте в 1992-м. Он оказался в трудной ситуации. Совершенно один в темноте на снежном склоне в районе Северного седла. Вершина совсем рядом, но слишком велик риск. Без палатки, кислорода он ждал утра на крошечной снежной площадке. К этому эпизоду я еще вернусь. А пока – рассказ Свергуна о том, что он видел той ночью: «Перед рассветом мне не приснилось, нет, а привиделось, будто бы я Крыму. И вроде бы подъезжает на автомобиле мой друг Паша и спрашивает, чего я здесь стою. А затем предлагает уехать с ним. Я отказываюсь, и в это время закрывается дверь его машины, раздается хлопок, который и возвращает меня к реальности. В мгновение ока осознаю, что руки и ноги замерзли, сил никаких нет. Я уже не думаю ни о каком восхождении на Эверест, ни о каких лаврах. Мне надо сохранить свою жизнь, свое здоровье, в общем – валить отсюда».

Вот такие похожие видения. Менялись только средства передвижения – парашют, троллейбус, автомобиль. Правда, когда рассказал об этом приятелю-реаниматологу, он и другие различия отметил. По мнению врача, мои «полеты» были, действительно, попыткой организма снять напряжение. У ребят же дела обстояли

серьезнее. Согласились бы ехать – и «отъехали» навсегда. Но закон высоты: «Не расслабляться!» оба, и Гена и Игорь, соблюдали даже во сне. И не переступили роковую черту, у которой оказались.

... Конечно, Володе на спуске досталось. Все пальцы у него были замотаны пластырем, чтобы самому управляться с карабинами в конце веревок. Где-то ему ребята помогали. Когда наконец спустились в четвертый лагерь, где ждал Петя Козачек, стало понятно, что ниже Каратаеву сегодня не дойти. Решили, что я с Петей пойду дальше, а Миша с Геной останутся с Володей. Опять же втроем в палатке ночевать или впятером – большая разница. Спускались без приключений. На ледник встречать нас вышли ребята. Все вместе идем в базовый лагерь. Туда как раз пришли туристы. Трекинг (пешие походы) и тогда, и сейчас очень популярен в Гималаях. Спрашиваю наших: кто это? Саша Шевченко как-то странно на меня смотрит. Оказывается, решил, что это я их с Володей Лукьяевым, корреспондентом журнала «Юность», не узнал. Но я был вполне адекватен. Иначе не спустились бы мы с Каратаевым.

Володя со своими обморожениями дошел вниз, конечно, чудом. Если бы не смог, никто бы не спас. Пытались бы, но не успели. Но когда спустились на ледник, туда, где его ребята встречали, сказал: все, больше не могу, и упал. Дальше его несли. Он был собран до последнего. Шел через «не могу», заставлял себя, терпел эти бесконечные перестежки. А когда понял, что пришла помощь, расслабился... Есть видео, снятое Лешей Макаровым. Я разувая ботинки, первая фаланга большого пальца на левой ноге черная. Пытаюсь шутить, но юмор, соответственно случаю, специфический. Говорю в камеру: «Это – реклама занятий альпинизмом».

С КИСЛОРОДОМ ИЛИ БЕЗ?

Мы пробыли на высоте 7500 – 8000 м девять дней, если считать с подъемом, спуском. Ночью кислородом не дышали, экономили. А наверху, в день, когда взойшли на вершину, его хватило мне на 4, 5 часа, а Володе на 4. Спускались тоже без O_2 . Но без кислорода мы бы свою стену не прошли.

Там все работали на износ. Причем молодые до последнего – без кислорода. Сколько ни говорили, ни объясняли... В Гималаях высота 8000 м – это как на Памире 7500 м. Но после восьми тысяч наступает резкое изменение состояния. Ты этого поначалу можешь и не понять. Заметишь, когда совсем дело плохо. Поэтому советовали тем, кто впервые на таких высотах: попробуйте сначала с кислородом. Прислушайтесь к себе, оцените, как организм реагирует. Но все же умные, бывалые. Пока жареный петух не клюнет, все нипочем. Молодые ребята между собой на тему O_2 рассуждали в таком плане: если без кислорода взойдешь, точно звание заслуженного мастера спорта дадут, а так могут и «просто» мастера. Всем хотелось приехать заслуженными, поэтому упирались, сколько могли, без кислорода... Из-за этого начались травмы, заболевания, обморожения. Команда «посыпалась». Думаю, если бы не «бескислородный» настрой, на вершину взойшла бы не только наша двойка.

Устойчивость к гипоксии (особенно для «зоны смерти») не приобретешь в барокамере. Там можно подвести организм к тому, чтобы он начал правильно адаптироваться к условиям высокогорья. Но способность противостоять кислородному голоданию нарабатывается только в горах, годами восхождений. В 1982-м Эверест предельно доходчиво показал нам, что даже очень серьезная высотная подготовка сама по себе еще не залог успеха. После второго ночного восхождения обмороженных Валерия Хрищатого и Казбека Валиева, которые шли наверх без O_2 , сводили вниз. Парни вернулись в базовый лагерь совершенно «разобранные». Особенно, помню, поразило состояние Казбека. Сильнейший высотник... Никогда таким его не видел. С высоты сегодняшнего опыта могу сказать: чтобы безаварийно ходить

на восьмитысячники, нужны, кроме всего прочего, три-четыре года активной высотной подготовки. Понятно, речь о спортивных восхождениях. Для коммерческих при наличии кислорода Эльбруса иногда достаточно. Хотя и там, как говорится, бабушка надвое гадала. Смотря на какой восьмитысячник идти. Но это уже другая история.

Я ходил без кислорода на последнем этапе восхождения на Лхоцзе в 1990-м, на спуске с Эвереста в 1982-м, когда на 8600 м отдал свой баллон «поплывшему» Мысловскому. Четко представляю, что такое работа на высотах за 8000 м без O_2 . Знаю, как буду себя чувствовать, работать, страховаться. Нормально, только чуть медленнее, чем с кислородом.

Конечно, более спортивно – без кислорода. Если у тебя предстоящее восхождение – единственное в жизни, а дальше ходить ты не собираешься, наверное, можно пойти и забыть. Впрочем, и тогда есть смысл задуматься, стоит ли игра свеч. Опыт гималайских восхождений убедил меня, что на высоты больше 8500 м лучше идти с кислородом. Повторю, я ходил там и без него. Поднимался без кислорода на «маленькие» восьмитысячники (Нанга-Парбат, Чо-Ойю, Шиша-Пангму, Аннапурну). Это нормально. Но выше – нет! Это мой выбор. По отношению к собственному здоровью, прежде всего. Потому что хочу ходить в горы еще и еще.

Не спору, бескислородное восхождение более престижно и ценится выше. Понимаю желание восходителей, поднимающихся на гималайские восьмитысячники, работать без кислорода. Но тем, кто идет на высоты больше восьми тысяч впервые, лучше иметь с собой кислород. Потому что, как поведет себя организм в так называемой зоне смерти, неизвестно. При том, что на такой высоте восстанавливаться он не может – это научный факт.

Помню, Володя Балыбердин в 1982-м без кислорода восходил на Эверест. Но ночью-то он спал с кислородом! Это то же, как некоторые альпинисты понимают альпийский стиль: «Навешиваем перила до высоты 8000 м, а дальше восхождение в альпийском стиле». Бескислородное восхождение – это когда у тебя на случай какого-то «ЧП» лежит по баллону O_2 в базовом лагере и в АВС. А весь путь на гору и с нее ты проходишь, не подключаясь к баллону. Сейчас имена поднимающихся на Эверест без кислорода заносят в отдельный список. Еще в начале века количество таких восходителей перевалило

за сотню. О чем это говорит? Во-первых, об уровне современного альпинизма, во-вторых – о том, что физиологический потолок у каждого свой. Чтобы подниматься на «большие» восьмитысячники без O_2 , надо четко представлять, чем это может быть чревато на восхождении и после него. Мне очень доходчиво растолковал последствия бескислородного восхождения светлой памяти Анатолий Мошников (погиб в лавине осенью 2011-го). Он дважды поднимался на Эверест без кислорода. В первый раз не понял всех разрушительных последствий. Просто, когда приехал к маме, а она попросила что-то в доме поправить, сил на это не оказалось. Пообещал: «Отлежусь и все сделаю». Долго маме пришлось ждать. Целый год отходил! После второго восхождения уже понял, как высокогорная гипоксия бьет по центральной нервной системе, да и по всем другим системам организма. Как это аукнется в будущем, неизвестно – не проводились такие исследования. Мне кажется, есть смысл взвесить, стоит ли «престижность» восхождения такой платы?

Говорят, пользуясь O_2 , ты понижаешь высоту примерно на километр. Но тут вопрос в том, какой ты расход ставишь. Можно поставить 4, 5 литра в минуту, и тогда тебе понадобится караван носильщиков с кислородными баллонами. Или я ставлю 1, 5, от силы 2 – если большая нагрузка. Расскажу случай. Мы с Игорем Свергуном поднимались в 2005 году на Эверест с тибетской стороны. Пришли на 8300 м – площадки нет, негде ставить палатку. Вторая половина дня. Нам бы поужинать и спать ложиться – на восхождение встают не позже полуночи. А мы камни ворочаем на высоте 8300 м, выравниваем место под палатку. Кислородом не пользуемся, он только для восхождения. Тут нужна особая высотная тренированность. Не будь ее, мы бы на той площадке не то что палатку не смогли поставить – просто легли бы и не встали. О вершине вообще молчу. Но мы сделали восхождение – в нормальном темпе и стиле, адекватно, безопасно. Почему такое восхождение не может считаться спортивным? Тут ведь дело в чисто физиологических особенностях – одни лучше переносят высоту и связанную с этим гипоксию, другие хуже. Яркий пример – тот же Петр Козачек. Прекрасный человек, великолепный спортсмен, технарь, уверенно чувствующий себя на сложнейших стенах. Но выше своего потолка – не боец. Время рассудит этот спор. Мое мнение: право на жизнь имеют оба направления.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Октябрь 2010-го. Читаю на форуме альпинистского сайта Risk.ru письмо Володи Каратаева: «Так получилось, что прочитал воспоминания двадцатилетней давности Гены опять в больнице после очередной операции. Это последствия того уникального восхождения. Опять нахлынули воспоминания. Да, это была лучшая КОМАНДА в мире. И это была победа всей команды. Команда, которая действительно является эталоном достоинства, чести, совести и порядочности в достижении общей цели экспедиции на Лхоцзе. Это люди, благодаря которым я смог пережить долгие пять лет операций и реабилитации. Из них около двух лет в Харькове я прожил дома у Вити Пастуха и Сережи Бершова, в Москве у Жени Клинецкого, в Алма-Ате у Рината Хайбулина. В те времена повального дефицита ребята присылали мне посылки с медикаментами. Для меня роднее этих людей нет. Гена, огромное СПАСИБО за статью! Будем ЖИТЬ!».

Нужны ли победы такой ценой? Эта тема в связи с 20-летием нашего восхождения также активно обсуждалась на форуме Risk.ru. Цитирую фрагменты дискуссии:

«Все-таки по сегодняшним понятиям, альпинизм – это дорога туда и обратно. А тут создается ощущение: люди были готовы только туда, а обратно – не важно. «Авось». Может, команда спустит. А нет, так нет. Неправильно это как-то. Месснер никогда бы так не рисковал... Поэтому он и покорил все 8-тысячники и остался жив! Он трезво оценивал обстановку и возвращался, как бы ни было обидно за потраченное время и деньги... Одиннадцать возвращений – это тоже рекорд... Но у советских альпинистов был другой подход: взятие вершины любой ценой! Так нас учили, так нас воспитывали».

«Месснер никогда бы так не рисковал» – как сравнить, кто как рисковал? По эмоциональности описаний? «Он трезво оценивал обстановку» – а наши, что, все время навеселе ходили? «Но у советских альпинистов был другой подход: взятие вершины любой ценой» – что-то в советское время я такого не припоминаю. Наоборот, запросто могли не засчитать, если решали, что что-то не так. «Так нас

учили, так нас воспитывали» – непонятно, в каких местах СССР вас ТАК учили и воспитывали. И кто вами ТАК занимался?».

Что сказать? Мы – всей командой! – Южную стену выстрадали. Мы прошли свой маршрут по несколько раз каждый, чтобы все было надежно, безопасно. Ни о каких «авось» не было речи. Это в альпинизме не проходит. Ни тогда, ни сейчас. Кто надеется на «авось», отпадает (часто – в буквальном, роковом смысле) много раньше того уровня, какой был у наших ребят. Мы четко знали, на какой находимся горе. Понимали, что, как никто другой, достойны вершины. Но, конечно, не любой ценой. Если бы я мог предположить, что придется пережить Володе, что самому слегка «постригут» подмороженный палец, никуда бы не пошел. Мы были уверены в собственных силах, здоровье, опыте. Все это в итоге помогло вернуться. Но заплатить за успех пришлось дорого. Тем, что остался без пальцев Каратаев. Что не взошли, спасая его, Туркевич и Копейка – дважды находились за 250 метров по высоте от вершины и дважды вынуждены были повернуть. Тем, что больше мы с Мишей не ходили вместе. Но это уже другая история.

В лагере Каратаева ждала капельница, потом – экстренная госпитализация. Вертолет до Луклы и до Катманду. Аэробус из Непала в Дели. Прямого рейса в этот день не было, пришлось добираться с пересадкой (советский рейс – раз в неделю). Володя ослаблен донельзя, потерял 15 кг веса. Томительное ожидание самолета на Москву стало для него губительным. Работал кондиционер. Этого оказалось достаточно, чтобы Каратаев простудился, началась пневмония. Когда приехали в Москву, спасти пришлось не отмороженные пальцы, а Володину жизнь. Пока его вытаскивали из воспаления легких, на пальцах рук и ног началась гангрена... В базовом лагере Витя Пастух, снимая пластырь с Вовкиных пальцев, вздохнул с облегчением. Было видно, что они стали понемногу отходить. Не полностью, но все же. Может быть, первые фаланги и не спасли бы, но остальные, скорее всего, остались. Из-за пневмонии все усилия организма сконцентрировались на легких, пальцы же стали, как когти у орла. Черные, скрюченные...

Еще в базовом лагере мы получили сообщение, что с высоким достижением команду поздравил первый (он же единственный и последний) президент СССР Михаил Горбачев. Не скрою, было

приятно, что альпинистов приветствует глава государства. Кстати, президентский указ о награждении наших ребят орденами за восхождение был чуть ли не последним документом разваливавшегося Союза. Наград удостоились не все – ордена советским гражданам полагались не чаще, чем раз в пять лет. А я и Миша Туркевич за Канченджангу в 1989-м получили ордена Дружбы народов. Орден Ленина, который получил Володя Каратаев, наверное, стал вообще последним в истории. Дата указа со списком награжденных – 21 декабря 1991 года, последний день существования СССР...

Занятые горой, мы не очень вникали в происходящее на равнине. В интервью, которые давали по возвращении, констатировали, что заканчивается эра экспедиционного альпинизма. Не замечая, что уходит в прошлое советская эра, рушится огромное государство. В нашем понимании тектоника соотносилась исключительно с горами, геологическими процессами. Тектонические сдвиги в обществе, перевернувшие жизнь миллионов людей, мы осознали, наверное, позже всех. По контрасту с 1982 годом. Наш триумф на Эвересте был, без преувеличения, триумфом всей огромной страны. Тогда гималайская эпопея была темой номер один на радио, телевидении, в прессе. А мировое достижение на Южной стене Лхоцзе за пределами СССР произвело куда большее впечатление, чем дома. Даже «Правда», главная газета страны, озаглавила заметку о нас «Сенсация, которую не заметили». Жизнь менялась стремительно и бесповоротно, соотечественникам было не до альпинистских побед.

Задумывая с Михаилом Туркевичем и Александром Шевченко нашу экспедицию, мы мечтали дать гималайский старт целой группе молодых перспективных ребят и обеспечить им блестящее восходительское будущее. Не представляли, что меньше чем через полтора года после экспедиции окажемся гражданами разных стран – России, Украины, Казахстана. Что многие наши планы разобьются о жестокие реалии «эпохи перемен». Не догадывались, что выбираться в горы станет и много легче, и гораздо трудней. А чтобы пройти по краю горных пропастей, потребуются сначала преодолевать бездонные финансовые пропасти. Но альпинизм научил терпеть и не сдаваться. Большинство из тех, кто сегодня жив, с горами не расстались. Прохождение Южной стены и двадцать лет спустя мои товарищи называют первым в списке личных восходительских достижений. Те,

кто ушел – Михаил Туркевич, Виктор Пастух, – тоже оставались альпинистами до последнего вздоха.

... Эпопея на Южной стене уходила в историю. Участники восхождения, подлечившись, разъехались по своим городам. Только Володя Каратаев оставался в институте Склифосовского. Наш добрый гений профессор Владимир Леонович Лиминев, не раз спасавший альпинистов в своем отделении сосудистой хирургии, делал для него все возможное и невозможное. А Витя Пастух, сам пациент «Склифа», спас Володе Каратаеву жизнь уже там. Хорошо, они в одной палате лежали. Володе препараты вводили с помощью капельницы. Оказалось, на какое-то лекарство у него аллергия. Медсестра, ничего не подозревая, препарат ввела, свет выключила, дверь прикрыла и ушла. А у Каратаева остановка дыхания. Профессиональный докторский слух больного Пастуха и ночью не дремал. Если бы не это... Потом Володю у нас в Харькове лечили. Консультировали в Италии, спонсоры подобрали и подарили ему обувь. Володя о нас сказал: «Роднее этих ребят, этой команды никого нет и не будет. Такое пережить: сначала лбами сталкиваться, весь год за место бороться, а потом плечом к плечу – уже за жизнь бороться». Восхищаюсь его мужеством, жизнелюбием. Будучи инвалидом первой группы, Каратаев долго руководил горнолыжной школой в Дивногорске. Даже ходит на восхождения! Сейчас – на пенсии. Но живет активно, не сдается. По-прежнему летает на параплане! Может, мой сон про параплан на Южной стене был Володиным? Просто адресатом случайно ошибся?

ЧАСТЬ II

МОИ ЭВЕРЕСТЫ

НОВИЧКИ В ГИМАЛАЯХ

1981 год. Москва. Хорошевское шоссе. Претендентов в первую советскую гималайскую экспедицию обследуют в засекреченном Институте медико-биологических проблем Академии наук СССР. Там же, где и космонавтов. И сам отбор – как на орбиту, только еще придиричливее. Логично. В космос уже двадцать лет народ летает, методики отработаны. А чего ждать от «зоны смерти» на почти девятикилометровой горе Эверест, неизвестно. Под этим предлогом экспериментаторы вертят нами, как хотят. В буквальном смысле (меняя режимы в барокамере) и переносном, вовлекая в опыты, которые, по нашему разумению, никаким боком высокогорных проблем касаться не могут. Но об этом – только вечером, в своем кругу, доверительным шепотом. А так – ни-ни. Все пройдем, все стерпим ради Эвереста.

Чтобы побывать в любой точке планеты, нужны желание, деньги и время. Так думают читатели, родившиеся после распада Советского Союза. Им трудно представить, что выезд за границу может быть невероятной, редкостной привилегией. Для советских граждан все обстояло именно так. Как член сборной страны по альпинизму я несколько раз выезжал, как тогда выражались, «за бугор»: в Швейцарию, Францию, Италию, США, Болгарию, Польшу, Японию. В кругу друзей и знакомых это вызывало завистливые вздохи: везет же некоторым. Отбывающих тщательно проверяли, строго напутствовали. Инструктировали на все случаи жизни. Например, что делать, если в купе поезда, где едет советский спортсмен, входит молодая пассажирка? Немедленно выйти и потребовать у проводника перевести на другое место. Жаль, ни разу молодая пассажирка не открыла дверь моего купе. Мы все больше самолетами летали. Что приятно, за государственный кошт. Еще и командировочные в валюте получали – скромные, но все же. Экспедицию на Эверест тоже финансировало государство: экипировку, питание, гостиницы, транспорт и т. д. Нам оставалось всего ничего: влезть в игольное ушко многоступенчатых отборов в команду и, если это удастся, выполнить главную задачу – взойти.

Оказаться в Гималаях, воплотить мечту нескольких поколений советских альпинистов о высотном полюсе – это было круто. С начала пятидесятых годов прошлого века главные события мирового альпинизма происходят в Гималаях, Каракоруме. Но для отечественных восходителей самые высокие горы долго оставались закрытой книгой. Мы знали, что ни в чем не уступаем зарубежным коллегам, ходили с ними и в наших горах, и за рубежом. Но не на восьмитысячники! Авторами главных мировых достижений в альпинизме были другие. Нам оставалось только ревниво вчитываться в откровения Эрцога, Параго, Маури, Месснера... Мечтать: вот бы нам туда. В конце пятидесятых готовилась советско-китайская экспедиция на Эверест с тибетской стороны. Была создана команда, наши ездили в Китай на разведку. Начиная заниматься альпинизмом, не раз слушал рассказы ветеранов о совместных восхождениях с китайцами – они приезжали тренироваться в наших альплагерях. Наши ездили в Китай, там вместе ходили на семитысячники Конгур (7719 м) и Музтаг-Ату (7546 м). В КНР уже завезли снаряжение – рюкзаки, ледорубы... Через сорок лет в украинской экспедиции «Эверест-99» мы получили неожиданный привет из прошлого. Слава Терзыул на высоте 7500 – 7700 м нашел советский ледоруб 1959 года изготовления. Древко прекрасно сохранилось. Я выпросил находку и подарил друзьям-кубанцам в альпинистский музей Краснодарского юридического института. Там находка хранится и сейчас как память о несостоявшейся экспедиции на высотный полюс. Она была запланирована на 1959 год. Но начались волнения в Тибете. Следом грянул очередной политический катаклизм. Тогдашний советский глава Никита Хрущев побил горшки с китайским лидером Мао Цзэдуном. Идею совместного восхождения похоронили. Китайцы с нашим новеньким снаряжением весной 1960-го взойшли на Эверест (правда, восходительское сообщество долго не признавало это восхождение). А мы ждали своего часа еще 22 года.

Попытки прорваться в Гималаи, взойти на другие восьмитысячники предпринимались. В 1973-м планировалась советская экспедиция на Макалу, в 1975-м – на Канченджангу. Но все упиралось в финансы. Не было в стране средств на такое «баловство». Тогда родилась идея международных альпинистских лагерей (МАЛ) на Памире и Тянь-Шане, куда приезжали иностранцы и совершали

восхождения, расплачиваясь за них валютой. МАЛ оказались делом прибыльным, исправно приносили государству неплохие доходы в валюте. И так это понравилось спортивным и прочим чиновникам, что вскоре забылось, ради чего заваривали кашу. Когда будущие руководители первой гималайской экспедиции доктор физико-математических наук Евгений Тамм, старший тренер, доктор технических наук Анатолий Овчинников, их единомышленник, ветеран Великой Отечественной войны, замечательный альпинист Михаил Ануфриков завели речь о восхождении на Эверест, от них отмахивались. Пришлось искать поддержку на самом высоком уровне – у секретаря Центрального Комитета КПСС Михаила Зимянина, он курировал науку, культуру и спорт. Зимянина убедили аргументы Тамма, что успех советских альпинистов поможет укреплению международного авторитета страны, ведь восхождение на Эверест равнозначно олимпийской победе. «Гарантируете успех?», – спросил партийный вождь. Беспартийный Тамм гарантировал. Так в 1979 году был дан старт подготовке экспедиции. Непальская сторона разрешила советской команде восхождение весной 1980-го. Но летом того же года в Москве проходили Олимпийские игры. Пришлось меняться очередью с испанцами. Они пошли в наш год, а мы в их – 1982-й.

Заявить о себе в Гималаях надо было ярко и убедительно. Ординарный маршрут (так называемая классика), любой уже хоженный или даже новый, но не поражающий воображение, тут не годились. Требовалось выбрать путь, который вывел бы советскую команду на вершину не только самой высокой в мире горы, но и мировой альпинистской табели о рангах. Этим требованиям, по мнению нашего руководства, отвечали два маршрута. Первый – по контрфорсу Южной стены с выходом на Юго-Восточный гребень. Второй – по контрфорсу Юго-Западной стены с выходом на Западный гребень. Победил второй вариант как значительно более интересный в техническом плане: более крутой, со сложным скальным рельефом на высотах от 6500 м до 8000 м.

В 1979 году слух о предстоящей экспедиции прошел «по всей Руси великой», союзным республикам, городам и весям. На место в команде претендовало человек 150 – сильных, надежных, техничных, выносливых. Лучших из лучших. Приблизительно равных. А отобрать нужно было 16 альпинистов. Обо всех перипетиях отборов я подробно

рассказал в своей «послеэверестовской» книге «Шаги по вертикали». Не хочу повторяться, просто уточню: попасть в число шестнадцати счастливиц было редкой удачей. Но права народная мудрость, везет тому, кто везет. На восхождениях, соревнованиях, испытаниях и прочих этапах отборов мы выкладывались, как проклятые. Понимали: достойных занять свое место – десятки. В любой момент запросто можешь вылететь из команды. В засекреченном институте на Хорошевском шоссе я оказался от вылета на волосок.

Белоснежный хрустящий халат. Строгие, без тени улыбки глаза. Ну тебе снежная королева, только с фонендоскопом. Выражение лица: сейчас я вас выведу на чистую воду! От этого как-то не по себе. Дама-кардиолог вслушивается в мои сердечные тайны. Доктор, что вы там можете услышать, кроме горячего желания попасть в Гималаи? Подростковый ревмокардит давно затренирован и забыт. Я крепок, как шлямбур. Дышите. Не дышите. Повернитесь. Вдохните и не дышите... Да я согласен не дышать до самого Катманду, только пустите! Ага, как же! «Что-то мне не нравятся ваши тоны. Завтра с постели не вставать, не ходить. Я вас еще раз послушаю». Утром следующего дня она берет нас тепленькими до подъема. Хрустит халатом, щелкает выключателем: «Так, кого я вчера хотела еще раз послушать, поднимите руки». Эдуард Мысловский, Григорий Луняков и Леонид Трощиненко послушно выполняют команду. Остальные, кто проснулся, с интересом наблюдают, что будет. А уж как мне интересно... Но руку не поднимаю. Кардиограмма и фонограмма в норме, чего ей еще надо? К счастью, строгая доктор не записала фамилий. Привыкла космонавтами командовать, у которых военная дисциплина. Прослушала Эдика, Гришу и Леху, что-то записала – ребятам ни слова – и ушла. Потом оказалось, выписала приговор.

Это была чистой воды перестраховка. Мысловскому запретили подъем выше шести тысяч метров. Может, и по делу, но он поднялся на Эверест в первой двойке. Леша Трощиненко, классный высотник, тоже получил «рекламацию» и запрет ходить выше базового лагеря. Поехал в Гималаи завхозом, «комендантом ледопада Кхумбу». Сколько же он на том ледопаде отпахал, и в Западный цирк, как на работу ходил! Славу Онищенко готов был нести по морене вниз, когда тому плохо стало. Конечно, Леша вполне мог взойти и на Эверест. Больше всех не повезло Грише Лунякову. Показательная деталь. Когда

готовились к экспедиции на Канченджангу (она состоялась в 1989 году), врачи-физиологи, обычные, не засекреченные, восхищались физическими характеристиками, выносливостью Григория. Говорили, что они с Толей Букреевым – на уровне олимпийских чемпионов по марафону. В 1982-м Гриша был на семь лет моложе, сильнее, рвался в бой. Медики уперлись рогом: не пускать! Тамму удалось отстоять только Мысловского. А Луняков остался дома. Я вполне мог составить ему компанию. Но не составил. Повезло? Конечно, но я для этого очень постарался.

Позже сэр Эдмунд Хиллари скажет: «Ваши альпинисты – открытие для Гималаев». А Гималаи стали открытием для нас. Наверняка магию этих грандиозных гор чувствует каждый, кому посчастливилось приблизиться к их подножиям. Я был просто ошеломлен, хотя побывал к тому времени не только на Кавказе, Памире, Тянь-Шане, айв Альпах, Кордильерах. Раньше видел этот сияющий невероятными красками космос гор только на полотнах Николая Рериха. В натуре Гималаи еще прекраснее. Самое удивительное: там открываются ресурсы души, о которых не подозревал. Может, потому, что там мы ближе к Богу? Или все дело в более высоком уровне солнечной радиации, космического излучения? Научный факт: в высокогорье происходит сильнейшая перестройка организма. В крови резко повышается уровень гемоглобина, мобилируются все жизненные силы. Возможно, связанные с этим ощущения настраивают на особое восприятие мира. Создают радостный эмоциональный фон. Похоже, в Гималаях мы получаем дозу какого-то эфемерного допинга, неизвестного на равнинах (да и в других горах). Хочется снова и снова, как мышке из опыта, жать лапкой «кнопку удовольствия». Не за ним ли мчимся при первой возможности? Впрочем, эта гипотеза еще требует доказательств.

Чтобы получить свою порцию концентрированного позитива, не обязательно быть альпинистом и подниматься на вершины. У трекинга – пеших путешествий по живописным ущельям и перевалам к подножиям знаменитых гор – миллионы поклонников. Многочисленные «эдвэнчерз» фирмы (adventures по-английски – приключения) предлагают свои услуги. Путники идут налегке, багаж едет на яках, о пище и крове тоже не нужно заботиться... Ничто не

отвлекает от общения с миром гор на маршрутах один заманчивее другого. Главный магнит, конечно – Эверест.

У высотного полюса несколько названий. Непальское – Сагарматха, что означает Богиня – мать гор, тибетское – Джомолунгма, в переводе – Божественная мать жизни. Сам смысл названий говорит, что и тибетцы, и непальцы испокон веков знали – это не просто гора, а главная Гора. Англичане, первыми исследовавшие Гималаи как часть своих имперских владений, только в середине XIX века обнаружили, что пик, обозначенный на картах просто цифрой XV, – самая высокая точка планеты. Выяснилось это с помощью тригонометрических расчетов индийского математика и топографа Радханата Сикдара. Находясь за сотни километров, он вычислял высоту гималайских вершин. Одна из них оказалась высочайшей из всех известных. Свое английское имя Высотный полюс получил в честь сэра Джорджа Эвереста, руководителя геодезической службы Британской Индии, вице-президента Королевского географического общества.

Поднимаются на Эверест многими путями. Можно идти из Китая, с тибетской стороны (оттуда пытались взойти на вершину первые экспедиции) – это дешевле, но путь длиннее, а погода холоднее. С южной, непальской стороны путь короче, но круче. Зато там теплее, не так жестоки ветры. Правда, стоимость пермита (разрешения на восхождение) вдвое дороже. Сложность маршрутов тоже разная. Варианты новых путей на третий полюс и сегодня не исчерпаны. Даже если ваш подъем будет не слишком сложен, все равно это маршрут на Гору. Именно так – с заглавной буквы – всегда воспринимается любое восхождение на Эверест.

Наш первопроход, сейчас обозначенный в списке маршрутов на Высотный полюс под номером девять, в 1982-м значился восьмым. Коррективы внесло признание китайского восхождения 1960 года. Из-за этого и в списках восходителей на Гору нашу компанию слегка подвинули. Чтобы пройти такой маршрут, нужны были не только сила и выносливость, но и высокое техническое мастерство. Альпинистский мир заинтересованно ждал результата. В том, что русские (в смысле советские) новички в Гималаях – не робкого десятка, никто не сомневался. Но маршрут уникально сложный, справятся ли? До нас доходили и скептические высказывания. Это подстегивало. Пятнадцать экспедиций потерпели неудачу, десятки

жизней оборвались на пути к полюсу высоты, прежде чем 29 мая 1953 года первовосходители взошли на отметку 8848 м. Наступала наша очередь подняться на самую высокую отметку земной тверди. Мы «били копытами» в предвкушении. Но и озноб пробирал. Что там, выше отметки 8000 м?

СВОЙ ПОТОЛОК

Как встретит таинственная и зловещая «зона смерти»? Этот вопрос для меня звучал как гамлетовское «быть или не быть?». Высотный опыт я начал набирать, только когда объявили отбор на Эверест. До того высотой не увлекался. Специализировался на технически сложных восхождениях. Кайф получал от головоломных скальных или комбинированных маршрутов, в высотном классе не видел ничего интересного – ходят маршруты пешком. Но тут на горизонте замаячили Гималаи. Требования к претендентам в команду: не меньше трех семитысячников. Это сразу сознание перещелкнуло. Времени в обрез. Что делать? На помощь пришел один из моих учителей, замечательный альпинист Юрий Пригода. В его команде харьковского «Авангарда» я проходил альпинистские университеты. Решили, что для участия в чемпионате Союза заявим новый маршрут на Памире. А попутно взойдем на пик Ленина. Причем я поднимусь дважды, по разным маршрутам. Переезжать в районы других семитысячных вершин не получалось по времени и по деньгам.

Первое восхождение на пик Ленина было таким же невыносимым, как первый подъем на Эльбрус. Настолько тяжело в горах мне давно не было. В 1977-м на Эльбрусе, помню, Владимир Дмитриевич Моногаров, наблюдая за моими страданиями, участливо спрашивал: может, повернешь вниз? Мучительный выбор, знакомый по жизни каждому: терпеть или отказаться, послушаться мудрого совета? Но сам-то я уже не мальчик. Ходил в серьезные горы. Мастером успел стать, чемпионом Союза. И что – уйти с какой-то «двойки-А»? Понимал, это сильнейшая «горняшка». Может быть, я даже рисковал. Мог загнать себя в ситуацию, когда уже не способен идти ни вверх, ни вниз. Но почему-то об этом не думал. Был уверен, что «на зубах», но взойду. Заставил себя взойти.

В 1977-м на Эльбрусе мучился, начиная с 5000 м, в 1979-м на пике Ленина – с 6300. Тошнота, рвота, дикая головная боль. Свинцовые ноги, стопудовый рюкзак. В общем, кошмар. Все признаки острой формы горной болезни. По идее, надо спускаться вниз. Нельзя

в таком состоянии на гору. Но рядом идут друзья: Саня Толстоусов, Пригода. Поднимаются наши харьковские девчата. У них как будто все нормально. А меня, без пяти минут участника гималайской сборной, «колбасит» по полной программе. Вспомнил Эльбрус, пересилил себя. Взошел. Дальше – самое удивительное. Спускаемся вниз, три дня отдыхаем, я с ужасом готовлюсь повторить пытку высотой. Иду на восхождение, и... не узнаю гору. Как будто это не семитысячник, даже не пятитысячник.

Стало понятно, что у меня свой темп акклиматизации. Просто нужно хорошо себя знать. А не попробуешь – не узнаешь. Бывали и вовсе необъяснимые моменты. Скажем, на пик Ленина приехал, и где-то начиная с четырех тысяч метров, меня вдруг резко, ни с того ни с сего хватает «горняшка». Вот это все надо было прочувствовать, понять и пересилить. Товарищи по гималайской сборной Миша Туркевич, Леша Москальцов на Эльбрусе чуть ли не вдвое быстрее входили в берега, а меня мучили «горняшка» и сомнения, смогу ли ее перебороть. Рассказал о своих тревогах Моногарову. Как впервые шел на пик Ленина, что чувствовал на втором восхождении. Что, судя по всему, я акклиматизируюсь вдвое дольше, чем Миша и Леша. Кстати, когда начались главные отборы, по сравнению с казахстанцами, у которых высота начинается в часе езды от их квартир, не только я поначалу выглядел бледно. Моногаров говорит: «Ну что? Значит, перед сборами приезжайте на Кавказ на две недели раньше. Ходите на Эльбрус, ночуйте там». Мы и сами понимали: чтобы попасть в команду, ребятам из равнинных Харькова, Донецка надо быть на голову выше разбитных москвичей, маститых казахстанцев. А значит – активнее акклиматизироваться. Владимир Дмитриевич Моногаров подвел научный фундамент под наши предположения. Перед всеми отборами так и делали. Поднимались на Эльбрус, бегали по склонам. В итоге физические кондиции выводили на уровень высотников и даже покруче. Благодаря этому, считаю, и отборы успешно прошли.

Многие претенденты в команду были чистыми высотниками. На нас с Туркевичем смотрели немного свысока. Альпинистского авторитета мы тогда еще не имели. Мастером, чемпионом Союза я стал сначала в скалолазании (1971 г.), а потом уже в альпинизме (1973 г.). Там рост шел медленнее. У Миши тоже сначала было скалолазание, а потом альпинизм. А в скалолазании больше было «звона», о наших

победах на скальных трассах писали газеты. Соответственно, к нам и относились, скорее, как к скалолазам. Хотя тренеры не выделяли никого. Участники между собой, может, и шушукались. Но отборы четко показали каждому: хочешь на Гору – вписывайся в коллектив. Пока отбирались, притерлись, сдружились. В Гималаях жили с ощущением, что делаем общее дело. Правда, с Валерой Хрищатым на стадии отборов, да и потом частенько дискутировали, какой класс круче – технический или высотный. Двойка казахстанцев Валерий Хрищатый – Казбек Валиев имела в активе довольно сложные как для высотников маршруты, где нужен определенный технический запас. Для технического или скального класса восхождений, в которых специализировались мы, он был недостаточным. Скалы на Эвересте, которые нам выпало обрабатывать, думаю, они бы тоже прошли, только медленнее. Процентное соотношение технической и высотной квалификации на тот момент у Хрищатого с Валиевым было, наверное, 20 на 80. У нас с Туркевичем – примерно 60 на 40. Мы больше технари все-таки были.

Уникальный маршрут на Эверест предъявлял к альпинистам особые требования. В полной мере им не отвечали ни «чистые» технари, ни «чистые» высотники. Требовались универсалы, «технари-высотники», обладающие не только выносливостью – общей и специальной, позволяющей выдерживать огромные физические нагрузки в условиях непогоды, высокой степени риска, стресса и т. д. Альпинисты не только с серьезной технической подготовкой (общей и специальной), а с полным набором качеств, навыков и умений. Плюс способность применять все это на больших высотах, в «зоне смерти», в условиях гипоксии. Плюс умение восстанавливаться и сохранять высокую работоспособность в течение всей экспедиции (которая может длиться от 1 до 3 месяцев). Мы готовились к таким испытаниям тренировками и регулярным участием в скалолазных соревнованиях на естественном рельефе. Например, мой годовой план предусматривал 65800 метров скальных трасс. Из них интенсивная подготовка – 11300 метров (на сборах два раза в день проходил, минимум, по километру скальных трасс), на соревнованиях – 1800 метров. В этих суммарных 65 километрах были учтены также скальные восхождения. Конечно, не забывали об общефизической подготовке (лыжные гонки, кроссы). Плюс лазание по льду. И, конечно, восхождения.

Старший тренер Анатолий Овчинников присматривался к нашей двойке очень придирчиво. И на скандал пытался спровоцировать – какотреагируем. И высотой лично испытывал. Анатолий Георгиевич – доктор технических наук, профессор. Аналитический склад ума, к любому явлению – системный научный подход, при этом сам альпинист, заслуженный мастер спорта – вот такой сплав. Эпизод, к предмету разговора отношения не имеющий, но показательный. Я попытался спорить с Овчинниковым. Доказывал, что с точки зрения физиологии бесполезно бегать утром в горах на зарядку. Старший тренер внимательно выслушал мои аргументы и отрезал: «Зарядка-тренировка входит в отбор. Всем понятно?». Бросились за поддержкой к нашему «гуру» Моногарову: что делать? Он: «Привыкайте, ребята, бегать по утрам». Пришлось привыкнуть. Бегаю до сих пор. Может, и неправильный тогда у Овчинникова был подход, но, с другой стороны, хорошо, что он дал мне эту привычку – начинать утро с зарядки-тренировки. Иначе, наверное, в другой бы сегодня форме был.

Овчинников хотел все и всех видеть в деле, оценить на маршруте. Летний памирский сбор 1981 года предусматривал восхождение на пик Коммунизма по пути Кузьмина. Серьезный маршрут, длинный. Своего рода модель будущего гималайского восхождения – промежуточные лагеря, навешивание перил и т. д. Тактика моделирования предстоящего восхождения была выбрана очень грамотно. Прилетаем на Памир. Овчинников указывает на нас с Мишей Туркевичем: «Вот вы и вы – с палатками и снаряжением забрасываемся на Грузинские ночевки (4500 м – СБ.). Остальные подлетают позже». Вертолет выбросил нас на леднике, поставили палатку. Тренер: «Так, завтра выходим на 6000 м». Какие проблемы? После двух недель на Эльбрусе нам все трын-трава. Подгрузились хорошо. Не так себе пошли прогуляться, а с приличным весом в рюкзаках: палатками, веревками, продуктами. Овчинникову тогда пришлось нелегко. Мы в прекрасной форме. Под хи-хи, ха-ха горы можем свернуть. А он и постарше, и на Эльбрусе с нами не бегал. Думаю, тот момент и расставил все по местам. Не исключено, какие-то сомнения относительно нас у тренера были. Тем более, он сам больше высотник. Еще не восхождение, а как бы репетиция, не поздно поменять нас на запасных. Но мы все вопросы сняли. Анатолий Георгиевич увидел, на что «эти скалолазы» способны на высоте. Связка, на альпинистских маршрутах

работающая надежно и быстро, как при включенном секундомере на соревнованиях, на Эвересте оказалась совсем не лишней. Первая и последующие гималайские экспедиции подтвердили, что, как правило, универсальные восходители вырастают из скалолазов-технарей с опытом высотных восхождений.

... В первый раз на Эльбрусе, когда доставала «горняшка», лезло в голову: наверное, это и есть мой потолок. Слышал, что бывает высотный потолок у человека, и выше этого уровня он уже не может подняться. Физиология не позволяет. Особенность организма, через которую не перепрыгнешь. Такое редко, но бывает. А может, и не очень редко – насколько знаю, подобные исследования в массовом порядке не проводились. В общем, первая мысль: вот он, мой потолок. Но все-таки – дай попробую. Может, дело не в этом? Оказалось, действительно, не в этом. А если про потолок вообще все придумали как раз те, кто не хочет, не умеет терпеть? Ведь и у меня появился тогда серьезный повод отказаться, уйти с мыслью: ничего не поделаешь, высота – для других. Если бы сошел тогда – не было бы в моей жизни Гималаев, да все повернулось бы по-другому! Кстати, сейчас, после десятков восхождений на Эльбрус, после четырнадцати гималайских экспедиций для акклиматизации мне требуется гораздо меньше времени. А что до высотного потолка, убежден: как бы ни складывалось (не только в горах), нельзя говорить себе: это мой потолок. А если вы ошибаетесь?

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

В 1999-м я участвовал в украинской экспедиции на Эверест. В тот год по тибетскую сторону Горы работало два десятка экспедиций. Американская команда кроме собственно восхождения ставила еще одну цель – найти пропавших в 1924 году англичан Джорджа Лея Мэллори и Эндрю Ирвина. На высоте 8230 м американцы обнаружили наполовину вросшее в лед тело. Такое на высотном полюсе не редкость. Граница между жизнью и смертью в «мертвой зоне» имеет вид пунктира. Переступить его ничего не стоит. Цифры взошедших на Эверест и погибших там вполне сопоставимы. Спустить с высоты попавшего в беду человека практически нереально. Умершего – подавно. Даже присыпать камнями не всегда получается. Снег сдувают неистовые гималайские ветры. Представьте ощущения человека, идущего на гору (с горы), когда он, погруженный в себя, вдруг натывается на иссушенную морозом и ветрами мумию кого-то, кто не спустился семьдесят, двадцать, пять лет назад. Шок! Эмоции пригашены гипоксией и усталостью, но все равно жутко. Мертвые восходители на пути к вершине – предостережение живым: «memento mori» – помни о смерти. Ты тоже можешь остаться здесь навсегда.

Обувь образца 1924 года не оставила сомнений, что найденное американцами тело принадлежало одному из участников давней английской экспедиции. Метка на куртке, обнаруженное в кармане письмо от миссис Мэллори развеяли сомнения окончательно – найдены останки Джорджа Мэллори. Кстати, один из сильнейших восходителей своей страны, участник трех британских гималайских экспедиций, Мэллори был первым человеком, ступившим в 1922 году на высоту 8000 м – в «зону смерти». Первые две экспедиции сопровождалась трудностями и трагедиями, но Мэллори возвращался из них живым. Восхождение в 1924-м оказалось роковым. Всего же в трех первых экспедициях англичане потеряли 12 человек – восходителей и шерпов-носильщиков. Спустя 75 лет останки Мэллори наконец обнаружили. Тело его младшего спутника, 22-летнего студента Эндрю Ирвина, так и не удалось найти. Спор, кто же был на

Эвересте первым – Хиллари с Тенцингом в 1953-м или все же Мэллори с Ирвином в 1924-м, не закончен. Оптимисты надеются найти принадлежавший восходителям фотоаппарат, и, если уцелела пленка, прояснить ситуацию. Бесспорным остается факт, что Мэллори, Ирвин, их товарищи по экспедициям – первые европейцы в уже многотысячном списке соискателей главной вершины.

«Почему вы идете на Эверест?» – «Потому что он есть!». Так Джордж Лей Мэллори ответил в свое время на вопрос репортеров. Это, пожалуй, самое доходчивое объяснение, зачем мы ходим в горы. «Дух приключений не должен умереть, – утверждал Мэллори. – И если за его спасение придется заплатить жизнью, что из того?». Честно говоря, я не думаю, что жизнь – та цена, которую стоит платить за дух чего бы то ни было. Но слова Мэллори – слова настоящего спортсмена и джентльмена. Как и он, хочу верить – дух приключений не исчезнет. Тяга к неизведанному у человечества не убывает, как не убывает и само неизведанное. Я стоял на Высотном полюсе трижды, и каждый раз это была новая гора. Не знаю, как другим, но мне было абсолютно не важно, что в 1982-м я поднялся туда 115-м («поправка на китайцев» переместила на 120-ю позицию), в 2000-м – 989-м, а в 2005-м счет шел уже на тысячи... Высотный полюс как арена для самоутверждения манит многих.

У истоков освоения Эвереста стояли яркие, незаурядные личности: Мэллори, Ирвин, Шиптон, Финч, Тенцинг и Хиллари... Их высочайшей пробы мужество, стойкость, целеустремленность были под стать высочайшей Горе. В ряду первопроходцев особняком стоит имя Мориса Уилсона, чудака из поколения, которое позже назвали «потерянным». Жизнь испытывала Уилсона на прочность по полной программе. Ипритные окопы первой мировой. Туберкулез. Израненная, плохо двигающаяся рука. Израненная душа. Попытки строить карьеру, создать семью неудачны. Но Морис не хочет сдаваться. Он избавляется от туберкулеза, что само по себе было чудом. Не нашел себе применения в обычной жизни? Найдет в необычной! В 1933 году Уилсон объявляет, что намерен взойти на высочайшую Гору. Один! Это вызвало шок в Горном клубе и Королевском географическом обществе. Хорошо оснащенные экспедиции штурмовали Эверест, как неприступную крепость, и

окончились трагедиями. А теперь туда рвется какой-то выскочка. Авантюрист, не представляющий, на что замахнулся. Недопустимо!

Уилсон не унывает. Правда, в Непал еще нужно как-то попасть. Новичок-альпинист становится новичком-пилотом. Получив минимальную летную подготовку, он покупает старенький тихоходный (максимальная скорость 160 км/час) биплан «Джипси Мот» с открытой кабиной. На заре авиации многие самолеты получали собственные имена. Морис называет свой недвусмысленно: «Эвер-Вест». В мае 1933 года он отправляется в экспедицию без всякой поддержки со стороны британских властей и альпинистского сообщества, не считавшего Уилсона своим. Вскоре отсутствие поддержки перерастает в активное противодействие. Но чем мощнее преграды, тем решительнее Морис идет к своей цели. К счастью для нас, его одиссея широко освещалась английской и мировой прессой, сохранившей поразительные подробности. Уилсон пересекает Ла-Манш. Не с первой попытки, но все же перелетает Западные Альпы. В Риме его встречает восторженная толпа. Следующий этап рискованного предприятия – перелет через Средиземное море в Тунис. Как при нулевой видимости Уилсон смог добраться до нужной точки своего маршрута, осталось загадкой. Каир, Багдад и далее по просторам необъятной в то время Британской империи. В Бахрейн он добрался, руководствуясь школьным атласом, – эта часть маршрута не была запланированной, и Морис не запасся нужными картами. Там встречали уже не ликующие поклонники, а полиция. Уилсону сообщили, что королевские ВВС закрыли воздушное пространство страны для гражданских самолетов. Ему надлежит немедленно вернуться в Багдад, в противном случае – арест. Уилсон не сводит глаз с висящей на стене подробной карты района – школьный атлас оказался не лучшим руководством для полетов над пустыней. Он соглашается немедленно вернуться. Вылетает якобы на Багдад, но вскоре поворачивает в сторону Индии. На этом пути, в полтора раза превышающем максимальную дальность полета его «этажерки», забарахлил мотор.

Происходит очередное чудо: Уилсону удается его наладить и благополучно приземлиться в Индии. Еще несколько коротких перелетов – и он почти в Непале.

Газеты неистовствуют: за 17 дней проделан путь в 4350 миль (более 8 тысяч километров). Недруги негодуют. Если пилот-новичок смог совершить невероятный авиаперелет, возможно, ему по силам и невероятное восхождение? Этого нельзя допустить! Самолет конфискуют. Морис попадает под наблюдение полиции, однако не отказывается от задуманного. Пытается получить пропуск в Непал и пермит (разрешение) на восхождение на Эверест. В ответ – молчание. Все прошения на имя короля прячет под сукно бестрепетная чиновничья рука. Он продает «Эвер-Вест» и отправляется на северо-восток, в Дарджилинг. Там надеется получить разрешение на восхождение из Тибета. Снова неудача. Все против него! Но Морис не опускает руки. Тренируется, добывает кое-какое снаряжение – готовится к восхождению. Власти об этом не подозревают. В марте 1934 года некий буддистский лама пересекает границу в сопровождении трех носильщиков. Это переодетый Уилсон, который не видит другой возможности попасть к подножию Горы. Передвигаются ночами, чтобы маскарад не был разоблачен. Путь через Сикким (который тогда еще не был одним из штатов Индии) в Тибет. Он думает подняться на Эверест с севера и достичь вершины 21 апреля, в день своего 36-летия. К середине апреля путники в монастыре Ронгбук, это уже почти базовый лагерь. О коварстве высоты, необходимости акклиматизации Морис, похоже, не подозревает. Но он неплохо акклиматизирован месяцами жизни в среднегорном Дарджилинге. Без кошек (!) Уилсон благополучно проходит ледник Ронгбук. Он не раз сбивается с пути, но продолжает подъем. На высоте около 6400 м – месте лагеря-3 предыдущих экспедиций – непогода заставляет его повернуть. Два дня Морис переживает снежную бурю в палатке на леднике. Там и встречает свой день рождения. Наконец показалось солнце, можно повторить попытку восхождения. Уилсон спускается в монастырь Ронгбук, пробираясь сквозь сугробы. Он уговаривает двоих носильщиков подняться с ним до лагеря-3. 12 мая они выходят из монастыря. Первая попытка добраться до Северного седла (7000 м) была неудачной. 29 мая Уилсон снова пытается подняться на Северное седло. Он просит носильщиков ждать 10 дней...

29 мая 1934 года Мориса Уилсона видели живым в последний раз. Что было дальше? В 1935-м неподалеку от лагеря-3 Эрик Шиптон и

Чарльз Уоррен нашли тело Уилсона и его дневник. Морис, очевидно, так и не сумел подняться по ледовой стенке на Северное седло (раненая рука, отсутствие «кошек», не говоря уже о необходимых навыках) и вернулся в палатку, где его никто не ждал. Там был достаточный запас консервов, спальный мешок, но тело Уилсона нашли за ее пределами. В дневнике обнаружили невероятный проект выхода на вершину с относительно пологого Северного гребня Эвереста. На высоту около 8600 м Уилсон предполагал добраться... на самолете. Видимо, он представлял, что там может быть плато, которого в действительности нет. Судя по всему, в восприятии Уилсона непреодолимых преград не существовало. Его деятельный ум до последнего искал способы достижения цели. Что помешало Уилсону спуститься? Непогода? Горная болезнь? Нежелание возвращаться ни с чем? Ответ знает только Эверест. Ясно одно: этот парень, плохо знакомый с восходительской и авиационной техникой, вопреки всему добился поразительных результатов и вошел в историю незаурядным человеком, летчиком и альпинистом. Думаю, его можно считать родоначальником экстремального альпинизма: в одиночку, без кислорода, «кошек», с плохо действующей рукой он прошел Ронгбук, пытался взойти на Северное седло. Преодолевал крутые склоны, ледовые стенки. Как? Не представляю. Восхищаюсь. В Гималаях Морис Уилсон был первым, кто попытался применить альпийский стиль восхождений. У последней черты он размышлял о полете на Северный гребень! Тело Уилсона находили на Горе несколько раз. Похоже, он так и не угомонился.

КРУТОЙ МАРШРУТ

«... А сверху звезды размером с кулак, не переставая, пульсируют, целые стаи их срываются и падают. Луна висит над самой головой. Снизу до высоты 8000 метров все затянуто грозовой облачностью, но освещенные лунным светом облака, будто молоком, залили Гималаи. Облака, молнии, горы, которые почти всегда мы видим снизу, теперь у нас под ногами. Ради таких минут, ради желания познать себя, других, увидеть грань возможного мы и ходим в горы», – это впечатления моего напарника и друга Миши Туркевича от пребывания на вершине Эвереста. Позади полуторамесячная «осада», грузовые ходки, установка лагерей, обработка маршрута – вся трудная работа на горе, которую подразумевает термин «гималайская тактика». Ключевой, самый сложный участок пути к вершине – с высоты 7500 м до 8300 м – обрабатывала наша команда (москвич Валентин Иванов, свердловчанин Сергей Ефимов, донетчанин Михаил Туркевич и я). Первыми шли мы с Мишей. Скалы 6-й категории сложности на такой высоте были для нас внове, как и сама высота. И вот – вершина! Мы поднялись туда в 22 часа 25 минут 4 мая не ради сенсации. Ночное восхождение на предвершинный гребень было вынужденным. Наверху застряла двойка Владимир Балыбердин – Эдуард Мысловский.

Владимир и Эдуард взошли на Эверест первыми из наших 4 мая в 14. 35. Путь из пятого лагеря (Л-5, 8500 м) до вершины – 348 метров по вертикали – двойка преодолевалась 8 часов. И руководству экспедиции, и нам, поднявшимся для подстраховки в пятый лагерь, стало ясно, что положение становится угрожающим. Мы поспешили на помощь. Это были самые высотные спасработы в моей жизни. Не поднимись мы с Мишей к ним тогда ночью, ребята не спустились бы. Эдик от переутомления, гипоксии и мороза стал неадекватен. Володя Балыбердин был в состоянии идти вниз, но он никогда не оставил бы напарника.

Фрагмент из интервью руководителя экспедиции Е. И. Тамма, посвященный тем событиям: «Я все-таки не запретил Мысловскому работать выше 6 тысяч метров. Не должен был его пускать, а он от

смерти на волоске висел. Во время восхождения первой пары Мысловский – Балыбердин у Эдуарда рюкзак улетел в пропасть. Первая двойка добилась главной цели, но предстоял еще и спуск... Не думал я, что дело будет дрянью. Сергей Бершов и Михаил Туркевич вышли навстречу ребятам, и сами, успев взойти на вершину, помогали спускаться Володе Балыбердину и Мысловскому. Эдик многое уже не мог делать сам. Ни разуться, ни поесть, ни залезть в спальный мешок... Он поморозил руки, кончики пальцев почернели, потрескались»...

Из воспоминаний Владимира Балыбердина:

«- База! База! Я – группа один. В моей рации кончается питание... Отвечайте быстро. Ребята хотят идти на вершину. Мы чувствуем себя нормально, спустимся самостоятельно. Можно им идти?»

– Нет, – мгновенно ответил Евгений Игоревич.

Сергей тут же выхватил у меня рацию.

– Почему нет?! Почему нет?! – закричал он, волнуясь и нечетко работая кнопкой «передача».

– Сколько у вас кислорода?

– Триста атмосфер!

– Сколько?

– У каждого по два баллона – в одном двести, в другом сто.

Наступило молчание, в течение которого темпераментный Сережа пытался еще что-то добавить. Томительно тянулись мгновения, быть может, важнейшие за всю его альпинистскую биографию. Он это прекрасно понимал, и сразу бросалось в глаза, что он нервничает.

– Хорошо, – сказал Тамм через 3-4 секунды, и Серега преобразился. Опять обычный Бершов – веселый, говорливый, добродушный.

– Сколько до вершины?

– Наверное... часа два-три.

В тот момент я был о нас лучшего мнения. Мне казалось, что мы спустились гораздо ниже. На самом деле ребята проскочили последний кусок всего за час.

... Сережа и Миша всячески старались помочь, взяли на себя все операции с веревкой. Ребята работали быстро, четко и, как всегда, весело.

– Ну давай, зашнуривай! – в своей обычной грубовато-шутливой манере крикнул Миша, пристегнув Эдика к очередным перилам. Может быть, он сказал не «зашнуривай», а «сыпсья» или «поливай» – не помню. В общем, одно из тех словечек, которые кричат болельщики, подгоняя скалолазов на соревнованиях. К моему удивлению, Эдик обиделся и забурчал:

– Что значит «зашнуривай»? Я тебе не «зашнуривай». Молодые еще... Нас, стариков, надо беречь! Недознавки! Что бы вы без нас делали? Вас еще учить и учить. И не кричи на меня. Вот я вернусь... Меня любят...

К счастью, Миша этого не слышал.

... Не знаю, сколько еще времени я мог бы идти. Не было ощущения, что вот-вот кончатся силы. Они давно уже кончились. Организм вошел в режим какого-то безразличного состояния, когда непонятно, то ли он будет работать бесконечно, как вечный двигатель, без притока внешней энергии, то ли внезапно откажет в совершенно непредвиденный момент. Казалось, что в палатку я вполз на самом последнем пределе. Но где этот последний предел? И что после него? Пожалуй, никогда за всю альпинистскую карьеру я не был так близок к концу. И до сих пор не могу толком понять, в чем причина, где ошибка»...

Выйдя из Л-5 в шесть вечера, мы могли только догадываться, что чувствуют Бэл и Эдик. Встретились с первой двойкой через три часа. Принесли им теплое питье, «карманное питание» – инжир, орешки. А главное – кислород. Ребята не то что с трудом двигались – еле говорили. Кислород вернул силы, оба оживали на глазах. Было понятно, что некоторое время они без нас продержатся, а другой шанс побывать на Горе нам не светит. После препирательств по радио с базовым лагерем мы получили-таки разрешение и рванули на вершину. Как написал потом Туркевич, «видимо, нас нельзя было удержать никому, кроме нас самих». Пройдя западный гребень в самом бешеном темпе, какой позволяли высота и рельеф (шли одной ногой по южному склону, другой – по северному) поднялись на гору. Глянул на часы – от места встречи с первой двойкой мы шли пятьдесят минут. Пожали друг другу руки. Сняли кислородные маски, чтобы вдохнуть воздух вершины. Сфотографировались. С фото, правда, вышла осечка.

Раньше, когда еще не было видео, для подтверждения факта выхода на вершину необходимо было предоставлять фото- или кинопанораму. Для участников первых экспедиций на восьмидесятичники это было обязательным условием. Позже от таких строгостей отказались, но если возникали сомнения, требовались доказательства. Наша с Туркевичем фотосессия на ночном Эвересте оказалась неудачной. Вспышки не было ни на одной из камер. В темноте ни один снимок не получился. Фотоаппарат «Роллей» замерз, «Смена» бодро щелкала, но в результате выдала «темную ночь». Я, помню, не слишком по этому поводу тревожился. Что по сравнению с нашим восхождением какие-то снимки? Ерунда! Но практичный Миша решил упредить возможные сомнения. Мы же Мысловского с Балыбердиным встретили ниже вершины, они факт нашего восхождения подтвердить не могли. А вдруг мы за поворотом полтора часа просидели? Нет, надо что-то оставить, как-то отметить. Первым нашим сувениром Эвересту стал пустой кислородный баллон. На него повесили вымпел Донецкого альпклуба, на который я приколот значок с гербом Харькова. Все это прикрепили к почти заметенной снегом металлической треноге, которую подняли на вершину китайцы в 1960 году. Утром на Гору ушла вторая двойка нашей команды – Валентин Иванов и Сергей Ефимов. Когда они с вершины связались с базовым лагерем, офицер связи спросил: «Что вы видите?» – «Видим красный баллон, на нем вымпел Донецкого альпклуба и значок с гербом Харькова». Потом, уже внизу, ребята подначивали, мол, вы договориться могли с Ивановым и Ефимовым. Но это было бы... даже слова не подберу, настолько гнусно. Как бы мы потом в глаза друг другу смотрели? Да если бы действительно такое было возможно, за три десятка лет, что с тех пор прошли, кто-то бы обязательно проговорился.

1989 г. У премьера Непала после Каченджанги

Встреча после Эвереста-82 в родном Харькове

Эверест со стороны Тибета

Эверест. Северное седле

Вид с вершины Эвереста на Тибет

Игра света. Закат

Сергей Бершов и Эдуард Бодылевский под Кайлашем

Анатолий Мошников с Сергеем Бершовым

Восхождение на Эверест с севера, 2000 г.

Вячеслав Терзыул

Владимир Каратаев

Южная стена Лхоцзе, наш маршрут. 1990 г. Фото Ю. Шамраевского

В палатке лагеря II на Южной стене Лхоцзе. Валерий Коханов, Александр Погорелов, Михаил Туркевич

Панорама Нупцзе и Лхоцзе с юга

Установка лагеря II на Южной стене Лхоцзе. М. Туркевич, А. Погорелов

Игорь Свергун, Алексей Боков, Сергей Бершов. Шиша-Пангма.
1998 г.

Стена Манаслу

Носильщики в горах Каракорума. Пакистан

Носильщики-яки под Шиша-Пангмой

Маршрут Ворбуртона на Даларе

Эверест с севера. Выше 8000 м

Подготовка к Эвересту в барокамере. Краснодарская экспедиция, 2000 г.

На праздновании «Эверест – 50 лет». Катманду, 2003 г.

Евгений Виноградский, Элизабет Хоули, Сергей Бершов

Юнко Табей и сэр Эдмунд Хиллари

Посадка парка восходителей на Эверест, с Валерием Бабановым

Кайлаш с севера

Лавина на Нанга-Парбате

9 мая еще трое наших ребят были на вершине – Юрий Голодов, Валера Хомутов и Володя Пучков. Они сфотографировались с флагом. Это тоже стало свидетельством выхода на вершину. До них там

побывали (в 1. 47 ночи) Казбек Валиев и Валерий Хрищатый. Их, как и нас, непальский офицер связи спрашивал: «Вы были на вершине ночью? Что видели?». Он контролировал процесс очень дотошно. Сочувствую тем, кто ходит соло. Им помимо всех прочих трудностей сложно доказать и факт выхода на вершину. Автоспуск фотокамеры на такой высоте может и подвести.

Из воспоминаний Михаила Туркевича: «Вниз мы шли по уже знакомому пути. Ветрозащитные костюмы покрылись ледовым панцирем. А на груди от вытекающего из маски конденсата образовался даже целый щит из льда. Веки без очков все время смерзались, склеивались инеем. Темными светозащитными очками сейчас положение спасти было невозможно, приходилось каждый раз открывать их рукой. Внизу в лунном свете увидели первую двойку. Ребята двигались в противоположном направлении от пути спуска, если это вообще можно было назвать движением, – один, задний, сидел на снегу, а передний просто шевелился, иногда переставляя ноги.

Путь спуска на этом участке уже был обозначен перильной веревкой, по которой мы ориентировались на подъеме. Но, видимо, условия и обстановка, в которых они совершали подъем, сейчас изменились. Обратная дорога стала для них неузнаваемой. Снег, ночь, усталость делали свое дело.

... Подходит момент «стыковки». Ребята уже совсем близко. Северный склон уходит на несколько километров в Тибет, где работает сейчас американская экспедиция, которая в случае нашего срыва сможет найти что-нибудь от нас возле своих палаток в начале маршрута. Но мы уже около знакомого, добытого мной на подъеме скального крюка и уходящей от него в темноту тонкой нити веревочных перил. Ребята прошли выше этого места и теперь медленно подходят к нам. Без «кошек» им нужно быть предельно осторожными, хотя крутизна здесь и небольшая. Когда они подошли, появились спокойствие, уверенность в благополучном исходе штурма.

4 мая 1982 года заканчивается победой советской экспедиции над самой высокой вершиной в мире по самому трудному пути.

Я закрепляю нашу веревку, по ней спускается на всю длину Серега, за ним – Мысловский и Балыбердин. Потом они принимают меня с нижней страховкой. Местами приходится использовать старую,

очень тонкую чужую веревку. Хорошо, что на подъеме мы добились все старые крючья и связали перебитые и протертые места. Был риск, и немалый, но иначе не спустишься, а ждать и медлить нельзя. Мороз усиливается, поднимается ветер, луна уходит за горизонт, за облака, а мы никак не можем обойти этот бесконечный «жандарм», выйти на сравнительно простой гребень, передохнуть. Мысловский все время скользит, повисает на веревке. «Кошки» надевать негде, да и некогда. Я упираюсь изо всех сил, чтобы меня не сдернули.

И вот мы на сравнительно ровном участке. Теперь до лагеря-5 путь только по гребню, никуда не сворачивая, но Эдик идти отказывается. Сел, свесив ноги в сторону Непала, говорит, что ему и здесь хорошо. Оказывается, у него кончился кислород, и Серега отдает ему свой последний баллон с остатками кислорода. Я в это время надеваю на ребят «кошки». Через каждую пару минут приходится отогревать руки, кожа пристает к металлу, и вся процедура занимает у нас около получаса.

Теперь нужно как можно быстрее спуститься в лагерь-5, потому что Серега остался без кислорода и может поморозиться, если мы задержимся.

Сейчас я иду впереди, выбираю путь. Серега несколько раз просит не спешить – я забываю, что темп у него теперь не тот. Двойка следует за нами в связке: Мысловский – впритык к Сереге, а Володя замыкает. Иногда на крутых стенках мы организуем для них перила, как и до этого.

Луна прячется, настает полная темень. Лезу в пуховку за фонариком. Прохожу участки метров по десять и потом подсвечиваю ребятам. Собираемся вместе и опять начинаем все сначала. Каждый ожидает своей очереди идти, терпеливо замерзая, других вариантов нет. Хорошо, что гребень сравнительно простой. Всех колотит от холода. Так движемся около часа. Эдик жалуется на холод, у него прихватило руки, а о своих запасных рукавицах я забыл, да и доставание их из рюкзака отнимет много дефицитных минут. Скоро должен быть лагерь.

Даже небольшие участки Эдик проходит с трудом, медленно, жалуется, что Володя его держит, не выдает веревку. Начинаем ругать Володю, но он говорит, что веревка свободна. Оказывается, для Эдика это просто возможность для передышек, которые каждый раз

затягиваются. Серега уговорами, силой и матом с трудом ликвидирует подобные задержки».

7 мая нас встречал базовый лагерь. Евгений Игоревич Тамм растроганно благодарил нас с Мишей. К тому времени на гору поднялись Валентин Иванов и Сергей Ефимов, а также Валерий Хрищатый и Казбек Валиев. За ними шли и готовы были к вершине Ерванд Ильинский и Сергей Чепчев. Но... Вот что вспоминал Евгений Игоревич: «Еще один критический момент. Валерий Хрищатый и Казбек Валиев лишь со второй попытки взошли на вершину. После неудачи вернулись в 5-й лагерь, переждали непогоду – и снова на штурм. Хрищатый не утепился и поморозился, после возвращения в Москву лишился нескольких фаланг на ногах... Ерванд Ильинский и Сергей Чепчев были в трех сотнях метров от вершины и не взошли на нее, потому что по моему приказу помогали обессиленным товарищам, сопровождали вниз Валерия Хрищатого и Казбека Валиева. Мне этот приказ дался нелегко. Отлично понимал Эрика Ильинского и Сережу Чепчева. Навсегда распрощаться с мечтой, к которой стремились всю жизнь... Я очень переживал: когда Ильинский вернется в базовый лагерь, какой будет встреча? Но все было в рамках. Я и сейчас не на сто процентов убежден в своей правоте, и уверен, что Эрик тоже постоянно возвращался и возвращается к этому вопросу».

Мы с Мишей тогда очень переживали за Ильинского, считали, что с ним поступили несправедливо. Но перестраховщиком Тамм точно не был. Ведь разрешил идти на вершину последней тройке, когда из Москвы скомандовали: «Все, больше никто не идет! А то у вас там скоро повара полезут». Евгений Игоревич запрет проигнорировал. Рисковал, но не поддавался давлению. Вот как он об этом вспоминал: «А самое неприятное в моральном отношении событие ожидало меня 8 мая. Я разрешил тройке – Валерий Хомутов, Владимир Пучков, Юрий Голодов – выйти на финальный штурм Эвереста. А из Москвы пришел приказ прекратить восхождения. Тут тренер Борис Романов и решил провести партсобрание в базовом лагере. Дело было в палатке Мысловского. Тема: надо ли выполнять приказ Москвы и вернуть назад финишную тройку. Все гости базового лагеря, в том числе и прилетевший из Москвы журналист Юрий Сенкевич, высказались за возвращение. Мол, и так успех ошеломляющий, всем альпинистам присвоено звание заслуженных мастеров спорта и незачем больше

рисковать. Мнения участников команды разделились, восемь человек высказались за возвращение ребят, четверо против. Последним на собрании говорил Овчинников. Произнес слова настоящего, это без всякой иронии, коммуниста: «Нельзя браться за дело, боясь за него отвечать». Я все это слушал как беспартийный руководитель экспедиции. И в конце сказал, что обещаю довести до сведения тройки восходителей точку зрения партсобраний и подтверждаю свое прежнее решение идти на вершину. Думаю, что тренеру Борису Романову эта резолюция партсобраний нужна была для личной подстраховки».

Нас, спортсменов, находившихся в базовом лагере, на то собрание не пустили. Сказали – только члены партии. Овчинников, Романов, Мысловский, Тамм – руководитель экспедиции, он не был членом партии. Туркевич пробрался как кандидат в члены КПСС. Он рвался туда, чтобы не только узнать, что там происходило, но и проголосовать за ребят. Но кандидаты не имели права голоса... Только четверо проголосовали за то, чтобы ребята шли наверх, – Тамм, старший тренер Овчинников, специалист по питанию Воскобойников и радист-переводчик Кононов. Ситуация была – как при полете Гагарина. Когда пишутся эти строки, рассекретили закрытые подробности первого старта человека в космос. В день 50-летия полета мы узнали, что существовало три варианта сообщения ТАСС об эпохальном прорыве. Один – на случай неуспеха, если погибнет космонавт. Второй – если спускаемый аппарат окажется на иностранной территории. И третий вариант – если полет пройдет успешно. Гарантий на этот счет никто дать не мог. Там вариант был очень опасный, и для ребят из отряда космонавтов, для Юрия Гагарина это не было тайной. Системы не удалось отработать до нужных кондиций. Не успели, американцы наступали на пятки. К счастью, все сработало штатно. Почему я вспоминаю полет Гагарина в связи с нашей экспедицией? Во-первых, она открыла эпоху гималайских экспедиций в советском и постсоветском альпинизме. Для нас это было равнозначно полету на Луну. Кроме того, как и в случае с космическим полетом, разрабатывались различные сценарии – и со знаком плюс, и с минусом. Перед отъездом в Непал Тамм получил инструкции в ЦК КПСС: в случае аварии, гибели кого-то из участников продолжать восхождения до первого взойшедшего (или взойшедших). Вопреки неписаным альпинистским законам, гласящим: если кто-то гибнет, восхождение

прекращается. Так у нас всегда было принято. Но, учитывая международный резонанс экспедиции, решено было нарушить правила. Не сворачивать экспедицию, пока вершина не будет достигнута. Вариант со знаком плюс. В случае успешного восхождения работать по плану. Он предусматривал, что все группы поочередно выходят на вершину. Но когда залезли одна за другой первая, вторая, третья, четвертая команды, «сверху» стали требовать: хватит, и так уже успех невероятный! Последняя группа пошла с некоторым перерывом. Соответственно, стали думать, а вдруг что... Тем более, после второго ночного восхождения, когда сильные альпинисты Хрищатый и Валиев обморозились, их сводили вниз. Вот тогда и прозвучало: «Суши весла!». Но Тамм не послушался. Это был очень мужественный шаг. Если подумать, Евгений Игоревич рисковал не только своим руководящим положением в Федерации альпинизма СССР, но и научной карьерой, общественным статусом. Все это поставить на карту – ради чего? Чтобы еще несколько альпинистов взойшли на Гору. Евгений Игоревич это сделал. Или взять момент, когда он нам с Туркевичем разрешил подниматься ночью! Двое восходителей в плохом состоянии, просят помощи, а мы – на Гору. Пытаюсь себя сегодняшнего поставить на место Тамма в той ситуации и не могу сказать, дал бы я «добро» на такое рискованное дело, как «сбегать» на вершину ночью. Очень может быть, что и не дал. С высоты сегодняшнего опыта. Как говорил царь Соломон, многие знания порождают многие печали. Евгений Игоревич отважился. Может, потому, что был уверен в нас не меньше, чем мы сами? И Хомутову, Пучкову и Голодову не запретил подниматься на Гору. Тройка успешно взойшла на вершину 9 мая. Это был наш салют Дню Победы. А победителей не судят.

Почему Тамм не решился в свои 55 лет подняться на Эверест, а я в свои 58 (а перед тем в 53 года) взойшел в третий раз? Думаю, дело в разнице приоритетов. Евгений Игоревич был прежде всего ученым, доктором наук. Альпинистом – в свободное от физики время. То, что он не только талантливый профессионал в науке, но и великолепный организатор, подтвердила экспедиция на Эверест. Но главной для Тамма всегда оставалась физика. Профессионально Евгений Игоревич к восхождению не готовился. Наверное, с нашей помощью, с использованием большого количества кислорода он взойшел бы. Но все

же в этом был риск. Руководитель не мог поставить под удар экспедицию. Я же готовился по полной программе именно как альпинист-профессионал. Считаю себя таковым и сейчас. Правда, раньше тренировался регулярно и помногу, чтобы постоянно совершенствоваться. Разменяв седьмой десяток (пишу и сам не верю), уже не могу приобрести новые качества, но продолжаю восхождения. Для этого необходимо «поддерживать огонь». Делаю это с удовольствием.

ОТЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Украинская национальная экспедиция на Эверест 1999 года не планировала удивлять мир сенсациями. До этих пор украинские команды на высотный полюс не поднимались. Отдельные альпинисты – да, но не национальная команда. Маршрут – ординарный, по классическому пути с тибетской стороны. В этой экспедиции я оказался вопреки желанию ее руководителей. С самого начала не был согласен с их концепцией: мы национальная сборная, поэтому пойдем на Эверест без кислорода. Считал и считаю такой подход дилетантским, авантюрным. В экспедицию ехали достойные ребята. «За красивые глаза» в нее не отбирали. Но из десяти участников команды идти без кислорода были готовы не больше четырех человек. Это, конечно, Владислав Терзыул (Слава – первый альпинист Украины и СНГ, взошедший на все восьмьтысячники, 14-я вершина, Макалу в 2004 году, увы, стала роковой). Это опытный, сильный высотник Василий Копытко. Это мы с постоянным партнером по связке Игорем Свергуном, не раз поднимавшиеся в «зону смерти». Остальным не доставало высотного опыта.

На высотах за 8500 м большинство наших ребят не бывали, то есть настоящей гипоксии не пробовали. Для восхождения на Эверест это не просто минус – отягчающее обстоятельство. Но руководство экспедиции думало иначе. Похоже, как раз из-за «кислородных» разногласий для него основным отягчающим обстоятельством оказался... я. Во время первого сбора кандидатов в экспедицию в альплагере «Узункол» старший тренер команды Мстислав Горбенко поставил вопрос ребром: «Поднимите руку, кто пойдет на Эверест без кислорода». Ребята переглядываются и – кто бы сомневался? – дружно тянут вверх руки. Когда все разошлись, я предложил Горбенко: «Слана, может, по-другому подойти? Сначала обсудим, кто может без кислорода подняться, а кому лучше с O₂ идти». Ответа так и не получил. Хотя руководитель экспедиции, президент Национальной федерации альпинизма и скалолазания Украины Валентин Симоненко как будто соглашался с моими доводами, что на Эвересте к

кислородной проблеме нужно подходить гибко. Я убеждал: если наша экспедиция будет успешной, через год никто не вспомнит, с кислородом ходили или без него. А если что-то, не дай Бог, случится, это все будут помнить. Такое не забывается. Как в воду смотрел...

Нельзя было превращать «бескислородность» в догму. А тем, кто первый раз шел на такие высоты, нельзя было отказываться от кислорода. Пусть и в составе национальной сборной. Мы, например, с Игорем Свергуном сразу решили, что пойдём с кислородом, и запаслись личными баллонами (небольшой экспедиционный запас предназначался только для медицинских целей). Потому что хотим ходить в Гималаях снова и снова. Правда, когда уже стартовали, наши баллоны еще не поднесли в АВС носильщики. Так что, скорее всего, пришлось бы на восхождении обходиться без O_2 . А это всегда потеря темпа. Но шут с ним, с темпом, все обернулось потерями куда большими.

Резонный вопрос: если не был согласен с концепцией руководства, почему не отказался от участия? А почему, собственно, член сборной страны должен отказываться от шанса снова взойти на Эверест? Тем более, с севера я еще не ходил. Правда, меня как «инакомыслящего» руководители экспедиции попытались убрать из команды. Просто вычеркнуть фамилию Бершов из списка не могли. В альпинистском мире это вызвало бы недоумение. Кроме того, будучи профессиональным спортсменом (за удовольствие ходить в горы еще и зарплату получал), я считал, что обязан поддерживать себя на соответствующем уровне. Работал над этим. Ежедневно не только утренняя зарядка-тренировка, а и бег на лыжах, кроссы, велосипед. Плюс футбол, бассейн, баскетбол, скалолазание. Потому на всех отборах показывал высокие результаты, не уступая молодым. Тогда нашли формальную причину – возраст (в 1999-м мне исполнилось 52). Летом на Кавказе, в Узунколе, проходил очный этап чемпионата Украины в скальном классе восхождений. В его рамках состоялся заключительный этап отбора претендентов в национальную гималайскую сборную. Первое место за восхождение на вершину Далар по маршруту Ворбуртона заняла команда харьковчан в составе Сергея Бершова (руководитель), Игоря Свергуна, Михаила Бадыгина и Евгения Будрина. Ну как исключать из гималайской команды чемпиона страны? Мои «доброжелатели» были очень разочарованы.

Следующим, окончательным этапом отбора стали тренировочные восхождения в Гималаях на соседние с Эверестом «небольшие» вершины Пумори (7161 м) и Ама-Даблам (6812 м). Для меня они не представляли сложности ни в техническом, ни в физическом плане. Хорошая тренировка перед главной Горой. Плюс огромное удовольствие от красоты обеих гор, будто ограненных руками ювелира-великана. Ама-Даблам даже удостоился чести быть изображенным на непальских рупиях.

Накануне отъезда в Катманду выяснилось, что от идеи ехать на Эверест без меня руководство экспедиции не думает отказываться. На самом последнем сборе в Конча-Заспе под Киевом для участников предстоящего восхождения организовали 25-километровый кросс по зимнему лесу. Уже был заготовлен черновик приказа о моем отчислении из сборной по результатам забега... Сегодня я даже благодарен за тот «сюрприз» – очень интересный получился тест, полезный опыт. Кросс должен был стать неожиданностью для всех, но главным образом – для неудобного меня. Сначала предупредили, что на сборе в Конча-Заспе мы проходим медицинское освидетельствование в спортдиспансере. За две недели узнаем: будет кросс – проверка на выносливость. Говорю Свергуну: так, снимаем лыжи и бегаем ногами. Изменили план тренировок. В равнинном Харькове кроссы – лучший способ нарабатывать выносливость. Для нас это дело привычное. Так что особых проблем не возникло. Бегали по просекам лесопарка. Не много, километров по 15-18. Длительный забег, может, один раз устроили. О том, что предстоит бежать 25 км, не знали. Но готовились добросовестно. Если обычно трусцой где-то или на лыжах, длительная, плавная тренировка на выносливость, то здесь немножко по-другому поработали, более интенсивно. Причем Игорь, который ногами не очень много бегал, ему «марафоны» не слишком нравятся, в итоге занял третье место. Тоже показатель правильности нашей системы тренировок. А я пришел на финиш первым. Но это я вперед забежал. По инерции бегу даже в собственной книге. Привычка!

В общем, приезжаем в Конча-Заспу. Днем разместились. Ближе к вечеру вышли всей компанией на воздух подвигаться. Начали играть в футбол, и Володя Дидора в азарте игры малость меня травмировал. Врезал от всей души по надкостнице. Случайно, не нарочно. Но от этого не легче. В ходе отборов травмоопасные игры, конечно,

нежелательны. Но уж очень подвигаться хотелось. Вот и подвигались. На ноге вздулась опухоль размером с хорошее яблоко. Что я сразу сделал – приложил ледяной компресс. Весь вечер его менял. Наутро опухоль превратилась из яблока в сливу. Хорошо, в тот день мы проходили медицинское обследование. Для меня это уже был плюс, потому что «слива» оказалась болезненной. Продолжал прикладывать, лед и когда вернулись на базу. Утром третьего дня мы побежали. Я, несмотря на травму, – с решимостью доказать: не дождетесь! Двадцать пять км по снегу – не хило. Но соревнования есть соревнования. Я, понятно, завелся. Продумал тактику, рассчитал силы. На первом круге никуда не рвался. Тем более, еще не утоптана была тропа, снег глубокий. Кружок пробежали, протоптали, а на следующем можно обходить соперников. В отрыв пошел уже на третьем, последнем круге, когда стало ясно, кто что здесь может. Вижу, народ не очень спешит к финишу, тогда и ускорился. Сколько мне лет было? «Полтинник» с хвостиком. А получилась игра в одни ворота. Со мной бегут молодые ребята, и я у них выигрываю. Как же это расстроило руководство! Спрашивают: ну кто выиграл? И тут оказывается, что почти что списанный Бершов привез второму 8 минут или 10. В общем, много. Игорю Свергуну – 12, а остальным – по полчаса и больше. Снова не удалось от меня избавиться. Так с интервалом в 17 лет я опять оказался у Эвереста. Только с тибетской стороны.

НИЧЕГО, КРОМЕ ПЕЧАЛИ...

В базовый лагерь прибыли 31 марта, в мой день рождения. Вместе с поздравлениями руководители огорошили новостью: назначаем тебя тренером. Когда отбирались, готовились, я как тренер (впрочем, и как участник тоже) их не интересовал. Теперь вдруг ветер переменился. Ну нет, коней на переправе не меняют. Я заявил, что готов выполнять любую работу как участник, но не тренер. Тогда нас с Игорем, постоянных партнеров, попытались разъединить. Поставили в разные группы – его в первую, меня – в третью. Свергун послушал-послушал разговоры про то, как сборная Украины взбежит без кислорода на Эверест, и отказался. Далеко не новичок в Гималаях, он понимал, что здесь шапкозакидательство не пройдет. Третьим в нашей команде стал 27-летний киевлянин Коля Горюнов.

Вместе с американскими альпинистами (теми, что искали следы Мэллори с Ирвином) наша команда установила лагерь ABC на высоте 6400 м. Потом занялись обработкой маршрута на Северном седле. Установили лагерь-1 на 7050 м, переночевали там, спустились на отдых. Затем второй выход с выносом грузов в промежуточные лагерь и ночевкой в лагере-2 на 7800 м, третий – акклиматизационный, с выходом на 8300 м (я тогда поднялся до 8200 м и повернул вниз, плохо себя почувствовал). Скромно, но весело отметили Пасху и Первомай. Ничто не предвещало беды. Мы были отлично акклиматизированы, прекрасно экипированы. Но Эверест не прощает самоуверенности. Как говорил Евгений Игоревич Тамм, ничего в Гималаях не получается наскоком, кроме печали...

4 мая на восхождение вышла первая группа: одесситы Владислав Терзыул, Василий Копытко и киевлянин Владимир Горбач. Через день наверх ушла вторая тройка: одесситы Вадим Леонтьев, Роман Коваль и донетчанин Сергей Ковалев. Следующими шли мы с Игорем Свергуном и Колей Горюновым. 8 мая в 4 утра Терзыул, Копытко и Горбач вышли из палатки на 8300 м к вершине. Они несли палатку, чтобы установить на высоте 8650 м и заночевать там в случае позднего возвращения, но забыли стойки к ней. Оставили палатку, ставшие

беспольными фонари – в них сели батареи, газовую горелку. Володя Горбач отстал от товарищей где-то в районе так называемой Второй ступени, ребята надолго потеряли его из виду. Наконец показался Володя, первая двойка двинулась дальше. Около 14 часов Слава Терзыул поднялся на вершину. Следом, минут через пять взошел Вася Копытко. О том, что над Эверестом поднят флаг Украины, ребята сообщили по радио в базовый лагерь. Я слышал их диалог с базой, находясь в лагере на Северном седле на 7050 м, и поздравил ребят. Володя Горбач сильно отстал от первой двойки – ему без кислорода идти точно не стоило.

На вершине долго не погуляешь – мороз, ветер. Слава с Васей спустились ниже. Передают по связи: «А, вот Горбач идет. Что делать? Он хочет идти на вершину.» Какие могут быть вопросы, если он отстал на полтора часа? Не было рядом Игоря Чаплинского, Чапы, партнера по связке, который заставил бы повернуть, как в 1996-м на Аннапурне. Тогда Горбач и Чаплинский были всего в часе-полтора от вершины. Но Чапа, видя состояние товарища и понимая, что до темноты они могут не успеть спуститься, развернул связку вниз. Обидно поворачивать, но ребята понимали, что могут создать проблемы себе и команде, и не стали рисковать. Такое решение – показатель восходительского класса. На Эвересте Горбача некому было удержать. Был в его биографии еще тревожный звонок, не ставший уроком. 1994-й год. Дхаулагери. Первая украинская гималайская экспедиция, в которой участвовали женщины. «Маленький» восьмитысячник (8167 м). Бескислородное восхождение. Снежно-ледовый маршрут без особых сложностей – мы шли по классическому пути. Первая группа: Игорь Свергун, Геннадий Лебедев, Игорь Чаплинский, – успешно сходила на гору. Следом пошла четверка – Галина Чеканова, Тамара Ена и два Володи – Горбач и Ланько. Третья группа, в которую входил и я, должна была выходить следом. Выше штурмового лагеря на 7400 м был опасный участок, он требовал предельной аккуратности. Там и случилась беда. Когда четверка Горбача спускалась с вершины, уже стемнело. Выше 7400 м ребята сказали девочкам: мы пошли в лагерь готовить чай, а вы приходите. А может, и не сказали. В общем, ушли. Непостижимо: бросили одних в темноте! Такое и на равнине для мужчин немыслимо, а уж на горе... Да встаньте друг за дружкой – один впереди, другой сзади, девчата между вами. Где опасно –

натяните веревочку, подстрахуйте, придержите. Они же после восьмитысячника, на который поднялись без кислорода! Пришли ребята, пришла Тамара. А Чекановой нет и нет. Кто-то вышел посмотреть. «Галя! Галя!». Нет нигде. Очевидно, с гребня сорвалась. А внизу – ледопад с громадными трещинами. Она была в голубом с красным комбинезоне, видном за километр. Мы потом поднимались, осматривали склоны внизу – если бы она там была, обязательно увидели. Но в каждую трещину не заглянешь...

Но вернемся на Эверест, где Володю Горбача некому развернуть в сторону от вершины. Горбенко попросил: «Дайте трубку Горбачу». Все, кто на связи, слышат, что Володя еле языком ворочает, задыхается. По разговору понятно: человек уже никакой. У Терзыула тоже голос слегка другой из-за высоты, усталости, но не возникает сомнений, что он в порядке. А с Володей все ясно. Куда ему на вершину? Мы же не один год ходим, знаем друг друга, как облупленных. Вот они трое встретились. Все еще живы и невредимы. Для тренера ситуация без вариантов: ребята, вниз! Втроем! Не растягиваясь! Немедля! Но Горбенко разрешает Горбачу идти на гору. Почему?! В параллель с решением Евгения Игоревича Тамма, разрешившего нам с Туркевичем подняться на Гору ночью в 1982-м? Но там же все было иначе. Мы – полные сил, решимости, вполне адекватные. И притом – с запасом кислорода. Мне до сих пор непонятно, чем руководствовался Горбенко. Ясно было, что в том состоянии Володя вряд ли мог взойти на вершину один.

Стратегическая ошибка породила остальные. А дальше – трагедия. Терзыул навешивает веревку для спуска и уходит вниз, в штурмовой лагерь на 8300 м. А ты, Вася, жди Горбача. Василий – врач, человек долга. Он ждет. Володя долго, очень долго ходит где-то. Наконец, возвращается. Копытко и Горбач начинают спуск. Темнеет. Куда идти – непонятно, где веревка – неизвестно. Фонарей нет. Рации не работают. Вася уходит искать перила и уже не возвращается. Может, ступил на карниз, который под ним обломился. Может, соскользнул с предвершинного гребня. Влево? Вправо? Неизвестно... Высматривали, искали потом. Пуховка яркая, красная, но так и не нашли. Видимо, улетел глубоко в трещину, сверху присыпало снегом. Нет человека!

Володя Горбач переживает холодную ночевку на высоте 8500 м, ниже Первой ступени. Один. Это стоит ему обмороженных носа, пальцев на левой руке и на ногах. Слава Богу, утих ветер и не было сильного мороза. Иначе Володя мог и не выжить там. В таких условиях, как правило, в живых не остаются. Терзыул ночует в палатке. Товарищи не возвращаются. Утром он пытается выйти к ним навстречу, но сил нет. В палатке медицинский кислород, но он его не использует. «Слава, твои ребята не пришли. Почему ты не пошел наверх искать?» Он смотрит на меня стеклянными (гипоксия?) глазами: «Я не могу тебе сказать». Как старший группы он не должен был оставлять своих ребят. Мы оба это понимаем, но ничего уже не поправишь.

Со Славой Терзыулом мы в одной связке в 1997 году успешно взойшли на Нанга-Парбат (8125 м). Меня тогда пригласил на роль спарринг-партнера Терзыула один из лидеров одесского альпинизма, прекрасный восходитель, тренер и человек Вадим Свириденко. Думаю, хотел таким образом добавить перспективному парню опыта, выучки. Слава был прирожденным высотником – сильным, выносливым. Отлично справлялся с гипоксией. Но полноценной технической подготовки в альпинизме он не получил. Не прошел школу серьезной команды. В его биографии не было сильного восходительского коллектива, в котором люди учат друг друга и учатся премудростям альпинизма, и одновременно – взаимовыручке, ответственности за товарищей. «Слава, у тебя был кислород. Ты УЖЕ совершил бескислородное восхождение. Надень маску и бегом туда – выскочишь с кислородом за полчаса! Почему ты этого не сделал?». Молчит. Нет, я представляю состояние даже подготовленного человека после бескислородного восхождения на Эверест. Это железный Толя Букреев мог снова и снова подниматься и спускаться и спасти троих людей. Слава в подобной ситуации оказался не Букреевым. И не мог ответить на простой вопрос «почему?». Нечего было ответить. Нет уже Толи Букреева, нет и Славы Терзыула – оба остались в Гималаях. Ворошу прошлое ради ребят, которые еще пойдут на свои Эвересты.

Не первый год ведутся разговоры про две морали – одну до 8000 м и другую – каждый за себя – в «зоне смерти». Никогда не соглашусь с этим. Ни в одной советской сборной ни при каких обстоятельствах не было так, чтобы бросить человека. Переступить через него. Такое

невозможно представить. С кем ты останешься? Как с этим сможешь жить? Мораль или есть или нет, что бы ни говорили про особые обстоятельства «зоны смерти». Да, сейчас другие времена. Порой задумываешься, существует ли общечеловеческая мораль на уровне моря. И все же... Коммерческие восхождения на восьмитысячники поставлены на поток. Самый популярный объект, конечно, Эверест. «Отметиться» на его вершине стремятся жаждущие острых ощущений, богатые, но порой минимально подготовленные люди. Гиды, которым они фактически доверяют жизнь и платят немалые деньги за помощь во время восхождения, стараются выполнить свои обязанности на совесть. Но порой там, на высоте, разворачиваются жуткие сюжеты. Как поступить гиду, когда рядом мужчина, твой клиент, выбился из сил, требует помощи, и женщина, у которой закончился кислород? Кому помогать – клиенту, который тебе заплатил? Но тогда погибнет женщина... Не дай Бог никому стоять перед подобным выбором или оказаться пленником «зоны смерти»! Но все же и там, где нет уже ничего живого, люди могут оставаться людьми. Это подтверждает история невероятного спасения Володи Горбача, в которой участвовали десятки восходителей из разных стран. Хотя, если посмотреть правде в глаза, то получится: сначала собственной безответственностью создали проблему, а потом героически, с риском и потерями, ее решали.

... Кислород для медицинских целей был у нас в лагере на высоте 7050 м. Когда по связи передали, что с вершины не вернулся Володя Горбач, стало ясно: надо идти на помощь. Две маски, два кислородных баллона, а нас трое – Коля Горюнов, Игорь Свергун и я. Говорю им: надевайте маски и бегом наверх. Без кислорода я вас все равно не догоню, попробую договориться с шерпами. Ребята помчались на помощь. Наверху в это время находились Сергей Ковалев, Вадим Леонтьев и Роман Коваль. К Горбачу стали подниматься Ковалев с Леонтьевым. Обессиленный высотой и гипоксией Леонтьев до Володи не дошел, вернулся. Сергей Ковалев смог напоить Горбача водой, но этим его помощь ограничилась. На большее сил не хватило, пошел вниз. Игорь Свергун потом скажет: «Думал, что иду снимать тело, а когда услышал от встреченного Ковалева, что Вовка жив, помчался наверх вдвое быстрее». Свергун с Горюновым и начали спускать обмороженного Володю. Спустили до палатки, накололи лекарствами,

переночевали, и продолжили спуск. Если бы не они, Горбач просто остался бы на Эвересте.

Ребята умчались, а я остался ждать шерпов. Те с грузами шли наверх. Проклиная свой скудный английский, все же нахожу слова, чтобы объяснить: заплатим, сколько скажете, но помогите спустить нашего товарища. Шерпы согласились, правда, с условием, что сперва занесут наверх грузы клиентов. Хорошо. Иду с ними наверх. Носильщики занесли свою поклажу на 7800 м. Оттуда уже налегке поспешили вверх за Володей. На высоте 8200 м встретили Горюнова, Свергуна и Ковалева, которые тащили на кариматах Горбача. Шерпы сказали: все, теперь мы. Не изнуренные высотой, не выработанные, как наши ребята, они поспешили с пострадавшим вниз, на Северное седло. Там очень помогли альпинисты из других экспедиций, кто был поблизости. Узнав, что идут спасработы, коллеги бросились на помощь. Путь с седла на 6400 м проходил слева направо, дугой. Сверху, с седла они спустили веревки напрямую. Когда шерпы подтащили Горбача к этому месту, там уже несколько человек ждали. По спрямленным перилам Володю быстро спустили ниже. В лагере ABC на 6400 м уже ждал наш врач Владимир Лебедеко с переносной барокамерой, капельницей. У Горбача давление, можно сказать, символическое – 60 на 10. Экстренная реанимация. Володю на его последнем пределе Лебедеко все-таки вернул с того света. Еще час-другой – и помощь бы уже не понадобилась. А дальше девять шерпов, сменяясь каждые 15 минут, по леднику Ронгбук (около 20 км льда и осыпей) галопом доставили пострадавшего в базовый лагерь. На помощь доктору Лебедеко были готовы прийти его коллеги из разных стран, но он самостоятельно привел Володю в транспортабельное состояние. После ночи под капельницей Горбача на автомобилях доставили в Катманду, в госпиталь. В Тибете, в отличие от Непала, каким бы экстренным ни был случай, вертолеты не используются, поэтому дорога до стационара получилась не такой быстрой, как хотелось. Но главное – Володя остался жить. Рывок наверх нашей группы, помощь Свергуна с Горюновым, других наших ребят, альпинистов из разных стран спасли его. А Васю Копытку так и не нашли. Читать корреспонденции о большом успехе национальной сборной было неловко. Горы – это всегда риск. Восхождение на

Эверест даже по ординарному маршруту – всегда успех. Но о каком успехе речь, если потеряли товарища?

Из сборной команды страны меня вскоре отчислили. Ввели возрастную цензу – не старше пятидесяти. Дело прошлое, но, считаю, нельзя было вот так рубить концы. Не потому, что уж очень хотелось подольше задержаться. Хотя это и зарплата, и определенный статус. Но я в данном случае как тренер проблему рассматриваю. Чтобы создать полноценную команду, нужно обеспечить преемственность поколений, передачу опыта. Альпинизм – не велоспорт, где должна быть ровная команда для гонки. Понятно, туда только сильнейших отбирают. У нас – не олимпийский вид спорта, другой образ жизни и возможен другой подход. Но, как и в любом виде спорта, коллектив сборной формируется не один год. Не важно, олимпийцы – не олимпийцы. Если мы называем этот коллектив сборной, получаем государственное финансирование, то и подход должен быть профессиональный. Ответственный и методически правильный – об этом Владимир Дмитриевич Моногаров не уставал напоминать (кстати, от его услуг уникального специалиста в области высоких нагрузок и реабилитации, доктора наук, профессора тоже отказались). Профессиональная команда не должна работать по-дилетантски. Старшее поколение – это опыт, надежность и все, что подразумевает термин «профессиональный подход». Он перенимается в процессе совместной работы. Например, как тренироваться перед гималайским восхождением, на что делать упор. Как не ставить под удар судьбу – свою и команды уже на горе. Этому учатся в совместной работе, перенимая опыт, какие-то приемы, манеру, стиль. Порой ни обучающий, ни обучаемый и не подозревают, что идет урок. Вместе упираются на тренировке или на маршруте...

Одновременно со мной сборную покинул Свергун. «Игорь, оставайся. Госстипендия – штука полезная, у тебя семья». Он в ответ: «А с кем ходить?». Это не праздные вопросы – кто у тебя за спиной, кто тебя страхует, кому доверяешь жизнь.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Моя третья встреча с Эверестом и второе восхождение на вершину состоялись весной 2000-го. На этот раз в составе экспедиции Краснодарского юридического института (теперь Краснодарский юридический университет МВД России). Две экспедиции с интервалом в 12 месяцев отличались одна от другой, как небо и земля.

Сначала меня пригласили только проконсультировать. Тоже, кстати, показательный момент. Казалось бы, начальник вуза генерал-майор милиции Юрий Агафонов – опытный организатор, сам не новичок в горах, в том числе и в Гималаях, кандидат в мастера спорта, мог обойтись и без моих рекомендаций. Тем более, что в 1998 году успешно провел свою, институтскую экспедицию на восьмитысячник Макалу (8470 м). Когда замахнулись на Эверест, обратились ко мне: «Сергей Игоревич, проконсультируете?» Почему нет? Я приехал в Краснодар в конце августа 1999-го, до экспедиции оставалось меньше года. Встретился с генералом Агафоновым. Хотите весной 2000-го взойти на Эверест? Значит, надо осенью на Эльбрусе побывать, несмотря на то, что летом все где-то совершали восхождения. Затем зимой, в январе. И перед самым выездом в Гималаи, в конце февраля – начале марта. Три сбора на Эльбрусе подготовят к работе на высоте. Подробнейшим образом расписал списки снаряжения. Особенности питания, все тонкости высокогорного меню. Режим тренировок. Советовал хотя бы раз в неделю собираться всем вместе, не обязательно каждый день дергать. У всех работа, люди заняты. Каждый тренируется индивидуально, но общая тренировка раз в неделю для контроля формы и корректировки необходима. Посоветовал, с какой принимающей альпинистов фирмой работать в Непале. Рекомендовал ту, с которой мы сами не первый год сотрудничаем.

Забегая вперед, скажу, что все мои рекомендации генерал Агафонов четко выполнил. А тогда, в августе 1999-го, итогом нашего знакомства стало приглашение в экспедицию тренером. Я поблагодарил, но согласился не сразу. Хотел сначала посмотреть

команду. Опять-таки, у нее есть тренер – Иван Аристов, это его ребята. А если Ваня будет против? Аристова не было в Краснодаре. Когда встретились, он сказал: «Как я могу быть против? Я только за». В ноябре я поехал с краснодарцами на Эльбрус, увидел ребят в деле. Убедился, что они действительно команда, спаянная, схоженная, объединенная общими восхождениями, традициями. Так я стал тренером-консультантом краснодарской экспедиции. Маршрут, по которому предстояло подниматься, был мне знаком – год назад по тому же Северо-Восточному гребню шли к вершине участники украинской экспедиции.

В марте мы вылетели в Непал, оттуда перебрались в Тибет. Уже в Катманду к нам попросились в команду Борис Седоусов и Николай Захаров – сильные альпинисты из Красноярска и Перми. Спросили генерала Агафонова: можно? Тот разрешил. Сколько это будет стоить? Руководитель экспедиции – порядочный, щепетильный человек – назвал сумму себестоимости. Это было очень полезное пополнение – отличные парни с немалым гималайским опытом. Борис Седоусов в свое время обморозился на Чо-Ойю, пережил ампутацию пальцев на ногах. С нами взошел на Эверест. Для Коли Захарова, прекрасного тренера и восходителя, это была третья попытка. Первый раз не получилось взойти из-за болезни. Второй раз возвращался, не дойдя до вершины 300 м, из-за угрозы холодной ночевки. С краснодарцами взошел. Как и харьковчанин Алексей Боков – второй экспедиционный доктор. Алексея, земляка, товарища по восхождениям и прекрасного специалиста-травматолога, сосватал на роль «играющего» доктора я. Мудрый генерал поставил Бокову условие: будут участники здоровы – взойдешь на Гору. И выполнил обещание. Когда спустился врач, ходивший в первой группе, смог сходить и Леша. Жаль, Игорю Свергуну, моему постоянному напарнику, места в команде не нашлось – своих участников хватало.

Повторю, экспедиция была подготовлена очень продуманно, грамотно. Генерал Агафонов не упускал из виду ничего, справедливо полагая, что в таком деле мелочей не бывает. Например, на восхождении у нас была возможность наслаждаться наваристым духовитым борщом, «как у мамы». Разнообразные концентраты, в том числе и борщ, привезли из Краснодара. До нашего отъезда в столовой юридического института каждый день готовили 40-литровую

кастрюлю ароматного варева, везли за 80 км на консервный завод, там выпаривали, доводили до нужной кондиции и закрывали в банки, как тушенку. В Гималаях оставалось содержимое банки залить водой, нагреть и наслаждаться аппетитным первым блюдом. И не просто наслаждаться. В условиях гипоксии, повышенных нагрузок этот целебный продукт отлично регулирует водно-солевой баланс организма. Из множества вот таких мелких «кирпичиков», о которых нужно было позаботиться, договориться, обеспечить, складывался фундамент общего успеха.

Для меня восхождение решающей роли не играло. На Эвересте я уже был. Конечно, интересно подняться с севера. Но из Тибета до 8200 м я ходил, когда спускали Володю Горбача. Все видел. Принципиально важным для меня было воплотить в жизнь то, от чего отмахнулись руководители украинского восхождения в 1999-м. Весь спортивный состав экспедиции «Кубань – Эверест-2000»: 8 краснодарцев, 2 харьковчанина, красноярец и пермяк, – всего 12 человек тремя группами взошли на гору. Таков результат профессионального отношения к делу. Многочисленные иностранные восходители, свидетели этого успеха, назвали нас «millennium team», командой тысячелетия.

Ключевой момент: не довлекла «бескислородность». Человек сам решал в зависимости от самочувствия, пользоваться ему O_2 или нет. Первая группа, те, кто уже побывал на Макалу, сначала сказали: идем без кислорода. Я был во второй, «кислородной» четверке. На долю первой, кстати, еще и больший объем работы выпал: уже идя на восхождение, ребятам пришлось нести на 8300 м большое количество снаряжения: палатку, кислород, газ... Все, что не успели поднять во время акклиматизационных выходов. Оценив ситуацию, Иван Аристов пересмотрел отказ от O_2 . Позже объяснял: «Я понял, если пойдем без кислорода, есть шансы взойти, а есть и не взойти. Пятьдесят на пятьдесят». Это при том, что на Макалу они ходили без O_2 . А здесь надели кислород и взошли на Эверест. У самого молодого участника экспедиции, 28-летнего Олега Афанасьева в послужном списке самая высокая вершина – Эльбрус. Но подготовка была такая, что, не имея даже «семи тысячного» опыта, он взошел – с кислородом. Несмотря на сомнения доктора: выпускать – не выпускать. У парня после первых выходов обнаружилась легкая тахикардия. Алексей Боков сказал:

пойдешь со мной. Чтобы постоянно состояние Олега контролировать. Я потом спросил, как парень шел. Как конь! Все великолепно, рядом доктор. Вот что значит продуманный подход. Вот так надо проводить экспедиции! Без «ЧП», без обморожений, серьезных болезней, без единой царапины взойшли всей командой. Да, по классическому, сотни раз хоженому пути. Но Эверест от этого не стал ниже, а подъем на него – легче.

Мне в тот раз вершина запомнилась ожиданием. Часа полтора гулял по Горе, пока поднялись ребята моей группы. Народу много – на Эвересте только с тибетской стороны работали 24 экспедиции. Если кто-то идет по перилам вверх, не спустишься. И наоборот. Я успел по веревке прожумарить быстренько, а ребятам из моей четверки пришлось попрыгать в очереди. Пока они подошли, я принял три группы с южной стороны, поздравил с вершиной, с удовольствием пообщался. Ветра нет, видимость отличная, настроение праздничное и «гор заоблачные цепи в снегах нетающих горят»...

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ГОРА!

Моему напарнику все не удавалось побывать на высотном полюсе. Дважды Игорь Свергун поднимался выше 8000 м, был на Южной вершине (8760 м), а на Главную так и не взойшел. Хотя вполне мог записать Эверест в свою «Книжку альпиниста» еще в 1992 году. Свергун тогда участвовал в организованной Мишей Туркевичем украинской экспедиции на Эверест (без меня). Команда сильная, но не в лучшей форме. Из-за финансовых проблем не был проведен даже сбор на Эльбрусе. Альпинисты прибыли в Катманду, а деньги – нет. Пришлось посылать гонца к спонсорам в Италию, несколько дней волноваться: идем – не идем? Наконец деньги прибыли, экспедиция началась. Из всех участников к маршруту по Юго-Западной стене был подготовлен только Игорь. Мы с ним накануне экспедиции много ходили на Кавказе, потом были пик Победы на Тянь-Шане, Монблан в Альпах. Провожая напарника в Непал, я его напутствовал: «Ты не только можешь, ты обязан взойти. Потому что подготовлен лучше всех». Гора это подтвердила. Но в решающий момент рядом не оказалось партнера, с которым он мог взойти на Гору.

... Вместе с Витей Пастухом и Володей Гончаром из Донецка они с отметки 8400 м предприняли попытку подняться на вершину. Увы, сказалась недостаточная акклиматизация. Виктор подморозил ноги, у Володи начиналась пневмония. Ребята пошли вниз, а Игорь решил переночевать в найденной ими палатке, чтобы на завтра попробовать взойти. Палатку оставили восходители какой-то экспедиции, внутри оказался баллон с кислородом. Игорь вспоминает: «Закутался в спальный мешок, открыл кислород без маски, просто так, самотеком. И под легкое шипение кислорода уснул. Как позже выяснилось, проспал почти 20 часов. Солнце находилось в зените, надо было решать, куда идти. Конечно, вверх. Ведь экспедиция должна была вот-вот закончиться, и еще одной возможности побывать на Эвересте мне, скорее всего, уже не представилось бы. Дошел до Южной вершины. Под ней уткнулся в снежный карниз с выносом до двух метров. Я знал, что до Главной минут сорок ходу. К тому же с нее свисали

оставленные кем-то веревки. Но мне не хватило каких-то десяти метров. Пришлось траверсировать склон в сторону Главной вершины и уже в темноте я уткнулся в такое место, откуда не смог двинуться ни вверх, ни вниз, ни в стороны. В какой-то момент просто стало страшно: я один, в темноте, без страховки. Координация нарушилась, я не мог определить крутизну склона. Но все же кое-как вытоптал площадку и стал дожидаться рассвета...» Но еще до восхода солнца он нашел свои следы, дошел по ним до палатки, а утром повернул вниз. Лезть без страховки по запорошенной снегом скальной стенке на высоте 8700 м опасно. А в базовом лагере решили, что он взошел, поспешили передать новость в Киев. С трибуны Верховной Рады на всю Украину торжественно объявили, что харьковчанин Свергун поднялся на Эверест. Игорь пришел в лагерь и сказал: «Нет, я на главной вершине не был». Джентльмен! Кто-то ему: «Ну кто тебя за язык дергал? Сказал бы, что был». Игорь так не может. Не был – значит не был. В общем, правильный альпинист. Поднялся на Эверест, но позже. Зато честно смотрит людям в глаза.

В 2005-м мы с напарником решили заполнить пробел в его альпинистской биографии. Организовали международную экспедицию на Эверест вместе с друзьями – с народным депутатом Украины первого созыва, организатором ряда гималайских экспедиций, инициатором программы «Флаг Украины на вершинах мира» Иваном Валеней и чешским восходителем Иозефом Кубичеком. Об Иване Валене хочу сказать особо. Если бы среди наших депутатов, других представителей власти было хоть полдесятка таких беззаветно преданных альпинизму людей, как Ваня, украинские восходители в мировом альпинистском сообществе давно бы заняли ведущие позиции. Для Ивана взять в банке кредит, заложив собственную квартиру для проведения очередной экспедиции, – дело святое и само собой разумеющееся. Но Валеня один, а банки не видят особой выгоды в инвестициях в альпинистские затеи.

... Как нельзя в одну реку войти дважды, так не бывает и двух одинаковых восхождений. На высотный полюс – тем более. С краснодарской экспедицией было, кажется, самое спокойное восхождение. Четкое, планомерное. В 2005-м не обошлось без неприятных сюрпризов. Начать с того, что в Непале в тот год было очень неспокойно. Бесчинствовали группировки маоистов. Мы, к

счастью, добрались до Тибета относительно спокойно, а вот двое альпинистов из команды российской «Альпиндустрии» пострадали от самодельной бомбы. Ее бросили в машину, на которой россияне догоняли уехавших раньше товарищей. Одному из пострадавших потребовалась срочная операция. Под стать политической обстановке была и погодная. Долго не могли выйти на восхождение. Не пускали сильнейшие ветры – до 150 км/час. Валеня и Кубичек смогли подняться только до высоты 7500 м. Заболели. Сухой разреженный воздух высоты вызывает жуткий кашель. Остановить невозможно, он полностью обессиливает. Пришлось Ивану с Йозефом спускаться.

Компания вдвое уменьшилась, проблем прибавилось. Например, нужно было установить лагерь на 7700 м. Приходим туда – все места заняты. На склонах Горы – аншлаг, палатку негде поставить. Надо где-то на склоне рубить площадку. Пытаемся вырыть снег, вымостить какое-то подобие площадки. Жуткий ветер – не можем установить палатку. Кому рассказать – не поверят: два мастера спорта международного класса безуспешно борются с палаткой. Она вырывается, не дается. Палатки были чешские, непривычной конструкции. Их довольно сложно собирать и в нормальных условиях. А на ветру просто невозможно. Полчаса эта пытка длится. Тут норвежцы нам посочувствовали, зовут: рядом место освободилось. Кто-то уходивший забрал палатку наверх. «Спасибо! Thanks!», – переходим за небольшой перегибчик, где ветер поменьше. И тут же ставим палатку, влезаем в нее счастливые, как кенгурята в мамин карман.

Ладно, это промежуточный лагерь. Поднимаемся в штурмовой. Там снова все места заняты. Снимаем кислородные маски, отключаем кислород (он только для восхождения) и опять у нас «субботник». Об этих строительных работах я уже немного рассказал в главе «С кислородом или без?». Продолжались они часа два-три. Это же 8300 м! А у нас укладка камней на приз Сизифа. Да еще на ветру, к счастью, не таком жестоком, как в предыдущем лагере. Шаг, остановка. Восстановил дыхание – еще шаг. Кряхтим, хрипим, пыхтим, кашляем. Наконец площадка готова. Палатку ставим в темноте. А должны, по идее, уже третий сон видеть. Ведь чтобы выйти не позже двух ночи, встать надо часов в 11 -12. Влезли в палатку. Пить! Главное на такой высоте – питье. Согрели чаю, поужинали сублиматами. Только

заснули, просыпаемся от шума шагов – народ уже потянулся на гору. Надо идти. Собираемся. Топим снег, чтобы взять с собой воду. Необходимо хотя бы по полтора литра на человека. Накануне не запаслись, время и силы «съела» площадка. Выходим где-то после трех. Спокойно, часа за четыре поднимаемся на вершину. Она встречает приличным морозом. Сняли кислородные маски. Ну, здравствуй, Гора! С днем рождения! Шерпы называют 29 мая днем рождения Эвереста. Сегодня как раз 29-е, годовщина первовосхождения! Вот так же и Хиллари с Тенцингом здесь стояли 52 года назад. Даже время почти совпало: они были на вершине в 11. 30, а мы – в 11. 40. Специально не подгадывали ни день, ни время – на Эвересте такое не проходит, да и ни к чему. Но приятно, что так совпало.

В тот год китайцы перемеряли высоту Эвереста. Несколько месяцев засекали с помощью лазера эту высоту, чтобы определить с максимальной точностью. Для этого установили на вершине треногу – триангуляционный знак-отражатель на стойке и растяжках. Фотографируем друг друга на фоне этой конструкции с флагами Украины, Харькова, штандартами наших спонсоров и – галопом вниз. Потом руки отогреть не могли. Спуск на фотоаппарате в рукавицах не нажмешь. А там ведь все моментально: снял рукавицы – тут же прихватило пальцы. В тот же день мы сняли штурмовой лагерь и спустились на 7700 м. Там переночевали и спустились в АВС на 6400 м. Вызвали «такси» – караван яков. Они – такая же принадлежность Ронгбука, как лед и камни. Кому охота тащить на себе палатки, снаряжение 20 км по леднику. Караван-услуги входят в цену пермита – разрешения на восхождение. При подъеме на каждого восходителя полагается три яка, на спуске – два. Яки несут от 25 до 30 кг груза. Раньше носили больше. Караванчики объясняют: яки после зимы слабые, пакуйте, пожалуйста, по 25 кг каждый груз. Сразу до базового лагеря яки не идут, останавливаются в промежуточном лагере на 5900 – 6000 м, а дальше выходят на 6400 м. Когда восхождение заканчивается, сообщаем вниз офицеру связи, мол, будьте любезны нам яков к такому-то числу. Или заранее планируешь, сколько дней потратишь на восхождение, сколько будешь спускаться, и назначаешь время. А потом просто подтверждаешь вызов. Потому что может быть задержка из-за непогоды, состояния здоровья... Это горы, возможны

любые неожиданности. Поэтому лучше уточнить. Если яки раз пришли, а вас на месте не оказалось, второй раз не придут. Вернее, придут, но сумма за это набегит – мало не покажется. К счастью, все прошло без осложнений. Через пару дней нас уже встречал Харьков.

Дома журналисты достали меня вопросом, что чувствует человек, который в третий раз, к тому же в 58 лет, взошел на Эверест. Отвечал, как оно и было на самом деле: о возрасте вообще не думал. Никаких отрицательных эмоций по этому поводу не испытывал. Только огромное удовлетворение от того, что сделали восхождение, не похожее на предыдущие. В довольно нелегких условиях. Радовался за друга. Наконец-то Игорь поднялся на главную вершину Эвереста.

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ ДОСТИЖЕНИЙ

Возвращаюсь в май 2003 года. Снова я в пестром, шумном, неунывающем Катманду. Снова в Непале, хоть вершина Мак-Кинли ждет меня на другом конце Земли – в Америке, на Аляске. Но все дела в сторону – 50 лет первовосхождения на Эверест! На юбилей собрался весь цвет мирового альпинизма во главе с патриархом гималайских восхождений сэром Эдмундом Хиллари. Моя поездка на торжества долго оставалась под вопросом. Вернее, большим и, увы, традиционно открытым оставался денежный вопрос. К счастью, приглашение было на две персоны. Попросил составить мне компанию хорошего товарища, успешного бизнесмена Бориса Илющенко. Тот с удовольствием согласился. А через несколько дней звонит огорченный: не могу, форс-мажор на работе. Но поездку, говорит, оплачу. Как я ни отказывался, настоял на своем. Спасибо, что помог стать участником незабываемого события.

Сэр Хиллари и 450 восходителей на вершину, среди них Рейнхольд Месснер – первый, кто поднялся на все восьмитысячники, первый, восходивший на Эверест соло, первый – без кислорода, Юнко Табей – первая женщина, побывавшая на высотном полюсе. Участники первой советской гималайской команды: Эдуард Мысловский, Михаил Туркевич, Сергей Ефимов, Казбек Валиев, Юрий Голодов. Сэр Хиллари, чета Месснер и Юнко Табей в окружении шерпов, среди которых и сын Норгея Тенцинга, едут в украшенных цветами каретах. Увешанные цветочными гирляндами, осыпанные розовыми лепестками идем за каретами сквозь шквал ликования. Юбилей восхождения на Эверест стал в Непале всенародным праздником. Нас радостно встречают и чествуют как героев не только потому, что гости бедной страны – главный источник ее денежных поступлений. Непальцы – жители гор. Каждую альпинистскую экспедицию сопровождают местные носильщики-портеры – это обязательное условие. Люди, которые сейчас аплодируют нам, понимают, сколько сил требует восхождение, тем более на Эверест. Так что восторг искренний, и праздник у нас общий.

Что запомнилось? Каждый из нас, «эверестовцев», посадил свое памятное деревце в окрестностях Катманду – получилась прекрасная аллея. Праздник у стен королевского дворца. Но особенно – прием в посольстве Великобритании (экспедиция, увенчанная первовосхождением на вершину новозеландца Хиллари и шерпа Тенцинга, была английской). Холеный газон посольского парка еще не видел, наверное, такого пестрого и шумного общества. Нас предупредили: встреча, на которой представлен весь аккредитованный в Непале дипкорпус, рассчитана на полтора часа. Кто раньше забыл об этом условии – хозяева или гости, ответить не берусь. Альпинисты без труда растопили ледок официальной чопорности. Дипломаты и сами были рады возможности выйти на время за рамки протокольных предписаний и пообщаться с теми, для кого саммит – вершина горы (так summit переводится с английского), а не встреча глав государств. В общем, прием закончился куда позже отведенного времени. Эдмунд Хиллари открыл выставку уникальных фотографий, в том числе и собственного авторства. Среди них – Норгей Тенцинг на вершине Эвереста. Фотографий самого Хиллари на вершине нет. Напарник-шерп отлично управлялся с веревкой и ледорубом, но не с фотоаппаратом. На приеме легендарный первовосходитель был в центре всеобщего внимания. Все хотели сфотографироваться с ним, получить автограф, сказать слова восхищения, просто пожать руку.

С сэром Эдмундом Хиллари мне посчастливилось встречаться в 1982-м, перед и после Эвереста. Годы не очень изменили его. Красивый человек баскетбольного роста с располагающей улыбкой. Настоящий джентльмен без тени напыщенности и самолюбования. Военный летчик в годы Второй мировой, был ранен в бою. За восхождение на Эверест удостоен рыцарского звания, высочайших наград (например, высшего рыцарского ордена – ордена Подвязки). После триумфа не почивал на лаврах, поднялся еще на 10 гималайских вершин. Непал стал для Хиллари родным. Великий новозеландец строил дороги, мосты, школы и больницы для шерпов, создал Гималайский благотворительный фонд, много сил отдавал сохранению экосистемы гор. А еще участвовал в антарктической экспедиции, летал (не пассажиром, вторым пилотом!) на Северный полюс и стал первым человеком, побывавшим на трех полюсах Земли. Воистину, «целая жизнь достижений», как гласит надпись на монете, которую Новая

Зеландия выпустила в память о своем национальном герое (Эдмунда Хиллари не стало в 2008 году). Восхищаюсь целеустремленностью этого человека. Всегда помню его слова, обращенные к Эвересту за год до победного восхождения (Хиллари не удалось взойти на высотный полюс в 1952 году): «Гора Эверест, моя первая попытка закончилась неудачей, но в следующий раз я обязательно сделаю тебя, потому что ты уже выросла и достигла своей максимальной высоты... А я продолжаю расти!». В 2003-м сэру Хиллари было 84 года, но он сохранял ясный ум и живой интерес к людям и событиям. Нас разделял языковой барьер, но его крепкое рукопожатие как бы говорило: мы одной группы крови. Штрих в подтверждение сказанному: встречу с членами «Эверест-клуба» сэр Хиллари предпочел торжественному приему в Букингемском дворце, аудиенции у королевы Елизаветы II.

Торжества в Катманду продолжались несколько дней. Мне, правда, вдоволь поспрадовать не удалось – спешил на Аляску. Памятные серебряные медали король Непала вручал восходителям на Эверест уже без меня. Свою награду я получил, когда вернулся с Мак-Кинли. Глядя сегодня на изящный серебряный диск, думаю о людях, судьбы которых, как и у сэра Хиллари, – «целая жизнь достижений», неразрывно связанных с Непалом. Один из них, наш земляк, сделал все, что было в его силах, чтобы открыть миру удивительную горную страну...

Долго Непал был фактически закрыт для европейцев. Разрешалось одно восхождение в сезон. По этой причине в первой половине XX века все экспедиции отправлялись на Эверест со стороны Тибета. «Лавочка закрылась» в 1949-м – Тибет стал подконтрольной Китаю территорией. А Непал по-прежнему оставался *terra incognita* для альпинистов, путешественников и остального мира. Так могло продолжаться годы и годы, если бы не уроженец Одессы, солист дягилевского балета, один из блестящих людей своего времени Борис Николаевич Лисаневич. Это он успешно опроверг киплинговский постулат о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе им не сойтись». Во многом усилиями Лисаневича они сошлись, как две ладони в традиционном приветствии «намаете!». Сошлись именно в Непале, его столице Катманду, на горных тропах и снежных вершинах. После двухсот лет почти полной изоляции страны от внешнего мира!

Строго говоря, Борис Николаевич не имел отношения к альпинизму. Но без него невозможно представить развитие гималайских восхождений и путешествий. О Борисе Лисаневиче написаны книги. Жан-Поль Бельмондо снял о нем фильм. Жаль, историческая родина пока не проявляет интереса. Между тем, судьба этого незаурядного человека дает фору приключенческим романам. Правнук героя Бородино, сын преуспевающего конезаводчика родился в Одессе в 1905 году. Когда грянула Октябрьская революция, он был воспитанником кадетского корпуса. Судьба уготовила пережить разруху, гибель родных, голод, тиф... Спасла дальняя родственница, приняла в свою балетную школу. У Бориса отличные данные и блестящие способности. Вскоре он, уже артист балета, покидает черноморские берега. Блистает на парижской сцене... Приезжает на гастроли в Юго-Восточную Азию, яркую и пряную, как восточный базар. Лисаневич потрясен и очарован. Пора возвращаться в Европу, но он остается в Индии – тогда английской колонии. Получает британское подданство. Друзья помогают открыть свое дело. В Калькутте тридцатых – сороковых годов не было места роскошнее, престижнее и популярнее, чем открытый Борисом «Клуб 300». Первый англо-индийский, первый, куда допускались женщины, и, конечно, первый, где подавали... украинский борщ. Там проводили время монархи и магараджи, путешественники и генералы, светские львицы и финансовые магнаты... Борис Лисаневич был центром этой искрящейся вселенной, ее радушным хозяином. В элитарном уголке не только веселились. Там происходили важные, порой исторические встречи, вершилась большая политика. В своем клубе Борис однажды был представлен отстраненному от власти и бежавшему из страны королю Непала Трибхувану. С помощью влиятельных друзей Лисаневич организовал его тайные встречи с будущим премьер-министром независимой Индии Джавахарлалом Неру. Принимал деятельное участие в возвращении изгнанника на трон...

В 1953 году по личному приглашению короля Борис Николаевич с семьей приехал в Непал, запертый от чужих глаз, как шкатулка с драгоценностями. Но уже прогремели сообщения о первых восхождениях на высочайшие горы – Аннапурну, а затем Эверест. Лисаневич понимает: главное достояние страны – ее географическое положение. Непал может и должен стать мировым центром

альпинизма и туризма. Но победить сопротивление не желающих перемен местных чиновников непросто. Когда Лисаневич начинает воплощать в жизнь свои задумки, в стране еще действует комендантский час. Борис Николаевич не сдаётся. Он влез в долги, но привез (самолетами!) всю «начинку» первого непальского отеля от хрустальных люстр до дверных ручек. А чего стоило вышколить персонал: приучить носить обувь, мыть руки и использовать по назначению «маленькие белые источники», а попросту – унитазаы. В августе 1954 года одессит открывает первую в Непале гостиницу Royal Hotel. Первых гостей из Европы и Америки (ценой энергичных усилий Лисаневича) принимает сам король! Наплыв туристов в страну растёт. Воодушевленный монарх делает истинно королевский жест: разрешает безвизовый въезд в Непал всем желающим.

Гостями Бориса Лисаневича и Royal Hotel были королева Елизавета II и японский принц Акихито, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и наши космонавты Валентина Терешкова и Андриян Николаев. Как самых дорогих гостей принимали там восходителей на высочайшие горы. Лисаневич гордился дружбой с Эдмундом Хиллари, Морисом Эрцогом, Крисом Бонингтоном... Пусть он никогда не поднимался в горы, характер имел альпинистский. Рисковал, преодолевал, терпел и не сдавался. В 1982-м, после возвращения с Эвереста, мы ходили к Борису поесть борща, по которому успели соскучиться. Честно говоря, борщ с непальским акцентом не впечатлил. А вот хозяин заведения, пожилой уже человек, запомнился молодой выразительной пластикой, балетным разворотом плеч, искренним радушием. Он радовался соотечественникам, нашей победе и возможности поговорить – без акцента – по-русски. Борис Николаевич Лисаневич умер в 1985 году. Дело отца продолжают сыновья. Популярны у альпинистов и туристов рестораны «Борис» – одна из достопримечательностей Катманду.

А для большинства восходителей главная достопримечательность непальской столицы – мисс Хоули. Без этой сухонькой пожилой американки Катманду так же немислим, как без живой богини-девочки Кумари. Только Кумари, подрастая, уходит в простые смертные, а мисс Хоули продолжает нести свою вахту на протяжении нескольких десятилетий. Историк по специальности, журналист по профессии, она с 1958 года живет в Непале. С 1963-го документирует,

консультирует и, не побоюсь этого слова, контролирует все значительные восхождения на все высочайшие вершины. Правдиво рассказывает о них миру. Летописец, эксперт, непререкаемый авторитет. Все национальные экспедиции, в которых я участвовал, начинались со встречи с этой энергичной дамой. С ее подробнейшей анкеты: где и когда родился, кем работаешь, сколько имеешь детей, на каких вершинах побывал... Итоги восхождений подводились тоже с мисс Хоули. Во всех тонкостях и деталях. Очень профессионально. Толково. Каким маршрутом прошли – заявленным или другим. Кто был на вершине, а кто нет. Все ли спустились. К ней многие обращаются с вопросами по маршрутам. Например, планируется первопроход. А что вы, мисс Хоули, скажете, ходил там кто-то или нет? Или пробовали, но не прошли? У нее есть и эти данные, которых нигде не найдешь. Досье колоссальное! Плюс объективное, непредвзятое отношение к проблемам. Всем известно: если альпинист взошел на вершину и значится в анналах мисс Хоули, сомневаться, был – не был? – не приходится, точно был. Если же кто-то заявляет о восхождении на Эверест или другую гору, но данный факт мисс Хоули не зафиксирован, наверняка не было и восхождения.

Помню традиционный визит мисс Хоули к нам на старте экспедиции на Лхоцзе. Всем было интересно ее мнение о восхождении Томо Чессена на Южную стену – тогда это была тема номер один. Комментарий прозвучал примерно такой: да, ходят разговоры, что его там не видели. Побывавшие на вершине удивляются, что уж очень быстро залез. Не вижу в этом аферы – ведь на К-2 Чессен очень быстро поднялся до 8000 м. Пусть не был на вершине, но то, что прошел, – прошел на глазах у всех, притом в сумасшедшем темпе. Утверждать, что подобное невозможно на Южной стене, мисс Хоули не стала. А мы, спустившись с вершины, не стали встречать в полемику вокруг Чессена, предпочитали говорить о своем маршруте. Он того заслуживал.

Баек о незаурядной леди, как никто знающей гималайские маршруты, ходит масса. Слышал, например, что какие-то безбашенные ребята звонили ей чуть ли не из-под вершины: «Мисс Хоули, не подскажите, куда нам сейчас идти – налево или направо?». Не знаю, что здесь правда, а что легенды. Но, безусловно, Элизабет Хоули по праву принадлежит Катманду, Непалу и истории как летописец

главных событий в мировом альпинизме. Как продолжательница дела Эдмунда Хиллари в его Гималайском фонде. Как хранительница традиций честного, джентльменского духа восхождений. Когда пишутся эти строки, мисс Хоули без малого 90 лет. Но, как и полвека назад, ее утро начинается в Тамеле – районе Катманду, где останавливается большинство альпинистов. Голубой крошечный автомобильчик неутомимой дамы (назвать старушкой язык не поворачивается) у дверей одного из отелей – как сигнальный флажок начала или финиша очередной экспедиции. Железная леди Гималаев, как всегда, на посту.

ОТСТУПИТЬ НЕ ЗНАЧИТ СДАТЬСЯ

На сегодня мой личный счет встреч с Эверестом 3: 2. Не взошел на Гору в 1999-м, когда в украинской национальной экспедиции трое поднялись на вершину, но один из восходителей погиб, а другой остался в живых чудом и усилиями товарищей. Еще одна осечка произошла осенью 2004-го. Ходил на Эверест с клиентом, бизнесменом из Киева. Это было коммерческое восхождение. Только две экспедиции на Горе – наша и голландцев. Погода – хуже некуда. После лета Гору засыпало снегом. Кто-то из шерпов спустил на себя лавинку. Ну, и голландцы стали по одному откалываться. Вскоре их экспедиция закрылась. А мы смогли дойти до 8600 м. Кислород заканчивался. При подаче 5 литров в минуту (а подготовка клиента меньше не позволяла) O_2 не могло хватить на весь путь до вершины и обратно. Популярно объяснил спутнику, что без кислорода он не сможет идти ни вверх, ни вниз. Думай, парень! Он все понял, и мы повернули. Не в первый и не в последний раз я отказывался от восхождения. Возвраты – это правильно, естественно и профессионально. Месснер говорит, что 11 раз отступал и благодаря этому остался жив. Я отступал с восьмьютысячников 7 раз и полностью с ним согласен.

Почему отступал? Ну, понятно, чтобы остаться в живых и продолжать ходить на вершины. Отступить – еще не значит сдать.

Причины отступлений – разные. На Манаслу в 1991-м очень не повезло с погодой. Накрылся сложный стенной маршрут – в буквальном смысле слова, снегом. Мы остались без снаряжения. Заброски засыпало; так, что не сумели откопать. Самое обидное: к снаряжению вела веревка, но всей командой не смогли ничего спасти. Решили пройти гору траверсом. Пока боролись со снегами, столкновение мнений и характеров (моего с руководством) накалило обстановку до такой степени, что от траверса я отказался. В знак протеста и несогласия. Ребята уговаривали ради горы не «качать права». А меня как заклинило. Хотя готов был на двести процентов. Но не жалею. На гору надо идти воодушевленным, а не обозленным.

На Дхаулагири в 1994-м только одна группа взошла, во второй – несчастный случай с Галей Чекановой. Мы должны были в третьей группе подниматься – Витя Пастух, Иван Валеня и я. Понятно, когда такое случилось, о восхождении нет и речи... Еще один подход к Дхаулагири в 1997 году в составе одесско-харьковской команды. Одесситы Слава Терзыул, Витя Кленов, Мирослав Торосян, харьковчане Алексей Боков, Игорь Свергун и я, бывший донетчанин, а теперь москвич Володя Олейников... Уже установили штурмовой лагерь на 7400 м, и тут навалилась непогода. Спустились до самого низа, сбежали за три часа в зеленую зону. Замечательно восстановились, быстренько вернулись и пошли на гору втроем: Свергун, Терзыул и я. Поднялись на 6100 м, снова сильнейшая непогода. Снегом все завалило. Отсиделись немного, идем на 7400 м и видим сход лавины, как раз на нашем пути, довольно мощной. Видна линия отрыва в человеческий рост. Поднялись немного выше, а под нами склон гудит. Выходим на гребень, под ногами все ненадежно – в любую секунду можем уехать. Навеки.

Всегда трудно уходить с горы, когда вот она. Ты акклиматизирован, готов. Но внутренний голос подсказывает: нельзя. Обидно, не хочется, но поворачиваешь. С опытом появляется своего рода нюх. Первобытные люди чувствовали опасность значительно лучше, чем их изнеженные цивилизацией потомки. В процессе эволюции у нас это чувство атрофировалось. Его стоило бы развивать всем, чья деятельность в той или иной степени носит экстремальный характер. (А у кого не носит? Сейчас городскую улицу перейти – и то риск). Горы нам чувство опасности возвращают, обостряют. Только не все прислушиваются. Порой амбиции глушат здравый смысл и инстинкт самосохранения. Итог – трагедии.

... Терзыул, видя, что мы возвращаемся, насупился: «Я без вершины с горы еще не уходил. Один пойду». Хорошо. Оставляем тебе снаряжение, палатка наверху есть. Хочешь – иди. Это твой выбор. Свергун на Дхаулагири уже был, он сразу согласился, что риск неоправданно высок. Я тоже в этом не сомневался. Слава подумал немного, собрал вещи: «Я с вами» – «Ну и правильно». Только спустились в базовый лагерь, как зарядила непогода... Хорошо, успели снять снаряжение, верхние лагеря. Не повезло японцам, они решили непогоду пережить и все добро на горе оставили. Так оно там где-то

и покоится. А нам пришлось потом спускаться в другое ущелье. Шли вниз по грудь в снегу больше суток. С ночевкой, рытьем траншей. В общем, очень правильно ушли. Вовремя это сделали. Если бы остались, то, даже не попав в лавину, могли просто не спуститься, не выбраться из тех снегов.

На Хидден-пике в 2007 году у нас серьезные планы были. Три восьмитысячника за один выезд. Команда большая: Гена Лебедев из Кривого Рога, киевлянин, а в прошлом харьковчанин Женя Старосельский, Алексей Боков, Паша Сидоренко и мы с Игорем Свергуном. Проводили экспедицию совместно с чехами. Объединились, потому что вместе – дешевле, проще и комфортнее. Наш друг Йозеф Кубичек, с которым когда-то познакомились в Гималаях и с тех пор не теряем дружеских связей – он часто приезжает в Украину, мы бываем в Чехии – в тот год, к сожалению, не смог участвовать, но «сосватал» нам своих друзей, молодых, перспективных «технарей». У чехов свои планы, у нас – свои. Они запланировали, что одна двойка взойдет на Гашербрум-1 (Хидден-пик), другая – на Гашербрум-2, третья – по новому маршруту тоже на Хидден-пик.

С чешскими альпинистами у нас никаких проблем никогда не возникало. И не только потому, что нет языкового барьера – они понимают по-русски, нам несложно понять чешский. Очень дружелюбное, хорошее отношение. Даже несмотря на 1968 год и прочие неприятные совместные воспоминания. Все же понимают, что это не народ организовывал, а правители, чьи интересы с интересами людей, как правило, не совпадают. Помню, когда мы с ребятами в Чехию ездили в гости, я, подначивая, предположил: вы, чехи, к немцам ближе. Они возмутились: как это к немцам, мы славяне!

Ну вот собрались мы там, в Каракоруме. Каждая сторона работает в автономном режиме, но караван, носильщики-портеры, офицер связи, базовый лагерь – общие. В кают-компани дружно и весело собирались за одним столом 24 человека. Большая интересная экспедиция! Потом большинство чешских альпинистов уехало, подъехали еще ребята. И пошли на Хидден, хотя заявили на Гашербрум-2. Но мы на Хидден уже перила навесили, а на той горе произошел несчастный случай. Словом, чехи решили, что здесь надежней, и пошли на восхождение. Тем более что веревки висят, лагеря стоят. Они использовали палатку своих товарищей, которые

поднялись на гору раньше. Мы в своей сидим, ждем «окна» в непогоде. Это когда мы уже вдвоем с Игорем остались. Женя Старосельский заболел – пневмония, а с ней в горах шутки плохи. Гена Лебедев травмировался. Алексей Боков как врач сопровождал их в Катманду. А Паша, наш высотный оператор, когда после недели на высоте за 7000 м спускались вниз, поморозил пальцы и тоже вынужден был уехать. А мы остались ждать у гор погоды. Наконец дождались великолепного дня. Видимость роскошная, ветра почти нет. Все рванули на гору. Вот он, наш Спрятанный пик (Hidden в переводе с английского – спрятанный). До вершины – метров 150, не больше. И тут срывается шедший впереди чешский альпинист, задевает и чуть не сбрасывает вниз Свергуна. Я, выйдя из-за перегиба, вижу, как чех катится на километр вниз по склону и улетает по кулуару. Люди – а на горе народу хватало, было несколько экспедиций из разных стран – проводили его взглядами и пошли своей дорогой к вершине. Два чеха, его друзья, которые были ниже, говорят: мы вниз. Мы со Свергуном посмотрели друг на друга и тоже развернулись. Что здесь долго размышлять? Если парень жив, понадобится наша помощь. Чехи вдвоем ничего не сделают. Мы видим парня. Он неподвижен. Но, может быть, просто без сознания. Пока есть хоть полпроцента, хоть тысячная доля процента надежды, нужно спешить к нему. Подошли к месту падения через час-полтора, парень был уже неживой. Захоронили его в месте, где нашли. Вопрос: идти на гору снова или нет? Если нет, то сколько ждать нового погодного «окна»? Я предлагал: давай подождем день-два и попробуем снова. Мы же акклиматизированы, форма – лучше не бывает. Палатки, снаряжение – все на горе. Но в конце концов решили, что коль уж спустились, не стоит искушать судьбу. Думаю, это было правильно.

В 2009 году на Броуд-пике очень «массовая» была экспедиция – Свергун, я и повар. Броуд-пик – сосед К-2. Относительно «маленький» восьмьютысячник (8047 м). Маршрут – классический – логичный, безопасный. Но, как обычно, надо ловить погоду. В тот раз нам не повезло. Занесли снаряжение в штурмовой лагерь. Попали в ненастье. Томительное ожидание «окна». Никакого просвета. Попытались раз на гору выйти, второй – непогода не пускает. Никто не выходит наверх из тех экспедиций, кто еще надеялся проскочить. Дождались погоды только терпеливые иранцы. Высидели свое и в конце концов сходили

на гору. У нас такой возможности не было. Вообще, если едешь в Каракорум, обратные билеты надо брать или с запасом, или с открытой датой вылета. Чтобы можно было дожидаться погоды. Так же, кстати, и на К-2. Там тоже погода – постоянная проблема восходителей. Мы ждать не могли – пришел караван. Отослать этот и вызывать следующий – не хватит денег. Билеты на самолет пропадут. Мы и так немалый убыток понесли – снегом занесло палатки со всем содержимым: пуховками, веревками, рукавицами и т. д. Переглянулись – снаряжения жалко, конечно, но это дело наживное. Новое можно купить. А жизнь не купишь.

Тринадцать раз я поднимался на восьмитысячники и семь отступал... Вершины, где побывал, живут в памяти радостями, трагедиями, трудностями, ошибками, курьезами, встречами, великолепными видами. Рассказывать – никакой книги не хватит. Кроме высотного полюса, Канченджанги и Лхоцзе, это Аннапурна (1996 г, м-т Бонингтона), Нанга-Парбат (1997 г, м-т Кингстофера), Шиша-Пангма (1998 г, классика), Чо-Ойю (2004 г, классика). В каком-то смысле каждая из них тоже – мой Эверест. Потому что, как и главная Гора, поднимала над равниной будней, дарила ни с чем не сравнимое: «Я это смог!».

ЧАСТЬ III

КАВКАЗ – ВТОРАЯ РОДИНА

ГОРЫ ПЕРЕМЕН

Кавказ – первые настоящие горы, которые я увидел. Если бы тогда, в середине шестидесятых, кто-то сказал мне: «Ты взойдешь на большинство этих вершин по самым сложным маршрутам» или «Через пятнадцать лет ты будешь неделями не слезать с Эльбруса, чтобы взойти на Эверест», – я бы воспринял прогноз как должное. Юность не признает (и правильно делает!) слов «нереально», «невозможно», «непреодолимо». К тому времени я уже понял, что хочу ходить в горы, подниматься на самые знаменитые и крутые. А вот если бы услышал, что с конца XX века буду приезжать на Кавказ из другой страны... Что по Главному Кавказскому хребту пройдут границы... Что в несуществующем альпллагере «Баксан», где я успею поработать инструктором, расположится пограничная застава... Что на Шхельдинском и Южношхельдинском ледниках придется опасаться быть ограбленным или уведенным за перевалы в рабство... Что в штольнях Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината будут прятаться террористы... Ни за что бы не поверил!

Сегодня Кавказ во многом другой. Впрочем, разве только Кавказ? Мир стал другим. Горы – они ведь не просто природа, складки земной поверхности. Там сходятся, пересекаются, сталкиваются, высекая искры, геополитические, экономические, военные и прочие интересы. Опасности, с которыми встречались вскоре после революции, в двадцатых-тридцатых годах прошлого века первые советские экспедиции, снова подстерегают в горах путешественников. Один из зачинателей советского альпинизма, мой земляк Михаил Погребецкий провел семь украинских экспедиций на Тянь-Шань. Каждую сопровождали отряды вооруженных красноармейцев. За любым поворотом на исследователей могли налететь банды басмачей – перестрелять, ограбить, увести в рабство. Все, увы, повторяется на нашем витке спирали.

Мой товарищ киевлянин Игорь Чаплинский (для друзей – Чапа, знакомый читателю по рассказам о восхождениях на Аннапурну и Дхаулагаири) летом 2000 года в киргизском ущелье Каравший на

Западном Памире попал в плен к моджахедам. Хотел с тремя друзьями-ростовчанами пройти несколько интересных маршрутов. Ребята сделали тренировочное восхождение. На следующий день отдыхали. После обеда лежали на травке, загорали, наслаждались принесенным снизу арбузом. Но как же все в этой жизни хрупко и относительно! Только что была благодать. Солнышко, река, вершины. Вдруг – выстрелы! Подбегают какие-то мужики в камуфляже. Бородатые, всклокоченные, с автоматами: «Ложитесь на землю! Руки вперед!». Легли. Что дальше – неизвестно. «Сколько вас? Что вы тут делаете?», – обращаются по-русски, но с сильным акцентом...

Так один из сильнейших восходителей Украины неожиданно для себя в горах оказался лицом к лицу со стихией еще более опасной и непредсказуемой, чем горная. Вместе с Чаплинским и его друзьями-россиянами заложниками боевиков стали четверо американцев, шестеро немцев, два гида из Ташкента... Игорь очень сдержанно говорил о поведении оказавшихся в плену альпинистов. Сказал лишь, что все держались достойно. От мысли о побеге он довольно быстро отказался, хотя в первый день строил разные планы. Убежать можно, а что потом? Он убежит, а кого-то из оставшихся бандиты расстреляют, чтобы остальным было неповадно. Что собой представляли эти люди? Говорили, что по национальности они – узбеки и воюют по идейным соображениям. Но есть и наемники, есть боевики из Афганистана. Их цель – свержение в Узбекистане существующего режима и установление шариатской республики. Такой, какую создают в Афганистане талибы. В горах они – как дома. Рассказывали, что зимой ходят из Афганистана в Таджикистан по ледникам в районе пика Коммунизма. А это не шутка даже для опытных альпинистов. За три дня плена Игорь ни разу не видел, чтобы боевики мылись. Зато намаз справляли пять раз в день. Один караулит пленников, двое читают молитвы. Тщедушные, лохматые, грязные, они с гордостью говорили: «Мы – воины аллаха, живая смерть!». Старший – афганец, по-русски совсем не понимал. Чумазый, вонючий, и вдруг – холеные, явно не знающие физической работы руки. Все боевики были довольно молоды – не старше тридцати. Двое – явные убийцы. Это чувствовалось по тому, как они по-волчьи двигались, как страховали друг друга, ни на секунду не оставляя открытыми «тылы», хоть и знали, что пленники безоружны. Еще один – безусый мальчик.

Интеллигентный, начитанный. Родом из Башкирии. Цитировал по-русски Коран, рассказывал о его переводчиках. Старшие обращались к нему «Хамза», но это не настоящее имя.

Бандиты исчезли так же внезапно, как и появились. Вечером еще держали ребят под прицелом, а на рассвете следующего дня оказалось, что их нет. Альпинисты плохо представляли происходящее, но в том, что каждую минуту по ним могут открыть огонь, сомневаться не приходилось.

Собрали все, что не отобрали боевики, и повернули вниз. Нужно было выбираться из этого ущелья, из этой страны, из этой войны...

В Каравшине сегодня спокойно. Но бикфордов шнур терроризма продолжает тлеть. Где прогремит взрыв? Тревожные сообщения приходят из Афганистана и Йемена, Сирии и Египта. Небезоблачно и на Кавказе... Когда пишутся эти строки, контртеррористическая операция в Баксанском ущелье закончена, но скоро ли вернутся на залитые солнцем склоны Чегета и Азау спортивный азарт и курортная безмятежность?

Какие еще изменения произошли в горах? Положительный момент – изменилась связь. На Кавказе повсюду ретрансляторы, работают мобильные телефоны. С вершин Эльбруса, да и с других можно спокойно позвонить в Харьков, Москву, Париж. Внизу, в ущельях, это проблематично, зато наверху – общайся сколько угодно. Что мы и делаем. У нас пока редкость, а в Альпах, Гималаях обычное дело – спутниковые телефоны. У иностранцев они если не у каждого, то через одного. Цена разговоров вполне умеренная, меньше доллара минута. Это и постоянная связь с «большой землей», с родными. И новый уровень безопасности – всегда можно вызвать помощь.

Отрицательный момент – агрессивное наступление цивилизации – канатные дороги, вся курортная инфраструктура, засоряющая горы. Посмотрите, что творится с Эльбрусом! С тридцатых годов прошлого века в районе Приюта одиннадцати сбрасывали мусор. Сейчас вытаяли такие горы отбросов, что становится страшно. Молодежь проводила экологическую акцию, вывезли десять «КамАЗов» мусора. Но для Эльбруса это, как слону дробина. Мы устраивали акцию под эгидой партии зеленых, стащили полтонны отходов. А сколько еще осталось! Если за этим не следить, горы просто исчезнут под горами мусора. Сейчас, правда, ситуация меняется, создан Национальный парк.

Идущие наверх группы получают пакеты, в которых уносят мусор с собой. Но это не решает проблему. Народу в горах прибавилось. Эльбрус обрастает вагончиками, частными отельчиками, кабачками и т. д. Частный бизнес – это хорошо, но его интересует прибыль, а не сохранение природы. Вот и пилим сук, на котором сидим.

Горы и внешне очень изменились. Когда я впервые приехал на Кавказ в ущелье Адыл-Су, ледник Кашка-Таш, куда нас водили на ледовые занятия, был метров на двести ниже, чем сейчас. Да все кавказские ледники отступают. На свою первую «пятерку»-Б на Двухзубку-Аманауз в Домбае я ходил в двойке с тренером Владимиром Сухаревым. Недавно разговорились об этом, и Володя рассказал, что был там прошлым летом. Оказалось, теперь маршрут на две веревки длиннее. Ледник, по которому восходители подходили под стену, вытаял, путь наверх удлинился. На две веревки – восемьдесят метров – за сорок лет! Получается, лед вытаявал стремительно, приблизительно по два метра в год. Ледник в районе Безенгийской стены, когда я там в первый раз был, поразил огромными сераками – вертикальными ледяными глыбами, высотой с трех-, а то и пятиэтажный дом. Приехал в конце девяностых и не узнал. Циклопических сераков не было и в помине. Сейчас это гладкий, ровный ледник. Ученые спорят, что нас ждет – глобальное потепление или похолодание. Альпинисты на всех континентах замечают приметы потепления. Игорь Свергун водит клиентов на африканские вершины. От воспетых Хемингуэем романтических снегов Килиманджаро осталась скромная полоска наверху. С каждым годом эта белая каемка становится все более узкой. Если оправдаются прогнозы метеорологов и средняя температура на планете повысится на несколько градусов, поднимется уровень мирового океана, который затопит значительную часть равнин. Куда всем отправляться? В Гималаи, в Тибет, на Кавказ, в общем, – повыше. Еще один аргумент в пользу гор и занятий альпинизмом.

ЭЛЬБРУС. КОГО СЧИТАТЬ АЛЬПИНИСТОМ?

С первого своего альплагеря «Эльбрус» в 1965 году бываю на Кавказе ежегодно, а часто и по нескольку раз в год. Здесь я стал альпинистом. Здесь начинались все мои восхождения – альпийские и памирские, гималайские и американские. Начинались как у всех – необыкновенно. Романтика, песни у костра. «Вот это для мужчин – рюкзак и ледоруб, и нет таких причин, чтоб не вступать в игру». Эти или другие прекрасные «альпинистские» слова звучат в душе в такт шагам, когда идешь на первые восхождения. Там открываешь для себя: пусть терпеть и преодолевать бывает трудно, ты хочешь это ощутить снова и снова, подняться на самые крутые высокие горы. Ты обязательно должен там побывать! Кто в тебе эту решимость поддержит? Кто направит в нужное русло пока бестолковый энтузиазм? Кто закрепит в сознании, как дважды два, главные принципы надежного, безопасного прохождения маршрутов? Только спустя годы понимаешь, что благодаря тренеру ты научился правильно выбирать не только горные маршруты. Не успел оглянуться – сам выводишь в мастера молодых – уже как тренер. Как гид открываешь красоту гор людям от альпинизма далеким, но жаждущим острых ощущений. То и другое мне интересно. То и другое так или иначе связано с Кавказом.

Не считал, сколько раз я был на Эльбрусе. В некоторые годы – по четыре-пять раз. И каждый раз хожу с удовольствием. Не только потому, что это плацдарм для подготовки к высотным восхождениям. Это фантастические краски, невероятные ощущения. Я уже несколько раз наблюдал на вершине астрономическое чудо. С одной стороны всходит солнце, с другой – в небе уходящей ночи висит полная луна. Полыхает восход, два светящихся диска на небосклоне, а между ними ты и гора.

Впервые наблюдал эту феерию светил (поднявшись туда в одиночку тоже впервые) в начале девяностых. Гена Василенко тогда работал с японской фирмой, организовывал для ее клиентов

восхождения на Кавказе, сам в них участвовал как гид. Больше всего японцев интересовал Эльбрус. Ведь он самый высокий. В свободное от своих спортивных мероприятий время наш семейный дуэт подключался к японскому проекту Гены. Меня Василенко привлекал в качестве гида, жену Татьяну – помогать на кухне.

Ведем очередных японцев на гору. На Эльбрусе главные трудности – выше пяти тысяч метров. Где-то в районе седловины (5300 м) стало плохо двум клиентам. Гена как руководитель, отвечающий за группу, повел остальных наверх, а я проводил «выпавших в осадок» в еще не сгоревший Приют одиннадцати. Спустил какое-то время к нам присоединились все, кто поднялся на вершину. Ночевали на Приюте, чтобы с утра отправиться вниз. А мне так захотелось на гору! Предупредил друга, что раненько схожу наверх и догоню группу уже на спуске. Решил, что выйду часа в три ночи, чтобы к выходу группы вернуться. Погода великолепная. Полнолуние, светло. Лег спать – не спится. Луна в окно светит – не нужно фонарика. Полежал, поворожался, встал, надел ботинки, «кошки» и пошел на гору в час ночи. Тихонько, спокойно, без напряжения. Куда спешить? Иду наверх в охотку. Поднимаюсь на восточную вершину: с одной стороны – солнце, с другой – луна. Как награда за то, что я здесь. Спускаюсь на седловину, поднимаюсь на Западную вершину. Глянул на часы – путь наверх занял меньше трех часов, хоть я никуда не спешил. Спускаюсь на Приют – тишина, клиенты еще не проснулись. Им о своих похождениях на всякий случай не рассказал. Мало ли как отреагируют. Был прецедент...

В 1991 году я вернулся из неудачной для себя экспедиции на Манаслу в не самом приподнятом настроении. Чтобы не растерять прекрасную высотную форму и как-то компенсировать гималайскую «баранку», решил сходить за сезон на три памирских семитысячника: пики Ленина, Корженевской и Коммунизма. Василенко как раз работал с американскими клиентами, у которых были те же планы, и я попросился присоединиться к ним, за свой, разумеется, счет. Гена предложил компромиссный вариант: дорогу я оплачу сам, а питание будет за счет фирмы, я же, в свою очередь, возьму на себя часть забот гида. Вот так и получилось, что планировал ходить сам, а два восхождения – на пики Ленина и Корженевской – сделал с Геной и его американцами. Дальше оказалось, что на пик Коммунизма клиенты не

успевают – пока акклиматизировались, ждали погоды, слегка выбились из графика. Если пойдут на самую высокую вершину бывшего СССР, не успеют на свой рейс в Штаты. Василенко предлагает утешительный вариант: однодневное восхождение на пик Четырех. Американцы соглашаются, и наши пути расходятся. Я сходил на пик Коммунизма (об этом еще расскажу), вернулся в Харьков. Гена проводил клиентов. А спустя время оказалось, что кто-то из них накатав жалобу в американскую турфирму. Мол, один из гидов, вместо того, чтобы работать с группой, ушел на собственное восхождение. И потребовал назад свои денежки. И... получил. С извинениями фирмы.

На Эльбрусе, наученный горьким опытом, не распространялся о своих ночных экскурсиях на вершины. Честно говоря, это было нелегко. Распирали впечатления и эмоции. Несколько раз я наблюдал такое зрелище и потом, поднимаясь с юга, пару раз – с севера. На Эльбрусе, когда хорошая погода и видимость, – это праздник. Ушба, Шхельда, Чатын – прямо перед тобой, кажется, можно рукой дотянуться. Ты все их знаешь, помнишь маршруты, по которым ходил. Узнаешь камины, кулуары, бастионы. Видны горы Пятигорья, Безенгийская стена. Когда нет дымки, виден даже Казбек – в точности такой, как на папиросной коробке времен моего детства. Когда впервые наткнулся на него взглядом, даже не поверил. Чего не видел с вершин Эльбруса никогда, так это моря, хотя рассказывают, что оттуда можно увидеть даже два – Каспийское и Черное. Не знаю, может, просто не повезло. Может, еще увижу.

Мы с Игорем Свергуном вот уже семь лет водим людей на Эльбрус. Они приходят и не верят, что смогут на этот исполин подняться. Стоя на вершине, тоже не верят, что это не сон. Мы подходим к подготовке профессионально. Рассказываем, настраиваем, объясняем, как вести себя в горах. Проводим тренировочный поход, снежно-ледовые занятия, акклиматизацию. И только после этого – на гору. Наши клиенты – обычные люди со своими привычками, характерами, образовательным уровнем, культурой... Стараемся сделать так, чтобы все в нашем временном коллективе чувствовали себя комфортно. Но при этом существуют незыблемые правила безопасности, нарушать которые не позволено никому. Будь ты хоть трижды круче всех крутых, изволь подчиняться общим требованиям. У многих отечественных бизнесменов самого разного калибра заметна

такая особенность. Почему-то им кажется, что раз сумели заработать и в плане материального достатка стоят повыше других, то и во всем прочем тоже лучше всех разбираются. Эта дилетантская безапелляционность в украинской действительности лезет из всех дыр. С нею частенько встречаешься и в горах.

Как-то во время занятия говорю клиентам: наденьте рукавицы. Все надевают, а один товарищ решил характер показать, мол, когда захочу, тогда и надену. Молодой, горячий, небедный. Привыкший руководить, а не подчиняться. Я каприз как бы не заметил. Позже, в более спокойной обстановке предупредил: «Ребята, вы сюда приехали, чтобы подняться на гору. Мы на себя взяли ответственность за ваши жизни, здоровье. Вы в горах новички, мы – профессионалы. Давайте договоримся: все команды выполняются беспрекословно. Потом, когда спустимся, я отвечу на все «зачем?» и «почему?». Парень понял. Когда остальные разошлись, подошел, извинился. Больше подобное не повторялось, расстались мы вполне дружески.

Горы не прощают самонадеянности. Истина не нова, но по-прежнему актуальна. Компания искателей приключений пошла на Эльбрус без гида. Итог: четверо киевлян и семь москвичей разметало по склонам в районе седла... Какой-то проходимец взошел разок на Эльбрус и возомнил себя гидом. Собрал клиентов и повел на лавовый поток со стороны Ирик-Чата. Зачем-то связал в связки на камнеопасном склоне. Если не организована страховка, какой смысл связываться? Не зная элементарных вещей, решил, что все умеет. Один сорвался, сдернул других. Трагедия, причина которой – авантюризм. Кто-то скажет – сами виноваты. Зачем пошли неизвестно с кем? По свидетельству приэльбрусских спасателей, 95 процентов несчастных случаев происходит с так называемыми «дикими» туристами, не имеющими ни достаточной квалификации, ни маршрутных документов. Даже если такие люди не впервые в горах, своей ничем не подкрепленной самоуверенностью они подвергают риску не только себя.

Одно из первых умений начинающего альпиниста – работа с веревкой, вязка узлов. Среди множества используемых восходителями – узел проводника. Он одинаково хорошо затягивается в обе стороны, легко завязывается и плохо развязывается. Когда горное проводничество только зарождалось, этот узел помогал гидам надежно

провести клиента, среднего в связке, по опасной тропе, гребню, склону. Потому и получил свое название. Много изменилось, но, как и на заре альпинизма, гид – это, прежде всего, ответственность. Это техника, мастерство, профессиональное отношение к делу, сводящие к минимуму возможность аварийных ситуаций. Это незыблемый кодекс чести – сам погибай, а клиента спасай. В общем, целый «узел» альпинистских достоинств, без которых нет настоящего горного гида. Мне нравится эта работа. Нравится, что многие из тех, кто поднимался с нами в первый сезон, приезжают снова и снова. С женами, детьми, друзьями. Приходится для остающихся на поляне, где мы разбиваем лагерь, продумывать отдельную программу. Это дополнительные хлопоты и расходы, но мы идем на них. Когда среди зимы получаем весточки от бывших-будущих клиентов с вопросами о предстоящем лете, радуемся. Значит, не зря стараемся. Люди, которые большую часть своего времени отдают напряженной, нервной и, как правило, «сидячей» работе, с нашей подачи посвящают отпуск не пляжно-картежному ничегонеделанию, а активному, здоровому отдыху, насыщенному эмоционально и физически. С удовольствием приезжают в горы снова и снова.

Можно ли считать таких людей альпинистами? Сейчас об этом много споров. Кто-то уверен: альпинист – лишь тот, кто ходит по правилам, утвержденным в России или в Украине, очень близким к постулатам советского альпинизма, ставит перед собой спортивные цели и заносит свои вершины в зачетную книжку. А тот, кто участвует в коммерческих восхождениях, кого водит гид, – он кто? На данный момент вопрос остается открытым. Но если альпинистами считать только первых, рискуем оказаться в кругу настолько узком, что правильно будет назвать его ограниченным. А тех, кто ходит в горы «для себя» (как будто мы – для дяди), немедленно подберут ушлые коммерческие организации, которым что в горы людей водить, что на пароходах по рекам прогуливать – все едино. Они потянут на себя подготовку гидов, упирая на скорость и прибыль, а не на безопасность и качество. Несчастных случаев, различных ЧП, порожденных непрофессиональным подходом, станет еще больше. Кто от этого выиграет? Горы и альпинизм точно проиграют. Считаю, культивировать снобистскую кастовость, разделение на белую и черную кость недалеко. Любой, кто зашел на гору, – уже

альпинист. Так и говорим своим клиентам, поздравляя с первой вершиной. Может, она останется в их жизни единственной, но все равно незабываемой.

ПИК МНР. ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Кавказ для меня – это друзья и вершины, радость и боль. 1974 год. Во время восхождения на пик Монгольской Народной Республики погибла моя первая жена Тамара. Несчастный случай на восхождении по маршруту четвертой категории трудности унес четыре жизни. Никто не видел, что произошло с восходителями из альплагеря «Баксан». Но двое краснодарских ребят-разрядников и две харьковчанки-инструкторши – Тома и ее подруга Света Старинская с восхождения не вернулись. А я был совсем недалеко, показывал Кавказ итальянским альпинистам, которые в 1973-м принимали нас в Доломитовых Альпах. Мы поднялись с ними на Бжедех, Шхельду... И тут – как лавина, как удар молнии – известие о трагедии. Конечно, я знал, что несчастные случаи в горах не так уж редки. Теоретически допускал, что такое возможно и с нами. Но только теоретически! Смириться с произошедшим было невозможно. Почему? Почему? Почему?

Похоронил жену, отправил к бабушке в село четырехлетнего сынишку Олега и вернулся в Приэльбрусье. С тренером нашего областного «Авангарда» Анатолием Спесивцевым вдвоем пошли на пик МНР. Мне необходимо было понять, что произошло, почему погибли Тома и ее спутники. Прошли, посмотрели. Причиной аварии, скорее всего, стали сброшенные сверху камни. Когда Тамара с товарищами поднимались на гору, наверху навстречу друг другу шли траверсом две группы альпинистов. Видимо, кто-то из них спустил камни.

Надо было жить дальше. «Папа, а когда мама приедет?». Убрать, постирать, почитать, приготовить ужин. Сегодня – яичница, завтра – омлет. «Папа, я не хочу омлет». Недостатки кулинарных умений компенсирую хитростью: «Олег, это же не простой омлет, а космонавтский. Кто его ест, будет космонавтом». Сын послушно жует надоевшую еду...

От тоски и одиночества спасали горы и друзья. Чемпионат Кавказа 1974 года по скалолазанию традиционно проводили на скалах

Тырныауза. Там над городом роскошные гранитные скалы. Все альпинистские лагеря Кавказа выставляли свои команды. За альплагерь «Шхельда» выступала голубоглазая красавица-студентка из Ленинграда Таня Бородич. Жили все в палаточном лагере, там мы и познакомились. Осенью встретились снова. Я ждал этой встречи. В крымском Судаке на чемпионата страны среди профсоюзных команд собрались сильнейшие скалолазы. Отдельным зачетом соревновались юниоры. Лучшим юниором страны стал мой будущий партнер по связке Миша Туркевич, лучшей юниоркой – моя будущая жена Таня Бородич. Михаил с Татьяной были ровесниками, обоим по 21. Потом я в Питер ездил, с родителями познакомился. Танина бабушка Марфа, женщина строгих правил, бдительно следила, чтобы мы, упаси Бог, ничего себе не позволили. Через полтора года после смерти Томи мы с Таней поженились в Ленинграде. Потом я ее привез в Харьков, здесь с альпинистами еще раз свадьбу отгуляли. И Татьяна уехала заканчивать учебу в Питер. Закончила, «распределившись» в Харьковский научно-исследовательский институт фармакологии. Вернулась молодым специалистом. Думала, ненадолго, на год-два, а потом переедем в любимый Ленинград, где она родилась и жила до замужества. Трудно ей было после архитектурных шедевров Северной Пальмиры привыкать к индустриальному харьковскому пейзажу, жить вне привычного круга общения, неповторимой питерской ауры. Я все понимал, но жене так и не удалось меня из Харькова перетянуть. Уже много лет она живет на два города. Таня заразила меня любовью к серьезной музыке, хорошему театру, живописи. Наши друзья – не только альпинисты, а и люди искусства, ученые, литераторы.

Коллеги-ленинградцы мне долго пеняли: «Ну, Бершов! Увел лучшую девчонку!». Она там действительно была одной из лучших не только по внешним данным. С Люсей Пахомовой в связке выигрывала чемпионат Ленинграда по скалолазанию. А чемпионат Питера – это очень круто. Это прославленные Виктор Маркелов, Вера Выдрик. Татьяна в этой компании прошла отличную школу, была очень сильной скалолазкой. Когда приехала в Украину, не раз выигрывала чемпионаты Украины, украинского «Авангарда» по скалолазанию, а в 1981-м стала чемпионкой Украины по альпинизму.

К женскому альпинизму я отношусь нормально. То есть так же, как большинство альпинистов-мужчин. Считаю, что нашим

красавицам-умницам-спортсменкам-отличницам не стоит самоутверждаться на маршрутах предельной сложности. Это портит цвет лица, фигуру и характер. Ходить в горы – сколько угодно! Но не на серьезные маршруты. Татьяна, понятно, была другого мнения. Запретить ей заниматься альпинизмом я не мог. Это было бы нечестно. Но я не хотел больше никаких трагедий и потерь. Мы договорились с самого начала – на серьезные восхождения вместе не ходим. Это горы, все может быть, дети не должны остаться сиротами. Договор был нарушен дважды. В 1979-м вместе поднялись на пик Энгельса на Памире (маршрут 5-Б категории трудности). И в 1985-м на пик Свободной Кореи по маршруту Беззубкина шестой категории трудности. Причем я поднимался на «Корею» дважды с интервалом в несколько дней. Сначала в составе нашей команды альплагеря «Эльбрус» на первенство Союза в очном классе. Создавая с Туркевичем свою команду, мы решили, что будем возглавлять ее по очереди. Михаил руководил в нечетные годы, я – в четные. 1985-й был «годом Туркевича». Мы поднялись на вершину и спустились вниз за световой день – в отличном темпе, на глазах у судей. И ничего стилем не смогли доказать. Быстро – значит легко, считали арбитры. Параллельно по аналогичному маршруту команда соперников шла с ночевкой. В итоге мы заняли третье место, а они – первое.

Получилось так, что нескольким нашим ребятам – Вите Автомонову, Толе Носкову, ну и Тане для выполнения мастерского норматива не хватало одной «шестерки». Согласился идти вместе с женой «по Беззубкину» с условием, что это ее последняя серьезная гора. Татьяна пообещала и слово сдержала. Но восхождение и в самом деле могло стать последним. Причем для нас обоих. Туркевич идти отказался – принципиально не ходил с женщинами. Выручил друг и кум Гена Василенко. Шли с ним первыми, сменяя друг друга. На одном из участков маршрута Кеша, как мы его называли, выходит вперед, я на страховке. Он метров на семь поднялся, вышел на массивный каменный блок размером с холодильник. Руками за зацепки взялся, ногами от этого блока оттолкнулся и... «холодильник» со свистом рассекает воздух в трех метрах от нас. Стояли бы чуть-чуть ближе – срезало бы всех. Конечно, чуть-чуть не считается, но горы в очередной раз напомнили: вместе супругам не стоит ходить.

Татьяне я очень благодарен за детей, за то, что смогла стать Олеге второй мамой, а не мачехой. Она же, по сути, девчонкой совсем была, когда к нам переехала, но к этой своей роли отнеслась очень серьезно и правильно. По прошествии лет я могу оценить. Другая бы, может, спустя! рукава ребенком занималась. Уступать и потакать легче – ведь не ее. Тем более, вскоре Марина родилась, а потом и младшая, Настя. Олегу Таня была строгой, требовательной, но – мамой. Всегда мамой, которая хочет, чтобы парень вырос человеком порядочным, интеллигентным. А дети же чувствуют, как к ним относятся. Олег стал звать Таню мамой почти с самого начала и сейчас зовет.

ПРОДЕЛКИ КЮКЮРТЛЮ

И в советские времена, и сейчас Кавказ в силу географического положения – самый популярный у альпинистов Европейской части СНГ. Высотникам там разгуляться особенно негде, зато для любителей технически сложных маршрутов раздолье. Каждый кавказский уголок интересен и привлекателен по-своему. Самый «высокий» – район Безенгийской стены, выстроившей цепью свои пятитысячники: Коштан-тау, Дыхтау, Джанги-тау, Шхару, Мижирги... Я там был в 1969-м, когда школу инструкторов заканчивал и «двойки»-«тройки» ходил. Только через 30 лет снова туда попал, в 1999-м. Участвовал в чемпионате Украины. Это было восхождение на Мижирги. Еще на Джанги-тау поднимался.

Очень люблю район Узункола. Уютный, живописный, незатоптанный уголок Кавказа. Близкие подходы. Огромные ущелья с ручейками, травкой, цветами. Среди этой красоты на лесной поляне – альплагерь «Узункол». Масса интересных маршрутов. Я попал в Узункол впервые в 1976 году, когда показывали американцам наши горы. Это был их ответный визит после нашей поездки в Америку. Мы побывали в Фанских горах, на Тянь-Шане. Кавказ был завершающим аккордом этого визита. С Алексом Бертудисом мы пошли на Далар по маршруту Степанова. Красивый маршрут, довольно интересная насыщенная «пятерка»-Б. А Майк Ворбуртон с Валентином Граковичем полезли на ту же гору по новому маршруту. Майкл прошел бастион, но сорвался. Тяжелейшее сотрясение мозга. Если бы не скорая помощь великолепного альпиниста и опытного врача Славы Онищенко, все могло закончиться печально. Этот великолепный маршрут я потом проходил дважды на чемпионатах Украины.

Люблю Цей – такой же уютный и живописный, как район Узункола, Я благодарен ему за собственное становление. О том, как мы с товарищами по харьковской команде «прыгнули» за сезон из второразрядников в кандидаты в мастера, еще расскажу.

В любую пору прекрасен Домбай. Интересный район, необыкновенно живописный, но уже не выдерживающий, как мне

кажется, напора курортной индустрии. Я там довольно много ходил. Особенно памятен маршрут Губанова на Восточный Домбай. Об этом стоит вспомнить подробнее. В 2002 году мы заявили на первенство Украины маршрут на Кюкюртлю. Этот маршрут – «шестерка»-Б – единственный сейчас на Кавказе. Хотя, конечно, суперсложных маршрутов там куда больше. Необъяснимый подход к установлению сложности считаю абсолютно волонтаристским. Разве стали легче маршруты на Чатын, Ушбу или Восточный Домбай? Но чести остаться «шестеркой»-Б почему-то удостоилась только Кюкюртлю. Это фактически Западная стена Эльбруса. Очень интересная. Начало, первая часть – метров 450 – бараньи лбы, ничего из себя не представляющие, но довольно опасные. Как только наверху начинает таять, сверху постоянно валятся камни и лед. Мы там нашли старые веревки, навешенные восходителями, ходившими раньше, эти веревки посвящали, чтобы можно было рукой придержаться, проходя по бараньим лбам. А три свои 50-метровые веревки, с которыми собирались идти на восхождение, навесили. Две – под самой стеной, одну – уже на стене, в начале маршрута. Все подготовили и, предвкушая завтрашнюю интересную работу на стене, пошли отдыхать. Планировали, как обычно, стартовать пораньше. В три часа ночи встать, в четыре выйти, чтобы успеть проскочить под стену до того, как с нее посыплется. Но...

У англичан есть для таких случаев хорошая поговорка: «Хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах». Ночью просыпаемся от страшного грохота. Гремит на нашей горе. Что-то большое упало. Ну дела! Утром быстренько собираемся, завтракаем и мчимся к маршруту. Что там? Подходим, уже начало светать, смотрим – по нашим веревкам прошел камнепад. Старые не то что побило – пошинковало! Методично, очень тщательно порубило на куски в два-три метра длиной. Накануне, после спуска с бараньих лбов мы в верхней части морены спрятали снаряжение. Под камнем лежала каска. После ночной «бомбардировки» она приобрела весьма устрашающий вид. Как будто кто-то очень старательно пытался ее, спрятанную под камень, разрезать, но успел только поцарапать. Чтобы идти на гору, хотя бы две веревки должны быть целыми! Подходим, смотрим, наша ходовая веревка висит, порубленная в нескольких местах. Мы ко второй – порублена. От третьей, которая на стене,

неповрежденной осталась только половина. Вот так нас отвергла коварная Кюкюртлю...

Молодой Максим Робук «бьет копытом»: «Полезем, Сергей Игоревич?». Глаза горят. Я его понимаю. Ну вот же стена. Мы уже здесь. Настроенные, подготовленные. Сложенные после успешных тренировочных восхождений. Снаряжение занесли вчера... Выливаю на этот концентрат энтузиазма ушат холодной воды: «Нет, Макс, не пойдем». Опытный Леша Волков тоже не готов к фиаско и вторит Максиму: «Может, пойдем?» Я не выдерживаю. Ладно бы Максим, но Леша – зубр, мастер спорта! Одно дело, если бы нас, не дай Бог, на стене что-то подобном застало. Это была бы другая ситуация. Там бы мы думали, куда двигать – вверх или вниз. А здесь какие варианты? Идти с одной веревкой, вернее, с половиной веревки, на «шестерочный» маршрут – добровольно совать голову в петлю.

Было очень обидно возвращаться. Тем более, там подход такой длинный. По сути, экспедиционные условия. Что делать? Бежать куда-то за веревками? Это через перевал, далеко, нереально. Так что все. Уходим. Вот и поучаствовали в первенстве Украины. Деньги на это и Спорткомитет выделял. Понятно, нашей вины в том, что так все вышло, нет, никто нас не осудил бы. Но... Возвращаемся в Домбай. Сроки нашей командировки заканчиваются. Я принимаю решение: остаемся! В конце концов, продлим командировку. Тут довольно щекотливый юридический нюанс. Если бы что-то случилось, а срок командировки истек, отвечать пришлось бы еще и за это. Но, как говорится, семь бед – один ответ. Не возвращаться же без горы. У нас запасной вариант – Восточный Домбай, маршрут Губанова. Я – к Роме Губанову, сыну первопроходца маршрута. Это профессиональный спасатель, к тому же мой дальний родственник. Сильный спортсмен, в забегах на Эльбрус занимает призовые места.

«Рома, дашь веревки?» – «Конечно, какие вопросы!» Ребята с контрольно-спасательного пункта (КСП) Домбайского района нам во всем помогли, выделили вагончик, в котором мы остановились. И команда прошла Восточный Домбай. Длинный, красивый, технически насыщенный маршрут. По сути, весь скальный. На мой взгляд, один из самых сложных в том районе технических маршрутов. Когда-то – «шестерка»-Б. Почему сегодня это не так – вопрос не ко мне. Мы

прошли маршрут с удовольствием. Получили серебро чемпионата страны.

В общем, каждый район по-своему для меня памятен. Но самым притягательным остается Центральный Кавказ. Приэльбрусье – это как первая любовь, ни с чем не сравнимо. Альплагерь «Эльбрус», где я рос как альпинист, где столько всего пережито, где выросли мои дети... Рядом – Ушба, Чатын, Шхельда, пик Щуровского... Здесь моя вторая родина. Миша Туркевич, когда сиживали с тамошними аксакалами за столом и мне предоставляли слово, всегда подтрунивал: «Ну скажи, скажи свой главный тост». И я с удовольствием поднимал чарку за Приэльбрусье. Там я провел, пожалуй, треть жизни. Туда с удовольствием спешу, как только удастся выкроить время. В критический момент на Южной стене Лхоцзе, когда перспектива поморозиться выглядела более чем реальной, ободрял себя «дурными» мыслями, что даже если останусь без пальцев, буду приезжать в родное ущелье Адыл-Су. Видел в промозглой гималайской ночи его похожие на старый гобелен травянистые склоны, зубчатый орнамент его вершин. Шевелил, шевелил, шевелил негнущимися пальцами. И помогло!

Пумори

Восхождение на Дхаулагири

Гашербрум IV

Гашербрум I. (Хидден-пик)

Палатка на гребне Пумори

Каракорум. Восхождение на Хидден-пик

Каракорум

Каракорум-2008

Флаги спонсоров

С. Бершов, А. Белявцев. Аляска, 2003 г.

Базовый лагерь под Гашербрумом

Сергей Бершов. Восхождение на Чо-Ойю

Чоголиза

Ледник Балторо с Броуд-пика

Ледник Балторо

Ледник Гашербрум

Аннапурна. Южная стена

Эль-Капитан

Красавица Чо-Ойю

Привал на леднике Балторо

Утро, палатка. Массив Транго

Сергей Бершов. Нанга-Парбат

На склоне Броуд-пика, 7300 м

Броуд-пик, высота 7300 м

Ледяной храм. (К-2) Чогори

Эверест, вершина. 2005 г.

Канченджанга главная, 1989 г. А. Погорелов, Е. Виноградский, А. Букреев, С. Бершов

Машербрум

В. М. Абалаков, С. И. Бершов. США, 1975 г.

ЧАТЫН-ТАУ С ПРИГОДОЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

... Лето 1969 года на Кавказе выдалось дождливым. Я, новоиспеченный выпускник Харьковской школы инструкторов альпинизма, после методического сбора в Безенги приехал на стажировку в альплагерь «Баксан». Там же команда моих земляков-харьковчан под руководством Юрия Григоренко-Пригоды готовилась к восхождению на Чатын по новому маршруту, заявленному на первенство СССР. Первовосхождения, первопрохождения были коньком Пригоды, как для краткости Юрия Ивановича звали и за глаза, и в глаза. Уж очень соответствовала фамилия («пригода» по-украински – приключение) сути его характера. Пригода говорил: самое интересное в альпинизме – первовосхождения и первопрохождения. Они и ценятся выше – никто до тебя там не был. Опять же, не заблудишься, всегда идешь правильно, шутил Юрий Иванович. Я учился у него логике выбора пути – на стенах, контрфорсах. А логичный маршрут – он всегда красивый, оптимальный.

Пригода – лидер одной из сильнейших в стране альпинистским команд, харьковского «Авангарда». Почему именно он был лидером команды восходителей, где каждый – классный альпинист и яркая личность? Чтобы возглавить такой коллектив, одних восходительских достоинств – даже выдающихся – мало. Нужны человеческие качества – те самые надежность и порядочность, без которых не представляю настоящего альпиниста. Плюс ко всему Пригода был наделен талантом располагать к себе людей. К нему тянулись всегда и всюду. И в техникуме, где Юрий Иванович преподавал электротехнику, и в туристско-альпинистской «тусовке» – Пригода пришел в альпинизм из туризма, когда ему там стало тесно. При этом мог потрянуть стариной и махнуть куда-то на Приполярный Урал, в арктическую тундру или горы с туристами, потому что в команде, собравшейся в поход, нет человека с правом руководить путешествием высшей категории сложности. А Пригода как мастер спорта по альпинизму такое право имел. Почему не выручить ребят? Совершенно безотказный. Надо

помочь кому-то – всегда поможет. Если у самого возникали трудности, особо не озадачивался. И нам говорил: да отпустите вы эти проблемы, сами отпадут. Конечно, не все проблемы сами по себе рассасывались. Но он как-то чувствовал, на какие не стоит тратить время.

Его уважали и студенты, и академики. Самодостаточный человек, он никогда не кичился собственными достижениями. А люди всегда замечают и глубину души, и настоящую интеллигентность. Собрать, убедить, заразить своим энтузиазмом, своей нацеленностью на вершину, стену, маршрут, да на любое хорошее дело – у Пригоды получалось замечательно. Чисто лидерские черты, очень важные – быть впереди, первым браться за самое трудное и неприятное, – я старался у него перенимать. И еще одно ценное, тоже лидерское качество – замечать перспективных ребят, помогать им расти. Одним из тех, кого Юрий Иванович взялся ненавязчиво опекать, посчастливилось стать мне. До этого мы уже были довольно близко знакомы по скалолазанию – вместе тренировались и в Харькове на стенах разрушенного в войну крематория, и на сборах в Крыму. Мы же представляли одно спортивное общество «Авангард». Пригода участвовал в первом чемпионате СССР по скалолазанию в 1965 году на скале Крестовой в Крыму. Это было круто! Когда я учился в городской школе инструкторов альпинизма, Юрий Иванович там преподавал. Наметанным тренерским глазом видел, что благодаря скалолазанию техническая подготовка у меня достаточная, но не хватает восходительского опыта. Как и многие земляки, этого опыта я набирался в команде Пригоды. С тех самых пор постоянное внимание к безопасности отложилось в памяти и вошло в кровь на уровне рефлекса. В моем распоряжении был весь громадный опыт Юрия Ивановича. Под крылом Пригоды школу спортивного альпинизма харьковские альпинисты проходили поколение за поколением. В нем, педагоге от Бога, жила неумная тяга делиться с другими всем, что знал и умел. Не только в техникуме, где Пригода это делал, так сказать, и по службе, и по душе, но и в альпинизме, где он с таким же энтузиазмом учил молодых. Прежде всего – личным примером, не «задалбливая» поучениями. Вил Поберезовский мне теоретически и на практике все преподнес в самом начале. Наука Пригоды была уже на серьезных восхождениях, в команде.

Итак, 1969 год, альплагерь «Баксан». Одну смену инструктор-стажер Бершов прилежно отработал со «значкистами». Вторую, не веря своему счастью и чуть не лопааясь от гордости (сам Пригода меня позвал!), «стажировался» на Чатыне. Избранный Юрием Ивановичем путь проходил левее популярного маршрута Снесарева. В то время сложные маршруты сначала обрабатывали. Под стеной стоял базовый лагерь. Каждый день команда выходила на маршрут, провешивались веревки. Быть полноправным участником восхождения 5-Б категории трудности я, второразрядник, не имел права. Но технически к такой стене был вполне подготовлен скалолазанием. Фактически всю ключевую часть нового маршрута, так называемый Ромб, прошел первым. Пригода – очень сильный, техничный альпинист, как и каждый в его команде, мог и сам идти первым на любом маршруте. Просто я, более молодой, проходил быстрее. Стена вертикальная, в верхней части даже нависает – это и есть Ромб, «ключ» маршрута. Его протяженность – метров 500 – 600. А сверху – наклонная, местами градусов 60 – 70, «крыша». Там уже комбинированный рельеф – лед, снег, скалы. Когда «крышу» освещает солнце, на ней начинают вытаивать камни. И дружно летят вниз. Не дай Бог оказаться под этим артобстрелом! Старались утром встать пораньше, чтобы до «бомбежки» оказаться на стене. Поднимаешься по ней, а за спиной свист. Камни летят в семи – десяти метрах, ты прикрыт Ромбом. Но все равно не по себе. Бывает, лед сверху сорвется, по каске стукнет. Мало того, по стене ледяными потоками льется вода. Затекает в рукава, выливается из ботинок. В общем, не скучно. Острые ощущения в ассортименте.

Можно сказать, на Чатыне состоялось мое альпинистское боевое крещение. «Крестным отцом» стал Юрий Иванович. Под холодным душем Чатына мы с ним впервые работали в связке. Для меня, второразрядника, это был незабываемый мастер-класс. Маршруты тогда проходили долго. Когда ты дней восемь-десять на сложной стене, в замкнутом коллективе, на пределе физических и моральных сил, ждать можно чего угодно. Порой нервы не выдерживали даже у самых невозмутимых. Пригода своим добродушием умел разрядить любую обстановку. Совершенно не конфликтный человек! Даже когда его вызывали на конфликт, провоцировали скандал, ссору, он уходил от этого. Дипломатично, умно, никогда ни в чем не унижаясь.

Перефразируя Эльдара Рязанова, мы шутили: «У Пригоды нет плохой погоды». С ним было просто и легко в любых ситуациях. Лидер без тени диктаторства. Скорее, дипломат. Никогда не устанавливал никаких порядков, мол, будет, как я сказал, и точка! Спросит: «Ну кто хочет приготовить ужин? А, так я и знал». Чаще всего сам брался. Особенно любил в экспедициях, на восхождениях утречком рано встать, приготовить кашку, кофеек. Все происходило очень свободно, непринужденно, как бы само собой.

... Базальт, из которого сложена гора Чатын, – как броня необыкновенной твердости. Я с таким еще не встречался. Для соревнований по скалолазанию специально тренировался в забивании шлямбурных крючьев (при лазании в связках надо было забивать шлямбур, причем как можно быстрее). Так наловчился, что в известняковой скале за минуту или меньше мог выбить дыру для шлямбура глубиной 20 мм и диаметром 10 мм, в гранитной – 8 мм. В Домбае, когда к нам приехали американцы, очень их своими умениями удивил. Гости гранитную скалу били маленьким зубильцем. Одну дырку – полчаса. Смотрел я, смотрел на их мучения и говорю, что могу такую за минуту пробить. В ответ смех: «Сергей, ну ты и шутник!». Я встал к скале и, не разминаясь, показал. Правда, за минуту не вышло, только за полторы. Но они все равно не ожидали такой прыти, думали, хвастаю. А на Чатыне два шлямбура с победитовыми наконечниками поочередно посадил. Забил два крюка на 10 мм, а дальше – хотя убей. Я и так, и эдак – безрезультатно. Пригода – на страховке. Как всегда, спокойный до безмятежности. «Сережа, ты правильно бьешь?» – «Юрваныч, я умею. Просто такой прочной скалы еще не видел. У меня ж молоток, а не перфоратор в руках».

Вот этой броневой твердостью запомнилось знакомство с Ромбом Чатына. Я пролез его почти весь, не доходя до «крыши» метров сто или меньше. Ну а дальше команда спустилась вниз, потому что двое участников сошли – то ли заболели, то ли на работу срочно надо было вернуться. А может, другие были причины. Чатын – гора серьезная, не всем по зубам. На новое восхождение по уже обработанному маршруту, только в рамках чемпионата Украины, шли трое: Юрий Григоренко-Пригода, Валерий Болижевский и Владимир Шумихин. Пока из-под горы и снова к горе ходили, формальности утрясали,

опять под стену пришли – там лед, нужны «кошки». Ребята на «крышу» вылезли, и «кошки» нам, наблюдателям, сбросили. Мы подобрали, и с продуктами, другим снарягом отнесли им наверх по пути их спуска, «троечному» маршруту. Наверху встречаем команду ростовчан под руководством известного альпиниста Юрия Арцишевского. Они месяц были на горе. После ночевки на вершине вид зловещий. Лица изможденные. Руки опухшие. Пальцы – как сардельки, побитые, подмороженные. Я смотрю во все глаза – так вот как люди выглядят на серьезной горе...

На Чатыне чуть ниже вершины есть коварный такой кулуар, если срываешься – на южную сторону далеко лететь. В этом кулуаре наши украинские альпинисты Юрий Бирик и Виталий Голуб сорвались. Были и еще трагедии. Мы от греха подальше навесили веревочку. Вежливо ростовскую двойку приглашаю: «Ребята, проходите по перилам». Смотрят на меня свысока: это кто нам здесь указывает? Арцишевский, подойдя, моментально оценил обстановку: «Быстро пристегнуться!». Парни прищелкиваются и... улетают. Оба! Благодаря веревке – недалеко. Остальные все поняли, тоже перилами воспользовались. Мы заброску свою наверх отнесли, на спуске догнали ростовчан, пришли с ними на Немецкие ночевки. Там в хижине дожидались своих. Через много лет пересеклись с Арцишевским в Гималаях, и я напомнил ему ту встречу на Чатыне. Он удивился: «Так это ты был?».

Еще одним эпизодом запомнился тогда Чатын. Уходим из-под горы. Рюкзаки неимоверно тяжелые. Мы с Борей Маргулисом, наблюдатели, постарались максимально разгрузить измученных восхождением ребят. Пригода незаметно отбирает у меня груз. Я: «Юрий Иванович, что за дела?» Он (тихонько): «Не выступай, тебе еще участвовать в чемпионате Союза» (меня ждал чемпионат страны по скалолазанию). Вот такой был человек. После изнурительного восхождения взвалил на себя лишнее, чтобы меня побережь.

А еще Пригода был предприимчивый. Когда появилась возможность выполнять работы в народном хозяйстве (в середине семидесятых, раньше подобную самодеятельность строго запрещали) и перечислять деньги в свою спортивную организацию, оплачивая таким образом восхождения и экспедиции, Юрий Иванович тут же за нее ухватился. Так с его легкой руки зарождался в Харькове

промышленный альпинизм. Кроме того, Пригода был инструктором и организовал коллектив инструкторов. Этим коллективом мы работали в альпинистских лагерях и в том же составе – уже готовой командой – совершали восхождения. Заранее договаривались с начальником учебной части лагеря – он отвечал за инструкторский состав, мол, мы, харьковчане, работаем у вас. Притом не только харьковчане-авангардовцы, а и спартаковцы, представители «Буревестника»... Так было в «Баксане», «Алибеке». Восхождения на первенство страны, республики финансировались не для всех команд. Что делал Пригода? Договаривался с руководством альплагеря, что в перерыве между сменами (а работали в течение нескольких смен, а то и весь сезон) или в другой какой-то период команда идет на восхождение в рамках чемпионата СССР или Украины. Так ходили и на Чатын.

Следующий, 1970 год стал годом стремительного рывка. Мы, целая группа «подшефных» Пригоды, вся наша харьковская компания: Юра Чернышев, Боря Маргулис, Саня Мелещенко и я, – приехали в альплагерь «Цей» второразрядниками, а уезжали кандидатами в мастера. Начальник учебной части Эдуард Греков поставил нас подменными инструкторами и давал возможность в свободные дни ходить на восхождения. Этой его щедростью постарались воспользоваться по полной программе. В связке с уже знакомым читателю Мулей мы все свои «четверки» (восхождения четвертой категории трудности) закрыли «пятерками». Удалось так много успеть, потому что маршруты в Цее хоть и комбинированные, с полным набором трудностей, довольно короткие, быстро проходимые. Это была серьезная проверка квалификации, и мы ее выдержали. Греков помог продвижению по разрядной лестнице, потому что был уверен в нас. Знал, что к сложным «пятерочным» восхождениям мы, скалолазы, подготовлены надежно.

В 1971 году я стал мастером спорта по скалолазанию. 1972-й был ознаменован важным событием в моей альпинистской судьбе. Пригода взял меня в свою команду! Это был схоженный коллектив сильнейших альпинистов. Виталий Бахтигозин, Володя Ткаченко, Володя Шумихин, Юрий Болижевский, Арнольд Вселюбский, Валентин Неборак... Все – необыкновенные люди. Дважды под руководством Пригоды авангардовцы становились чемпионами СССР (в 1972-м и 1973-м), не раз входили в тройку призеров первенств Союза. Я –

молодой-начинающий, они – корифеи. У меня не было постоянного напарника. Все участники были сильными и примерно равными. Я как «лазун» много работал первым, так получалось быстрее. А партнерами по связке могли быть сам Пригода или Шумихин, Бахтигозин или Ткаченко. Командная работа была отличной школой в плане не только техническом, спортивном, но и человеческом. Ведь команда – это люди, характеры, взаимоотношения. Определенная субординация, а случается, и трения, и поиск компромисса. Это командный дух, ощущение надежного тыла, так необходимое любому на горе и внизу. Быть своим в компании интеллигентных, прекрасно образованных, разносторонних людей дорогого стоило. Очень подтягивало. Заставляло расти. Я давно понимал, что надо продолжить образование, но все не получалось – начало экзаменов в вузы совпадало с моими восхождениями. Из года в год оказывался перед одним и тем же выбором: горы или институт. Выбирал, естественно, горы. В 1979 году сезон для меня закончился необычно рано – в середине июля. Владимир Дмитриевич Моногаров, давно сватавший в Киевский инфизкульт, сказал: «Иди, другого шанса не будет». Мастера спорта имели при поступлении определенные преимущества, но прийти на экзамены румяным овощем сорта «сила есть – ума не надо» я не мог. За мной стояли отличница Татьяна и команда Пригоды. Готовился, как шел по дистанции лыжной гонки: тяжело, мучительно, невозможно, но надо прийти на финиш. Желательно в числе первых. Гордился успешным поступлением почти как восхождением на Эль-Капитан.

Пригода и на фоне своей яркой команды выделялся. Как восходителю он очень много мне дал. У Юрия Ивановича я учился спортивному подходу к альпинизму. Участию в чемпионатах Союза – от выбора маршрута и оформления заявки на участие до его прохождения. В команде Пригоды в 1973-м я стал мастером спорта. Очень красиво – дебютант чемпионата страны сразу стал и чемпионом Союза и получил звание мастера. За первовосхождение на пик Шпиль на Юго-Западном Памире. Вместе со мной в той же команде стал мастером спорта и чемпионом Володя Сухарев из харьковского «Буревестника», традиционного соперника нашего «Авангарда». Пригода был чужд ведомственным интриг. Какая разница, пусть парень быстрее растет – и взял «буревестника» в команду.

Или вот такой случай. 1972 год, команда Пригоды делает первопрохождение по Северо-Западной стене Южной Ушбы. Этим восхождением выигрывает чемпионат СССР. Мы, команда взаимодействия и поддержки, шли левее, по маршруту Арцишевского 6-й категории сложности. Параллельно. Но спустились мы раньше, у них маршрут был еще сложнее. Хотя и у нас не поход выходного дня, весьма насыщенная шестерка, много разрушенных мест, особенно вначале. Просто маршрут Арцишевского тогда был более хоженный, известный. После восхождения ждем ребят на Южношхельдинском леднике. По связи узнаем, что на спуске Пригода с ребятами догнали группу немецких альпинистов, которые тоже возвращались с восхождения. А у тех несчастный случай. Они спускались спортивным способом, а не дюльфером, потому что склон был некрутой. Накинули петлю на ненадежный выступ, и когда один из альпинистов веревку нагрузил, этот выступ вывалился. Парень полетел вниз вместе с веревкой, но, к счастью, где-то зацепился и не погиб. Правда, получил травмы, не мог идти. Но, видно, очень везучим был тот немец. Потому что как раз в этот момент группу догнал Пригода с командой. Оказав первую помощь, харьковчане начали спуск пострадавшего. После горы, после сложнейшего восхождения. Сами выработанные донельзя. Но... Это подразумевалось само собой: нужна помощь – помогаем. Как нас учили? Тот же Кирилл Александрович Баров в школе инструкторов (по-теперешнему – горных гидов) внушал, и это запомнилось на всю жизнь: вы должны быть подготовлены так, чтобы, спустившись после восхождения любой сложности, могли тут же снова выйти на гору на спасработы. Спасатель обязан быть подготовленным на голову выше других альпинистов, чтобы в нужный момент прийти на помощь. Пригода по связи сообщил о неожиданной задержке. Они заночевали рядом с немцами. А мы сбегали ниже, к лесу, вырубили жерди, сделали носилки. Дальше были три дюльфера спуска. Потом команды встретились, мы положили немца на носилки и попытались нести по леднику. Это оказалось довольно тяжело. По снежным склонам решили тащить волоком. Парень весь в ушибах. Трястись по кочкам было так невыносимо, что он встал и пошел. Ну не так, чтоб совсем пошел. Ноги передвигал, а мы с двух сторон поддерживали, сменяясь. Но все равно это не носилки нести или волочь. Вывели парня к началу ледника. А дальше – слава авиации! – в

больницу его доставил уже вертолет. Для нас это было огромным облегчением. Ведь обе группы, что ни говори, после трудных восхождений. Рюкзаки, веревки, «железо», остальное снаряжение – все это тоже нужно было на себе снести с горы. Этим мы и занялись...

Безусловно, Юрий Григоренко-Пригода был одним из лидеров советского альпинизма семидесятых. По большому счету, спортивный альпинизм в Харькове начался именно с него. Кроме неоспоримых лидерских качеств Юрий Иванович был наделен еще и особым восходительским талантом. Вспоминаю 1977 год. Первовосхождение на пик Советской Украины. Пригода – организатор экспедиции, но в руководители «вытолкнул» меня, заботился о росте «подшефного». Хотя, конечно, его слово, подкрепленное огромным опытом и невероятной интуицией, играло решающую роль. Взошли на вершину. Спускаемся. Вечереет. Я Пригodu первым спускаю. Народ сзади потихоньку ропщет: «Ну что там, виден путь или как?». Подхожу с тем же вопросом: «Ну что, Юра, видно?». Он весело, уверенно кричит наверх компании: «Да, все отлично, путь виден, спустимся без проблем». А мне: «Фиг его знает, что там дальше». И уходит вниз, вниз, вниз. Я его спускаю, за нами остальные подтягиваются. Внизу были уже ночью. Последний кусок веревки отрезали, не стали в темноте выдергивать. Переночевали. Утром просыпаемся. Мама дорогая! Слева сбросы, справа сбросы... Единственный логичный безопасный путь – тот, по которому мы спустились! У Пригоды был особый нюх на такие дела. Мог выбирать путь по наитию. Наитие у него было счастливое. И неизменная установка: подниматься первым, чтобы уж точно не заблудиться. По праву уже в 90-е годы он получил знак, установленный Федерацией альпинизма и скалолазания Украины, «Первовосходитель Украины» под номером 2. Каждый соискатель почетного титула должен иметь не менее пяти первовосхождений первой – пятой категорий трудности (из них три – в качестве руководителя) и не менее пятнадцати первопрохождений пятой и шестой категорий сложности (из них два – руководителем) в не менее чем пяти горных системах планеты, причем в классе малых гор допускается не больше двух первопрохождений. Первым обладателем знака стал автор идеи, известный украинский альпинист Григорий Полевой, вторым – Пригода, третьим – с 22

первовосхождениями и первопрохождениями – ваш покорный слуга. Сейчас обладателей почетного знака больше двух десятков.

Погиб Юрий Григоренко-Пригода в 2002 году. Несчастный случай во время высотных работ. Он с бригадой ремонтировал на Змиевской ГРЭС под Харьковом 180-метровую трубу. Подрабатывал, потому что на пенсию трудно прожить. Ребята из его бригады вылезли наверх раньше, а Юрий Иванович как руководитель внизу что-то оформлял. Покончив с бумагами, полез по лестнице на трубу. Ребята были уже на самом верху, а ниже, на площадке (там через каждые сорок метров площадки) работали еще ремонтники. Неосторожно орудя веревкой, сдернули отломавшийся кусок бетона – труба была старая. Этот кусок рухнул Пригоде на голову. Он еще сам спустился. Внизу потерял сознание. Скорая помощь. Больница. Больше месяца в коме. Все надеялись, что Пригода все-таки выкарабкается. Молились за это, но...

Больно. Человек, который прошел столько сложных восхождений, столько раз бывал в опасных переделках и всегда, вопреки любым обстоятельствам, выходил победителем! Взять хотя бы пик Коммунизма в 1973 году. Новый маршрут по Южной стене. Много дней на горе. На высоте больше 7000 м руководитель восхождения Анатолий Кустовский умирает во сне. А у Пригоды начинается пневмония. Много работал первым – на высоте, в холод, ветер. А ночевали где? В гамаке. Вот и простудился. А что такое на высоте пневмония? По тем временам, когда эффективных лекарств у команд не было, это почти верная скорая смерть. Пригода все-таки смог подняться до вершины (путь вниз возможен был только через нее), а дальше ребята ему помогали спускаться. Те, кто там был, говорили потом – только Юрий Иванович мог выжить в той ситуации. Природой в него была заложена феноменальная, невероятная выживаемость. Был случай, когда на высотных работах (редкий альпинист не подрабатывает с помощью промальпа) он провалился в люк. Тяжелейший перелом руки. Врачи были единодушны: ампутировать! Но наши альпинисты-травматологи Витя Пастух с Лешей Боковым собрали Юрину руку по частям, по осколочкам, как пазлы. Вставили титановую пластину. Пригода поехал в Армению судить соревнования, поскользнулся, упал на руку, согнул пластину... Ребята поправили, рука зажила. Мы после всех этих передраг шутили, что наш Пригода, как петух, которому отрубили голову, а он по двору бегаёт.

Жизненные силы от Бога в нем были невероятные. На пике Шпиль, помню, уже пролезли стену, вершина рядом, утром передаем по радио наблюдателям: ждите, сейчас сбросим вам рюкзак с лишними веревками, железом... Пригода говорит: пока вы тут собираетесь, готовите кашку, я пройдусь выше. Вот этому тоже, кстати, я у него научился: не теряя времени, размяться заранее, веревочку провесить... Ну Юрий Иванович пошел наверх. Я – на страховке. Склон там уже некрутой, комбинированный – скалы со снежком. И вдруг Пригода вырывает камень, срывается и летит вниз. Мог вместо мешка с веревками 2 км пролететь к подножию стены. Там страховка была на крюке, но ниже. Неизвестно, выдержала бы рывок веревка или нет (нейлоновых у нас тогда еще не было). Но повезло: веревка зацепилась за крошечный, размером с палец, выступ. Пригода повис на этом «пальчике». Отряхнулся, улыбнулся и полез дальше, как ни в чем не бывало.

Что он любил? Любил жизнь. Горы. Своих троих сыновей. Вообще людей любил. И его любили – друзья, ученики, женщины. В Харькове Юрия Ивановича помнят. Каждый год в конце марта – начале апреля у нас на стенде физико-технического института проводятся Всеукраинские соревнования по скалолазанию – Мемориал Пригоды. Приезжают ветераны со всей Украины.

ЕЩЕ ЧАТЫН. БЕЗ ПРИГОДЫ, НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

После водных процедур в связке с Пригодой я бывал на Чатыне не раз. На многих маршрутах. Маршрут Болижевского по левой стороне Северной стены Ромба. Маршрут Снесарева – очень популярный. Один из первых маршрутов по центру Северной стены Ромба. Он ходовой – то есть, на нем много лазания. Прекрасный маршрут! Мы с Игорем Свергуном, Мишей Бадыгиным и Максимом Робуком прошли его в 2001 году. Выдалось довольно жаркое лето с сильным таянием снегов. Тогда я впервые видел Ромб сухим. К началу августа, когда шли на гору, наверху все стаяло. Нет, ну не так, чтоб совсем уж. Но не душ, не «вешние воды», а слабые подтеки. По сравнению с обычным состоянием – курорт. Я не уставал удивляться: «Ребята, такого еще не видел. Это не Чатын!». Привык, что там постоянно течет вода.

Самый памятный для меня – маршрут Черносливина по диагонали Северной стены Ромба. В 1984 году мы с Мишей Туркевичем организовали команду альплагеря «Эльбрус» и заявили этот маршрут на первенство СССР. Во время восхождения такая непогода началась – «ховайся!», как в Украине говорят. Но памятен маршрут не разгулом стихии. Журналисты часто спрашивают, что меня больше привлекает в восхождениях – процесс или результат? Процесс, конечно. Но так как цели у нас спортивные, то процесс венчает результат – вершина. А результат невозможен без процесса. Впрочем, знаю случай, когда и процесс был, и результат – мы стали чемпионами Союза. Не было только... вершины! Невероятно, но факт.

А произошло вот что. Вышли, как обычно, ночью, в три часа. Погода прекрасная. За день прошли Ромб... На том восхождении по маршруту Черносливина именно процесс доставил огромное удовольствие. Команда ровная, слаженная. Мы подготовились тактически грамотно. Все звенело буквально! Витя Автомонов первым пробежал по льду. Приготовился, взял эти крючки, фифы, на них – раз! – пробежал. Дальше «солирует» Миша Туркевич, проходит скальный участок. За ним первым выхожу я. Остальные тоже отлично могут, но

мы как более опытные первыми идем по стене, задавая темп. Все отработано до мелочей. Отлаженный механизм восхождения работает без единого сбоя. То, что в начале нашей альпинистской карьеры команды преодолевали, минимум, за неделю, проходим за день. Перед выходом за перегиб Ромба навесили еще сто метров веревки, но выбраться наверх не успеваем – начинается непогода. На полке под Ромбом устраиваем бивуак.

Надо сказать, это был не обычный заочный чемпионат – соревнование отчетов о восхождениях. Мерились силами в очном классе. Несколько команд вышли на Чатын по разным маршрутам – Мышляева, Снесарева, Черносливина и другим. Одновременно. Тут, как всегда «кстати», непогода дунула, до полок наши соперники не дошли, пришлось спуститься. А мы, команда альплагеря «Эльбрус», – на узенькой полочке. У нас ночевка. И провешенные веревки. Утром раненько поднимаемся по закрепленной веревке, которую вчера обработали, – надо пройти «крышу», чтобы успеть в тот же день спуститься. Стена вся белая – она вертикальная и даже отрицательная, но льда, снега налепило – ужас! Судьи в обмороке. Как рассказывал один из арбитров, Костя Клецко: «Смотрим, а они по этим белым отвесам лезут наверх!». У нас же план был – одна ночевка. Мы до перегиба не дошли немного. И тут на восьмичасовой связи по радио слышим: «Ребята, спускайтесь вниз! Вы – чемпионы». Как это вниз? У нас фактически пройденный маршрут. Главное – Ромб – пройден. Остальное – дело техники. До вершины всего ничего. Чемпионы, не чемпионы – мы взойдем на нее. Для чего, в конце концов мы ходим в горы? Для чего упирались на Ромбе, на отрицательных, залепленных снегом и льдом отвесах? Мы заряжены взойти на эту гору, мы все для этого сделали. И вдруг – опа! – спускайтесь. Это еще хуже, чем прерванный в самом разгаре секс. Обидно, унижительно и... забываемо.

Но судей наши аргументы не убеждают. Они спешат вниз, в лагерь – рассчитаться с бухгалтерией, не опоздать на свои рейсы в аэропорту Минеральные Воды. Но главное – непогода никуда не делась. Она многократно увеличивает вероятность трагических ЧП. А отвечать кому? Да и что изменится от нашего финиша на вершине, если и так все ясно, другие команды уже спустились. Потому голос в эфире непреклонен: «Ребята, вниз! Не спуститесь – не будете

чемпионами!». Убедили. В нашей команде трое ребят этим чемпионством выполняют нормы мастеров спорта. После недолгих препирательств успокаиваем себя тем, что это были как бы соревнования по прохождению Ромба. Мы единственные его прошли полностью, быстрее всех. Опять же, у кого еще в биографии есть такой парадокс – чемпионство без вершины?

Жаль, не довелось пройти маршрут Мышляева, один из самых красивых на Чатыне. Он проложен справа по каминам: первый – больше ста метров, второй – еще метров 150. Еще правее – маршрут Рощина, тоже неслабый... Столько вариантов – один интереснее другого. Чатын, я уверен, всегда будет мерилом мастерства для альпинистов-«технарей». Он как бы спрятан, его не увидишь снизу, из ущелий. Такой вот «Хидден-пик» Кавказа. Скрытый вызов любителям скальных головоломок.

УШБА ИМЕНИ МОНОГАРОВА

Соседка Чатына Ушба – легендарная гора. Самый «легкий» маршрут на Северную вершину Ушбы – 4-А, на Южную – 5-А категории трудности. Не зря ее название переводится со сванского как «вертеп ведьм». Сегодня неприступная царица Кавказа стала еще неприступней. Не из-за сложности своих маршрутов, а из-за политических сложностей. Российско-грузинская граница проходит между Шхельдой и пиком Щуровского так, что Ушба, находящаяся в южном отроге, оказалась отрезанной. Обидно. В Альпах между Францией и Италией альпинисты циркулируют совершенно свободно. Прошли маршрут на Гран-Жорас или Гран-Капуцин из Шамони, переночевали на итальянской стороне и вернулись во Францию. Так было и до образования Евросоюза. Ходили и ходят без проблем. Начальник спасательной службы Эльбрусского района Борис Тилов говорит, что альпинисты все-таки ходят на Ушбу с российской стороны, но – неофициально...

Изображение именно этой двуглавой вершины украшает жетон «Спасотряд» – знак принадлежности к особой альпинистской касте горных спасателей. Так случилось, что мои первые серьезные спасработы происходили именно на Ушбе (до этого участвовал, в основном, в соревнованиях спасателей. Они проводились регулярно: на уровне альплагерей, ущелий, районов и т. д.).

В 1969 году, в августе, я впервые поднимался на Ушбу, но думал совсем не о вершине, а о спасательных, вернее, транспортировочных работах, в которых предстояло участвовать. На спуске с Северной Ушбы погиб один из инструкторов альплагеря «Баксан» Павел Нелипович. Чтобы снять со стены тело погибшего, пришлось подняться почти на самый верх. По тогдашним правилам, если на спасработках пройдено больше двух третей маршрута, разрешалось записать его в «Книжку альпиниста» как пройденный на восхождении. Я не стал этого делать – рука не поднялась. Ну не ради же этой записи упирался на «спасаловке»! Паша был замечательный парень – открытый, веселый. Нелепый срыв... Он сорвался на длину связанной

веревки – 80 м. Такой удар о стену, что без вариантов... Сняли мы тело, спустили на так называемую Ушбинскую подушку. Оттуда – на перемышку между Шхельдой и Ушбой. Прилетел вертолет МИ-4, приземлился на перемышку – место позволяло. Если бы не вертолетчики, худо бы нам пришлось. Что такое транспортировать тело по леднику, по нагромождениям глыб льда, камня? Ужас! Но горные пилоты – особенные люди и настоящие асы. Мы занесли в вертолет тело Паши. Летчик приглашает – летите и вы. Все влезли, вертолет начал подниматься – не получается. Перегруз. «Четверка» – маломощная машинка. Шум, грохот, пилот на пальцах показывает – двое должны покинуть борт. Пригода с радостью выпрыгивает, я – за ним. Перегруженный вертолет, ныряя, летит вниз, на Южношхельдинский ледник, в Сванетию. Там набирает высоту и уходит в сторону Нальчика. Пригода крестится: «Ну и слава Богу. Так надежнее. Мне даже смотреть страшно. Доверять жизнь какой-то железяке? Лучше на своих двоих спустимся». И мы налегке – все тяжелое в вертолете оставили, взяли только веревку, со страховочной, как положено, спустились на ледник, и в тот же день были на контрольно-спасательном пункте (КСП).

После тех спасработ я получил жетон «Спасотряд». Кроме участия в соревнованиях, соискатель знака должен был написать реферат – тактический план проведения спасработ – и защитить его перед экзаменационной комиссией КСП района. И только после этого получить соответствующее удостоверение и своего рода знак альпинистского качества – номерной жетон спасателя. Быть его обладателем среди альпинистов считалось невероятно престижным. Этому способствовал и очень красивый дизайн значка: красный крест на фоне Ушбы. Его разработал мой земляк и учитель, замечательный альпинист, архитектор и художник Кирилл Александрович Баров. В 1969 году число обладателей спасотрядовского жетона приближалось к тысяче. Реферат я не писал и не защищал, участие в тех непростых спасработах засчитали и как практику, и как теорию. Начальник КСП Баксанского района Юрий Арутюнов выдал мне жетон №497. Где-то у него был припрятан. Так я сразу стал чуть ли не ветераном.

Под самый занавес сезона, в сентябре 1969-го, когда закончилась последняя лагерная смена, я уже по-настоящему взошел на Ушбу. Двуглавая красавица стала моей первой «пятеркой». Команда:

харьковчане Пригода, я, Володя Ткаченко плюс двое москвичей – Эля Шатаева и Гена Иванов. Маршрут – траверс обеих вершин – заявили на первенство Украины в классе траверсов. Но возникла загвоздка: я не имел права идти на «пятерку-А» без того восхождения во время спасработ. Пришлось его записать, но не в книжку альпиниста, а в маршрутный лист, чтобы выпустили на траверс. Думаю, Паша бы меня понял. Под руководством Пригоды мы совершили очень красивое, серьезное восхождение. Для меня – незабываемое. До Северной вершины это был тот маршрут, по которому мы поднимались снимать погибшего Пашу, а дальше, с перемычки взошли на Южную Ушбу. 150 метров вертикальных скал, где я полазал первым. Это было что-то! «Я иду первым! На Ушбу!», – пела душа. На спасработах некогда было оглядываться, на этот раз можно было позволить себе наслаждаться и увлекательным лазанием, и сказкой окружающих гор. От начала северного гребня под Южной вершиной на фоне неба отчетливо просматривался каменный женский профиль, он как бы венчает столб Южной Ушбы, в том месте, где на пего выходит маршрут Мышляева... Длинная шея, гордый поворот головы. Красавицагрузинка в национальном головном уборе – неприступная, непокорная, как гора, которую украшает ее лик.

Обычно альпинисты спускаются с Южной Ушбы на Чалаатский ледник, а дальше – в Сванетию, в Местиа по довольно сложному обходному пути. Начуч «Баксана» Виталий Васильевич Овчаров посоветовал пойти по-другому, а мы сделали вообще новый вариант, свой. Нашли более короткий путь, набили крючья. Я еще не один раз по нему спускался, консультировал других. Наш вариант оказался быстрее – с него сразу попадаешь на Южношхельдинский, ничего не обходя. Три дюльфера по 50 метров, не касаясь стены... Этим траверсом мы заняли первое место. Вместе с нами чемпионами Украины стали москвичи Эля Шатаева и Гена Иванов. Когда слышу старую альпинистскую песню: «Какая здесь осень – волшебница света, уже не звенит над Баксаном гитара...», – в памяти всплывает наше возвращение в опустевший лагерь, моя первая «пятерка» и прекрасная гора, с которой распрощались до будущих восхождений...

С тех пор бывал на Ушбе не раз, выигрывал на ней чемпионаты СССР и Украины. Был на маршруте Пригоды в 1993 году. Дважды проходил маршрут Мышляева. На чемпионате СССР (очном) в 1986

году по рейтингу этот маршрут был самым высоким. Сначала мы выиграли «школу», потому и выбрали самый рейтинговый. Чтобы наверняка. Это же соревнования. Тем более маршрут прекрасный – свободное лазание. Опять же Ушба – великолепная, манящая. Западная стена, так называемый бастион. Справа – маршрут Моногарова «прошлямбуренный», левее – маршрут Пригоды. Наш, «мышляевский», полностью проходится лазанием, без искусственных точек опоры. Стена Юго-Западная, не забита льдом, снегом. Прекрасное лазание – техничное, крутое. Колоссальное удовольствие!

Дважды пытался правее маршрута Моногарова пройти маршрут Кустовского – по правой части бастиона. Но не получилось. Вышли под стену – началась непогода. День ждем, другой – погоды нет. Спустились, ушли. Второй раз вышли с командой Харькова. Опять светлой памяти Толя Кустовский на свой маршрут нас не пустил. В третий раз попытались – снова непогода... С восточной стороны тоже замечательные маршруты – Хергиани, Моногарова, Манаенкова... Но не довелось.

Как и Чатын, Ушба – гора-вызов поклонникам трудных стенных маршрутов. Ценители технически сложных восхождений – англичане, открыв для себя Кавказ, особо прониклись Ушбой. И даже организовали на родине, в Великобритании, элитарный клуб «ушбистов». Не знаю, существует ли он сейчас. Если бы у нас создали такой клуб, его почетным председателем я бы предложил избрать Владимира Дмитриевича Моногарова. Не потому, что он мой старший друг, учитель и вдохновитель побед над гипоксией. Просто Моногаров – самый верный и преданный поклонник этой неприступной красавицы. На Ушбе шесть (!) его именных маршрутов. Однажды в Федерацию альпинизма СССР пришло письмо за несколькими подписями. Текст примерно такой: «Уважаемые товарищи! Убедительно просим вас переименовать вершину Ушба в пик Моногарова. Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер В. Д. Моногаров сделал столько новых маршрутов на эту гору, столько выиграл на ней чемпионатов страны, что будет справедливо, если она будет носить имя выдающегося альпиниста». Письмо прислали девочки-студентки, с которыми Владимир Дмитриевич, большой поклонник танцев, галантно отплясывал по вечерам в альплагере

«Эльбрус». Когда Моногарову рассказали о письме, он хохотал страшно, но чувствовалось – польщен.

Владимир Дмитриевич – уникальный человек. Давно разменял девятый десяток (1926 года рождения), а с горами прощаться не собирается! День рождения у него 25 июля, в разгар сезона восхождений. Моногаров традиционно отмечает его на горе. 50-летие справлял на пике Корженевской. 51-летие – на стене пика Советской Украины. Нас там накрыла свирепая непогода, деваться некуда. И вдруг Моногаров вспоминает: «Братцы, у меня же сегодня день рождения!». 60-летие, 70-летие, 80-летие и последующие даты Владимир Дмитриевич традиционно встречает на вершинах Эльбруса. Вот что такое здоровый, активный образ жизни! В 2011-м с Эльбрусом не сложилось – в Баксанском ущелье проходила контртеррористическая операция, район был закрыт. Моногаров решил сходить на Казбек, но некстати поймал какой-то вирус. Еще раньше в один из юбилеев мечтал взойти на Эверест. Думаю, и взошел бы, но не нашлось спонсора. Он не сомневается, что и в девяносто сможет подняться на обе вершины Эльбруса. Это уверенность профессионала: Владимир Дмитриевич – доктор биологических наук, профессор – уникальный специалист в области физиологии высоких нагрузок. У Моногарова громадный опыт работы со сборными командами СССР по велоспорту, плаванию, легкой атлетике. Созданная им в Киевском институте физкультуры (сейчас Национальный университет физической культуры) проблемная лаборатория высоких нагрузок целенаправленно работала со сборными страны. Сейчас лаборатория выросла в научно-исследовательский институт. Накоплены фундаментальные разработки по методикам тренировки, восстановления, питания спортсменов – плод исследований возглавляемой Моногаровым Комплексной научной группы по подготовке к Олимпийским играм. Подшефные Моногарова без медалей возвращались редко. У нас вошло в традицию после очередной Олимпиады не без ехидства интересоваться у профессора, успешно ли на данном этапе работает спортивная наука. Владимир Дмитриевич нам в тон отшучивался: медали есть – значит успешно, остались без наград – гнать подальше ученых умников.

Моногаров, юный душой человек, всегда с молодежью – и в институте, и в командах, и в альплагерях. У него ярко выраженная

потребность передавать, делиться опытом. Это проявилось и в том, как щедро он делился всем, что знал, со мной, Мишей Туркевичем. Мы к нему относились как спортсмены к тренеру – существовала определенная дистанция. Но при этом и глубокое уважение, и понимание: иметь такого старшего товарища – редкая удача. Альпинисты старшего поколения, ровесники Владимира Дмитриевича, относились к Моногарову по-разному. Не всегда его поступки, высказывания находили понимание. Неординарная личность, не вписывающаяся в обычные рамки, вызывает чаще зависть, чем симпатию. Но даже недоброжелатели признавали: разработки лаборатории Моногарова внесли серьезный вклад в успехи советских олимпийцев. И, кстати, не только советских. Результатами делились, например, с ГДР. Старшее поколение болельщиков помнит, какие достижения демонстрировали на международной арене восточные немцы. Конечно, у них и свои имелись разработки, но не стеснялись и результатами исследований наших ученых пользоваться, в том числе и Моногарова.

Конечно, он стремился привнести свои идеи в альпинизм. Еще в первой советской гималайской экспедиции Владимир Дмитриевич предлагал создать Комплексную научную группу. Его предложения как бы принимали, но больше полагались на выводы засекреченных космических специалистов, далеких от альпинизма. Тогда как Моногаров – не только серьезный ученый, он и альпинист высокого класса. Создатель одной из сильнейших в Советском Союзе альпинистских команд. В скольких чемпионатах Союза побеждал, сколько сделал блестящих восхождений! Из них – 18 первовосхождений и первопрохождений (напомню, треть из них – на Ушбу). Много лет возглавлял Федерацию альпинизма Украины. Проблемы подготовки к гималайским экспедициям он представлял и понимал значительно лучше, чем спецы из Института медико-биологических проблем, для которых мы были, главным образом, удобным экспериментальным материалом.

Моногаров старался максимально поставить на службу альпинизму олимпийские наработки. И, кстати, его предложения, реализованные в 1982-м, очень помогли успеху первой советской экспедиции на Эверест. Например, его детище – восстановительный лагерь в лесной зоне. Когда между выходами на гору мы спускались

вниз, то за два-три дня восстанавливались физически, психологически так, как никогда бы не восстановились в базовом лагере. К тому же это был не просто отдых на значительно более комфортной высоте, а отдых в движении. Ты сбегашь вниз, в лесную зону (в сказочной красоты горные джунгли), гуляешь среди ароматов цветущих деревьев, пения птиц и бегущих ручьев, активно восстанавливаешься, хорошо спишь. Потом плавно поднимаешься в базовый лагерь... Вторая советская гималайская экспедиция на Канченджангу идеи Моногарова использовала со значительно большим КПД. Были созданы и эффективно работали Комплексная научная группа, восстановительный центр в зеленой зоне. В экспедиции на Лхоцзе уже все было поставлено на серьезную научную основу. Моногаров с его огромным опытом альпиниста и ученого работал на успех экспедиции с отборов и до финиша. В первых двух гималайских экспедициях временной интервал между отборами и восхождениями был огромный. По два года готовились! Перед Лхоцзе на все про все у нас оставалось 10 месяцев. Работа велась на серьезном олимпийском уровне во многом благодаря Моногарову, его колоссальному опыту. В зеленой зоне Владимир Дмитриевич развернул замечательный «санаторий» – палатку, в которой я перед решающим выходом три ночи провел – бесподобно! Прекрасно восстановился...

Вообще, если брать три гималайские экспедиции, к которым Владимир Дмитриевич имел непосредственное отношение... Тот факт, что эти маршруты до сих пор не пройдены, мне кажется, беспрецедентный. А хоть бы и пройдут их какие-то суперкрутые ребята! Это же будет мировая сенсация! Какая реклама восходителям – спустя 30 лет пройти путем, который когда-то полтора месяца готовили! Но маршруты пока не пройдены. Это говорит не только о реальном месте наших восходителей в мировом альпинизме, но и о правильной подготовке, которая благодаря Моногарову была поставлена на четкие научные рельсы.

Это ж не скалолазание, где успех определяют стрелки секундомера. Дальше шли уже нормально, сменяя друг друга. И я понял – все просто. Сухая стена. Через каждые четыре-пять метров забит и оставлен крюк. Слава уже видел эти крючья и побежал от одного к другому. Мол, смотри, вот это и есть Альпы. Через много лет, в 1991 году мы приехали в Италию после Южной стены Лхоцзе как

гости нашей фирмы-спонсора «Самас». Офис и предприятие фирмы находились в Лекко – сердце Доломитовых Альп. С этим городком связаны имена многих прославленных восходителей, в частности Рикардо Кассина. Его маршруты, пройденные еще в тридцатые годы, и сегодня остаются для альпинистов показателем уровня мастерства. Конечно, мы не могли не встретиться. Рикардо было тогда уже за восемьдесят (Кассин умер, перешагнув столетний рубеж, а в девяносто еще ходил в горы). Я рассказал, что мой первый маршрут в зарубежных горах был маршрутом Кассина на пик Бадиль. Он в ответ: «А я прошел этот маршрут через 50 лет после первопрохождения – в семьдесят с чем-то». – «Читал об этом в наших газетах. Я вас поздравляю. Великолепный маршрут!». Рикардо каждому из нас вручил по небольшому рюкзачку «Кассин» – у него была фабрика по производству альпинистского снаряжения. Этот рюкзачок до сих пор жив, исправно служит.

Но возвращаюсь в прекрасное далеко, к нашим со Славой восхождениям в Швейцарии 1972 года, в которых многое для меня было внове. Партнер подсказывал, как ходить «окрюкованные» маршруты. Рассказал о неписаном кодексе чести восходителей. Оказалось, забить больше крючьев, чем первовосходители, считается дурным тоном. Если крюк забит, выбивать его нельзя. Иначе проявишь неуважение к тем, кто прошел здесь до тебя. Сейчас в казавшиеся незыблемыми джентльменские правила западные восходители вносят коррективы. Прошел маршрут, не используя крюк, забитый для создания искусственной точки опоры, – выбей его, пусть и остальные без него обходятся. Мне это не кажется правильным. Хочешь диктовать свои условия – диктуй. Но на своем супер-экстра-маршруте, там и распоряжайся крючьями.

Впрочем, я сейчас не о маршрутах – о старшем друге и замечательном партнере на многих восхождениях в составе сборной Советского Союза в Швейцарии, Италии, Франции, США Вячеславе Онищенко. Вот еще штрих к его портрету. Отборы в первую советскую гималайскую команду Слава, хоть и был старше всех участников (45 лет), прошел блестяще. А дальше... Надо знать Славу! Группа, которую Онищенко возглавлял, первой пришла в базовый лагерь, первой вышла на обработку маршрута. Как руководитель команды он считал себя обязанным грузом брать больше всех, работать дольше

всех, хотя настоящей акклиматизации еще не было. На высоте второго лагеря (7300 м) его догнала «горняшка». Опять же, это Слава, он работал и терпел до последнего. Как потом выяснилось, давление у Онищенко упало до 50 на 0. Леша Москальцов и Юра Голодов помогали ему спуститься. Мы с Мишей Туркевичем бросились встречать Онищенко на леднике Кхумбу, сменив ребят. Слава Богу, обошлось. Но с мечтой об Эвересте Славе пришлось распрощаться.

Отрывок из интервью журналу «Риск», который, по-моему, в нескольких строках исчерпывающе характеризует моего друга и напарника: «- Есть для вас разница в понятиях «друг» и «напарник по восхождению»? – Друг – это обязательно. На сложном восхождении ты доверяешь жизнь другу. – Но ведь Друг не обязательно может быть хорошим альпинистом? Можно и не испытывать личной симпатии к человеку, но знать, что он надежный напарник. – Сейчас я не знаю, как подбирают напарников по восхождению. А тогда «связка» – это было священо».

Мне нечего добавить к сказанному. Разве только то, что с 1963 года и по сегодняшний день Вячеслав Онищенко работает в Московском научно-практическом центре спортивной медицины. Заслуженный врач России, заслуженный мастер спорта по альпинизму, мастер – по скалолазанию. До сих пор ходит на восхождения, ежегодно участвует в лыжных чемпионатах мира среди врачей на дистанции – внимание! – 25 км вольным стилем и 55 км – классикой. И не просто участвует, а неизменно побеждает. Двадцать раз уже выигрывал!

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ. МИША

После триумфального завершения первой советской гималайской экспедиции наши имена несколько лет произносились слитно: Бершов-Туркевич (как, например, Григоренко-Пригода) и воспринимались многими как некое единое целое. Мы действительно были таким целым – альпинистской связкой, напарниками, хотя более разных людей трудно представить. И жили в разных городах – Туркевич в Донецке, я в Харькове. Миша – на шесть лет младше, в нашем тандеме он олицетворял, с одной стороны, темперамент, артистизм с элементами фейерверка, с другой – тактический расчет, стремление просчитать все варианты развития событий. Я как старший и более опытный стабилизировал движение в заданном направлении, упирая на подготовку, тренировку и здравый смысл. Миша в юности занимался гимнастикой – растянутый, отлично координированный. Растяжку, другие специальные упражнения, полезные для скалолазания, я у него перенимал. Как и умение настроиться – партнер одно время увлекался йогой. В общем, каждый заимствовал у другого то, чего самому не хватало. Миша, например, не любил кроссы, лыжные гонки – монотонная, однообразная работа давалась ему с трудом. Он по жизни был спринтер, а не стайер. Может, потому жизнь отмерила ему такую несправедливо короткую дистанцию?

Миша считал, что альпинизм – такой особенный спорт, где счет не на секунды, метры или килограммы. Говорил: у нас другое измерение. Мы оба жили в том, другом измерении, принадлежали ему душой и телом. Там наши взгляды, вкусы, цели, симпатии-антипатии совпадали стопроцентно. Оба специализировались на технически сложных восхождениях, любили непростые маршруты, требующие не только отточенной техники, но и работы мысли. Оба пришли в альпинизм из скалолазания. Собственно, мы и партнерами стали сначала в скалолазной связке. С 1977 года успешно выступали на чемпионатах СССР, ВЦСПС. Ну а когда прозвучало магическое для каждого восходителя название Эверест, бросились наверх стывать то, чем никогда прежде не увлекались – необходимые для Гималаев высотные

восхождения. Об этом во всех подробностях я уже рассказал в предыдущих главах. Уточню, что при отборах на Эверест за нас с Туркевичем было и то, что маршрут на высотный полюс избрали технически сложный, требующий не просто выносливости, а именно надежного техничного лазания. Плюс по всем параметрам отбора мы показали высокие результаты.

Наш звездный (в буквальном смысле – под огромными южными звездами) час пробил на Эвересте вечером 4 мая 1982 года, когда потребовалась помощь застрявшей наверху первой двойке. Чтобы, оказав ее, за пятьдесят минут «сбегать» на вершину, нужны были отличная форма, техническая подготовка, колоссальная мотивация. Плюс абсолютная уверенность, что мы как связка способны на это и сделаем Гору. Знали, что шанс единственный. Пройдя в альпинизме немалый путь, могу сказать: не так уж часто бывает, что сложение сил, технического мастерства, характеров партнеров дает такой результат, как у нас с Мишей. Мы же это взаимное попадание в «десятку» воспринимали как данность. Тандемом поднимались от успеха к успеху и казалось, так будет всегда.

Много и успешно ходили с Туркевичем после Эвереста. В следующем, 1983 году в составе сборной Украины на первенстве СССР заняли третье место, взойдя на вершины Далар и Кирпич 5-Б категории трудности. Сборная была представлена двумя городами. Как дань нашим гималайским заслугам три места выделили Донецку и столько же – Харькову. Позже стали выступать своей командой – как сборная альплагеря «Эльбрус». Дважды становились чемпионами Советского Союза, в 1984-м (Чатын) и в 1986-м (Ушба). На первенстве страны-1985 завоевали бронзу восхождением на пик Свободной Кореи. Мы были ближе, чем братья. Я упоминал уже, что за все годы восхождений срывался трижды. Впервые – на Эль-Капитане, где меня страховал Майкл Ворбуртон. Дважды – на Кавказе, в связке с Мишей.

В 1983 году срыв случился на вершине Кирпич в районе Узункол на Кавказе. Сборная Украины идет на восхождение 5-Б категории трудности (сейчас это «шестерка») в рамках чемпионата Союза. Скальный маршрут. Лезу первым, Миша страхует. Скалы сухие, чистые. Подлезаю под карниз. Чтобы пройти его, забиваю крюк. Там глухая щель, кое-как забил, но что-то мне не по себе. А другие варианты не просматриваются. Лазанием не идет. Шлямбур бить –

последнее дело. А вот за петельку придержаться – самое то. Если бы щель была нормальная. Навешиваю петлю и говорю напарнику: «Миша, не нравится мне этот крюк». Нагружаю – и он вылетает. Успеваю крикнуть: «Держи!». Пролетаю метра три до нижнего крюка, еще столько – ниже. Не касаясь стены, повисаю, прыгая, как мячик на резинке. Лететь с нижней страховкой страшно. Очень. Миша сверху: «Ну что, цел?» – «Да, все нормально. Иду дальше» – «А может, отдохни, я пойду?» – «Нет, я». Почему я пошел? Еще от Вила Поберезовского, с первых занятий на скалах знаю: сорвался – вернись и снова пройди маршрут. Это закон. Не только, кстати, альпинистов, но и гимнастов, акробатов, цирковых артистов. Сорвался – повтори свой номер, чтобы в сознании закрепилось: «Ты это можешь! Срыв – временная неудача». Мише не нужно ничего объяснять. Иду наверх. Все же забиваю крюк, делаю петлю и ухитряюсь пройти коварный карниз. Все, проехали. Идем дальше!

В 1984-м мы готовились выступать на чемпионате Союза за альплагерь «Эльбрус». Работали подменными инструкторами и одновременно акклиматизировались перед восхождениями на пик Щуровского и Чатын. Ведем группу разрядников на Чегет-Кара-Баши по маршруту 3-й категории трудности. Миша – инструктор, я ассистирую. Идем в связках, одновременно. «Тройки» (маршруты третьей категории сложности), как ни парадоксально это звучит, считаю самыми опасными. С одной стороны, надо страховаться, потому что есть куда улетать. С другой, если страховаться попеременно – за день маршрут не пройдешь. Поэтому страховка одновременная. Это надо уметь, а опыта пока маловато, его ребята-разрядники на «тройках» только еще набирают. Инструкторам (гидам по-нынешнему) это необходимо обязательно учитывать. Уже под самой вершиной – заснеженные скалы. Говорю Туркевичу: «Что-то мне не нравится. Давай внимательно». Сказал и иду дальше не оглядываясь. Это ни к чему, настолько мы друг друга чувствуем. Миша тут же – хоп! – петельку на выступ набросил. На автопилоте. Схоженность – это когда обходятся без слов. Раз я сказал, он что-то сделал для страховки. Готово? Готово! Идем дальше. Подхожу к не предвещающему беды камню, пробую – нормально. Нагружаю и тут же улетаю. Недалеко – метра три-четыре. Не травмируюсь. Вылезаю, дальше идем без происшествий. Когда спустились, собрались на

обязательный разбор восхождения. Процедура отработана за десятилетия до мелочей. Первым Миша выступил, сказал, что группа совершила такое-то восхождение третьей категории сложности. Дальше участники по очереди делятся впечатлениями – мол, все хорошо. Я не выдерживаю: «Ребята, а все ли на восхождении было нормально? Никаких случаев? Почему не говорите, что сорвался один из участников группы?» Глаза опустили, не знают, как себя вести. Сам Бершов сорвался! Как об этом говорить? Пришлось расставлять точки над «і». Мол, это горы. Все может случиться. Для того и разборы, чтобы учиться. Желательно – на чужих ошибках. Да, произошел срыв, но без последствий, потому что страховка была грамотная. Но если бы Миша меня не поймал, улетели бы на километр, до самой Зеленой гостиницы. Первый имеет право на срыв, но дай Бог никогда этим правом не пользоваться...

В связке с Туркевичем мы были и во второй гималайской команде на Канченджанге в 1989-м. Взошли на Южную вершину (8491 м) по непройденному пути вместе с Витей Пастухом и Ринатом Хайбулиным. Прошли первопрохождение – траверс четырех вершин Канченджанги: Западной (8505 м), Главной (8586 м), Средней (8478 м) и Южной. Вершиной нашего партнерства и одновременно финалом отношений стала Лхоцзе.

Стена нашей мечты. После возвращения Миша сообщил, что экспедиционный альпинизм его теперь не интересует. Больше вместе мы не ходили. Миша уехал в Россию, пошел служить в МЧС, стал заместителем начальника Центра подготовки спасателей. Под эгидой министерства организовал новую экспедицию на Лхоцзе Среднюю – единственную на то время вершину больше 8000 метров, куда никто еще не поднимался (то есть, снова был экспедиционный альпинизм, но без меня) – и снова не взошел. В лавине погиб один из участников экспедиции. Пришла команда прекратить восхождение. Следующая экспедиция Туркевича – на Эверест по Юго-Западной стене в 1992-м была частной, украинской. По стечению обстоятельств единственным ее участником, поднявшимся выше всех и не дошедшим до главной вершины всего 80 м по вертикали, стал мой нынешний напарник Игорь Свергун.

В последний раз мы встретились с Мишей в Катманду на торжествах в честь 50-летия первого восхождения на Эверест, о

которых читатель уже слышал. Я спешил на Аляску и уезжал на день раньше. Последняя встреча с Туркевичем – на приеме в английском посольстве. Больше тысячи гостей. Кто бы мог подумать, что эта компания способна так веселиться? Когда наконец мы все же стали благодарить хозяев, прощаться и разъезжаться, Миша решил продолжить праздник в казино. Я отговаривал, звал к нам в гостиницу: «У Эдика Мысловского завтра, то есть уже сегодня (перевалило за полночь) день рождения, давай отметим с ним, я завтра уезжаю...». Нет, в казино. Ну что ж, тогда – до свидания. Пожали руки и разошлись. Ничто не предвещало, что жить Туркевичу чуть больше месяца. Такой же, как всегда – море энергии, планов... Утром я звонил ему в номер из своего, но телефон не отвечал. То ли не слышал звонка, то ли еще не вернулся. Меня ждало такси в аэропорт.

Партнеры – люди, чьи отношения прочнее самой крепкой веревки. Наша дала слабину, когда меньше всего ждали. Во всяком случае, я. Нет Миши – некому подтвердить или опровергнуть мою версию причин «развода». Скажу только, что к тому, кто взошел, а кто остался без вершины на Южной стене Лхоцзе, наш разрыв не имеет отношения. Мой друг и партнер умер от острого панкреатита в Сочи 3 июля 2003 года. Гордый, умный, красивый, разносторонне талантливый человек, далеко не реализовавший себя в жизни. Друг, которого я потерял в горах.

Нет, на такой скорбно-патетической ноте нельзя завершать рассказ о веселом, ироничном Мишке. Летом 2011 года моя младшая дочь Настя с мужем Иваном отправились в гости к его бабушке в Зуевку под Донецком. В ту самую живописную Зуевку, где находится скалодром Донецкого альпклуба. Эта спортивная база была любимым детищем моего друга и многолетнего партнера Миши. Сколько километров скал там пройдено, сколько проектов обговорено, сколько (из песни слова не выкинешь) выпито за дружеским столом! В Зуевке теперь традиционно проводятся соревнования скалолазов памяти Туркевича. И вот представьте, моя дочь, родившаяся в год нашей экспедиции на Канченджангу, видевшая Михаила только на фотографиях, приходит с мужем на скалодром. Она знает, что Миши нет в живых, что у него остались два сына. А вдруг они здесь? У первых встречных Настя спрашивает, не знают ли они Туркевича. Ей отвечают: он вон в том домике (Миша построил на территории базы домик, мы с Витей

Пастухом тоже руку к стройке приложили). Дверь домика открывается и Настя видит... Мишу Туркевича. Она понимает, что это сын, тоже Михаил Михайлович Туркевич, но сходство с отцом поразительное. «Привет, ты Туркевич? А я – Бершова». «Не может быть!» – удивляется Мишка-младший. Вот такая встреча. Поколение-next оживленно беседовало, а вокруг них вертелся юлой внук моего напарника, тоже М. М. Туркевич, будущий чемпион.

В ОДНОЙ СВЯЗКЕ. ИГОРЬ

С 1992-го и по сегодняшний день мой напарник, товарищ в десятках восхождений, в том числе и на восьмитысячники, – земляк Игорь Свергун. Игорь – выпускник Харьковского политехнического. Один из тех, кто прошел сито отборов на Лхоцзе. Для этого я, конечно, наших харьковских ребят энергично тренировал. Результат – в команду «отобралось» трое харьковчан: Алексей Макаров, Гена Копейка, Игорь Свергун плюс «играющий» доктор Витя Пастух. Не потому, что я тянул своих, просто подготовка была правильная. Уже тогда было понятно, что Свергун – самый молодой в команде, 24-летний надежный и перспективный парень. Очень техничный, сильный и, что особенно ценно, – думающий. Вот после Лхоцзе мы с Игорем и стали ходить вместе. Примечательный момент: восходители моего поколения становились универсалами, пройдя «Крым и Рим» в техническом или высотном классе, ровесники Свергуна и те, кто идет следом, приходят в альпинизм высших достижений уже достаточно универсальными восходителями. Ничего удивительного: другое время, возможности, методы подготовки.

Почему мы стали напарниками именно с Игорем, а не, скажем, с не менее талантливым альпинистом и замечательным человеком, моим близким другом, кумом Виктором Пастухом? Потому что у Вити кроме альпинизма была еще одна пламенная страсть – его профессия хирурга-травматолога. Вернее, альпинизм был «кромее», а на первом месте – медицина. Мы же с Игорем (инженером- электротехником по специальности) выбрали профессией альпинизм. Как говорит мой партнер, горы – единственное место, где альпинист чувствует какую-то свою надобность на этой планете.

Вместе участвовали в украинской экспедиции на Манаслу. На вершину, правда, Игорь взшел без меня. Как без меня участвовал и в организованной Мишей Туркевичем в 1992 году экспедиции на Эверест и поднялся на Южную вершину, от главной, как уже знает читатель, пришлось отказаться – слишком рискованно. Вот она, рядом, но он повернул вниз. Согласитесь, умение не поддаваться амбициям в

этом возрасте – достаточно редкое качество. В свои двадцать шесть он уже был настоящим профессионалом.

В 1996-м состоялась первая украинская экспедиция на Аннапурну. Туда мы с Игорем уже и отбирались вместе, и на горе работали в связке. Маршрут Бонингтона, который прошли, – великолепный. Совершенно другого плана, чем Южная стена Лхоцзе. Технически сложный, комбинированный. Но Лхоцзе – на порядок сложнее. Аннапурна удивила, завалила снегами. Работа на маршруте была очень тяжелая. «Ишачная». Стенка там была еще та – вертикальные снега. Редко подобное можно встретить даже в Гималаях. Помню, как на высоте за 6000 метров мы с Игорем обработали часть маршрута. Сергей Ковалев с Володей Альпериным говорят: «Ну теперь наша очередь поработать первыми». Оставили их пробиваться выше, а сами спустились за рюкзаками. Прошло часа три, пока принесли снаряжение. Вторая половина дня. А сменщики растерянно топчутся почти на том же месте, где мы их оставили. Там метров двадцать надо было пролезть. Страховку организовать невозможно, соответственно, падать нельзя. Спрашиваем, в чем дело. Они беспомощно: «А как тут лезть?». Пришлось давать урок. Показывать, как проходить залепленные снегом вертикальные стены: берешь лопату, берешь ледоруб. Прокопал, воткнул ледоруб, еще прокопал, за ледоруб придержался. Показываю, а ребята только головами крутят: «Вот это да! Мастер-класс на шести тысячах!». Оценили! Мы на Лхоцзе с подобным сталкивались (намучились с жуткими снежными грибами под самой вершиной), а они – нет. Хоть и подготовлены были отлично, и с высотой дружили, но Гималаи – это такая энциклопедия, которую всю жизнь изучай – не изучишь. Вот мы друг у друга и учимся. На ходу. Еще и поэтому так важны партнерство, команда.

В общем, непростая гора Аннапурна. Только тройка побывала на вершине – мы с Игорем и Сергей Ковалев... Игорь Чаплинский с Володей Горбачем ушли, по сути, от вершины, чтобы не создавать проблем команде. Еще одна группа под руководством Славы Горбенко попала в ужасную непогоду и, слава Богу, что спустилась. Очень вовремя ребята начали спуск, могли там остаться. Мы два дня им навстречу пробивали траншею к лагерю ABC. Там, где ходу от силы четыре часа, топтали тропу по очереди целый день. По грудь, а то и по шею в снегу. Они там палатку «Зима» (огромную) не смогли найти.

Шест три метра высотой, очевидно, сломало. В «Зиме» остались продукты, примусы, веревки, спальники. Торкались туда-сюда: «АВС примерно здесь? Или здесь?». Нигде ничего – только сугробы. Если бы мы всей командой по леднику им дорогу не пробили, они бы и за три дня ее не прошли. Но все-таки вернулись благополучно. Там было где съехать с лавинами...

В то же время экс-народный депутат Украины Иван Валеня с Витей Пастухом и Геной Василенко проводили экспедицию на Шишу-Пангму и Чо-Ойю. Свергун и я должны были присоединиться к ней после Аннапурны – уже акклиматизированные, полностью готовые. Все было рассчитано до дня. И тут – страшное известие – в лавине погибли наши друзья, мои кумовья Витя Пастух и Гена Василенко. Если бы это случилось до нашего восхождения на Аннапурну, мы бы на гору со Свергуном не пошли. Обычно сдержанный Игорь переживал страшно – до слез. Конечно, ни о каком продолжении восхождений не могло быть и речи. Витин близкий друг, альпинист, автор и исполнитель песен Олег Бонарь посвятил Пастуху песню, в которой есть такие слова: «... Он навсегда остался там, укрыт снегами, /Мы пронесем через года друзей ушедших имена, /А их последняя гора – как долг за нами». Мы поднялись на Шиша-Пангму весной 1998-го с Игорем и нашим земляком Алексеем Боковым. Установили мемориальную доску в базовом лагере. И в альпийском стиле провели восхождение памяти погибших друзей. Вся экспедиция заняла 19 дней, а само восхождение (шли без кислорода) – 4 дня.

Дважды мне пришлось участвовать в гималайских экспедициях без Игоря. В 1997 году с одесситом Владиславом Терзыулом взшел на Нанга-Парбат и в 2000-м – с краснодарцами на Эверест. В 2004-м мы со Свергуном поднялись на гималайский восьмитысячник Чо-Ойю. Это был наш подарок Харькову в честь 350-летия города. Нашли спонсоров, поддержали и городская администрация, тогдашний мэр города Владимир Андреевич Шумилкин. В Тибете к нам присоединился чешский друг Йозеф Кубичек. Правда, он смог подняться только до 7400 м, потом заболел и вынужден был вернуться. Нашей связке ничто не помешало подарить родному городу свое восхождение, поднять над Чо-Ойю флаг Харькова, оставить на вершине вымпел с гербом первой столицы Украины.

Как партнер по связке я пережил несколько этапов. Со Славой Онищенко в команде Пригоды был младшим, даже если ходил первым – просто в силу возраста, скромного альпинистского да и жизненного опыта. Отношения на равных (других между напарниками в связке не может быть по определению) в глубине души воспринимал как некий аванс. С Мишей, несмотря на шестилетнюю разницу в возрасте, чувствовали себя равноправными партнерами. С Игорем у нас почти двадцать лет разницы. Подумать только: когда он родился, я уже ходил на первые восхождения! Можно сказать, в отцы гожусь. При этом в наших отношениях никогда не было и тени патернализма – я бы себе не позволил, да и Игорь, человек независимый, этого бы не допустил. Наше со Свергуном партнерство довольно быстро миновало стадию «ученик – учитель» и постепенно выкристаллизовалось в прочный тандем. Мы напарники двадцать лет! Думаю, со мной согласятся многие альпинисты старшего поколения: даже когда становишься учителем для более молодых партнеров, ты все равно продолжаешь учиться – у них, вместе с ними. Горы, сколько бы лет в них ни ходил, как бы ни был опытен, остаются непредсказуемыми. Диалог с ними лучше вести, чувствуя поддержку партнера. И не важно, в чем вы с напарником несхожи, важно, в чем едины.

Мой нынешний партнер столько раз представлял перед читателем в тех или иных ситуациях, описанных в этой книге, что и без пространных комментариев понятно, насколько мы едины в своем отношении к жизни, к горам, к нашей профессии. Как и многие восходители, Игорь Свергун пришел в альпинизм из туризма, которым увлекся еще в школьные годы.

Как и у меня, у него в юности был учитель, «влюбивший» в мир приключений и путешествий. В Игоре прекрасно сочетаются прагматизм и любовь к людям, высокий интеллект и спортивное начало. Самодостаточный, ироничный, немногословный. Понадобилось – выучил английский. Чтобы быть «стоцентным» гидом, получил второе высшее образование – окончил магистратуру Харьковской академии физической культуры по специальности «Олимпийский и профессиональный спорт». В качестве горного гида объездил-обходил-облазал полмира: Непал, Пакистан, Аляску, Мексиканский вулканический пояс, Африку... Игорь категорически не согласен с Константином Паустовским, который советовал никогда не

возвращаться туда, где ты был счастлив. Он уверен, что надо всегда возвращаться туда, где тебе хорошо. В этом мы тоже едины. Снова и снова возвращаемся в горы, где нам хорошо, где чувствуем свою необходимость на этой планете.

БАРБАРИСОВЫЙ КУСТ. ВИТЯ

Честно говоря, совершенно не помню, как мы с Витей Пастухом познакомились. Все харьковские альпинисты регулярно пересекались на «брехаловке» – так непочтительно именовались в народе собрания федерации альпинизма. Раз в неделю все приходили пообщаться к Дому физкультуры на Сумской. Витя помладше, он в своем кругу вращался, я – в своем. Ближе узнал его, когда в 1981 году в порядке так называемого безвалютного профсоюзного обмена альпинистами мы съездили в ФРГ. До этого немцы приезжали в Союз, а потом принимали нас у себя. В кои-то веки квоту дали Харькову! Поехали Виталий Бахтигозин, Влад Пилипенко, Виктор Пастух, я, работник спорткомитета, руководитель харьковского «Авангарда» Анатолий Бондаренко. Хорошая компания. Сделали несколько интересных, красивых восхождений. А главное, побывали в новых краях, пообщались с немецкими альпинистами. Витя себя прекрасно показал. Говорят, чтобы узнать человека, пуд соли надо съесть. В советские времена существовал и другой тест: хочешь знать, кто перед тобой, – съезди с ним за границу. В случае с Пастухом сразу стало ясно: наш человек. В 1982-м, перед Эверестом, на лыжной тренировке я пропорол сучком бедро. До кости. Запросто мог остаться дома. В четвертой больнице, где Витя работал, он сразу взял надо мной шефство. Очень серьезно к этому подошел. Обычно с такими травмами люди по месяцу в больнице маются. Я вышел через четыре дня! Конечно, мое горячее желание во что бы то ни стало вернуться в строй сыграло немалую роль. Но, прежде всего, медики во главе с Виктором постарались. Пастух тогда исполнял обязанности заведующего отделением (заведующий был за границей). Кроме того, Виктор был председателем профкома своей больницы. Когда узнал Пастуха поближе, понял, что ко всем этим «нагрузкам» он относился очень ответственно. Был прекрасным организатором. Человеком неравнодушным, с активной жизненной позицией. Но главное – доктором от Бога. Потомственным. Он с детства знал, что будет именно врачом. Поставил перед собой цель стать хорошим врачом.

«Преемственность поколений». 2010 г. Сергей Бершов с внуками на склонах Эльбруса, на высоте 3300 м

Ушба

Владимир Моногаров

Армения. Первенство ВЦСПС по скалолазанию

В. Поберезовский, первый тренер

Эль-Капитан, США, 1975 г.

Приготовления к высокогорной ночёвке на Памире. 1977 г.

На скалолазных трассах

Игорь Свергун, Сергей Бершов, Михаил Бадьгин на Чатыне

Юрий Григоренко-Пригода

Эльбрус. Западная вершина. А. Ярко и С. Бершов

Западная стена Кюкюртлю

Чатын

Эльбрус. Приют одиннадцати. Юрий Пригода, Сергей Бершов, Виктор Автомонов

Ангел Эльбруса

Бершов у подножия Эльбруса

По северному склону Эльбруса

Эльбрус. Восточная вершина. Владимир Ястребов, Сергей Бершов

В. Кухарев, В. Тарбиев, А. Непомнящий, Р. Москвич, Василий Иванович, С. Бершов, В. Ястребов

В. Онищенко, С. Бершов, М. Ворбуртон. Базовый лагерь. Эверест, 1982 г.

С. Чуенко, И. Тилов, В. Моногаров, С. Бершов, А. Ойтов

А. Е. Спесивцев, А. В. Москальцов, СИ. Бершов. Пресс-конференция «Эверест-82»

Сергей Бершов, Юрий Сенкевич, Михаил Туркевич на леднике Кхумбу

В одной связке. Сергей Бершов, Игорь Свергун на «ромбе»
Чатына

Геннадий Василенко, Сергей Бершов, Иван Валеня, Виктор Пастух

С. Бершов и Б. Тилов в Приэльбрусье

Команда незрячих на Говерле. 2006 г.

Сергей Бершов с сыном Олегом и женой Тamarой

С дочерью на Эльбрусе, 2001 г.

Награды отца

Сергей Бершов в кругу семьи

Татьяна и Сергей Бершovy

В Бердичеве, под Житомиром, где Витя родился и вырос, он занимался легкой атлетикой, специализировался на прыжках в высоту. Еще в детстве сильно травмировал позвоночник. Мог остаться инвалидом. Выжил, затренировал травму. Может, поэтому решил стать

не просто хирургом, а хирургом-травматологом. Учась в Харьковском мединституте, работал «медбратом» в больнице, на «скорой помощи». Не только чтобы заработать, а чтобы изучить профессию во всех тонкостях.

Главное, что определяло человеческую суть Виктора, – доброта. Если у доктора доброты нет, нужно переквалифицироваться в управдомы. Произойди такое чудо, сколько вакансий открылось бы в отечественной медицине! А какое перепроизводство кадров ощутило бы жилищно-коммунальное хозяйство! Кроме шуток, я, например, определяю, можно ли доверять врачу, по его отношению к старикам. Если доктор начинает разговор с вопроса: «А сколько вам лет?», а после ответа звучит сакраментальное: «Так что ж вы хотите?!», – я хочу одного: никогда с этим типом не встречаться. Витя к старикам относился с таким же вниманием, как к молодым. Однажды в больницу скорой помощи (в Харькове говорят: «четверку») привезли старушку с переломом шейки бедра. Традиционный перелом-приговор. Бабушка адреса не помнит. Родственников нет. Никто к ней не ходит. Пациентку подлечили, и встает вопрос: куда ее девать? В приют, богадельню? Понятно, долго «ничья бабушка» там не протянет. Витя велел положить бабулю в коридорчике перед своим кабинетом. Ухаживали всем отделением, хотя, допускаю, не всем это нравилось. Но Витя столько своим сотрудникам делал хорошего – и как профсоюзный лидер («выбивал» квартиры, путевки, места в детских садах), и как доктор, что никто не роптал. А мы шутили: мол, у Пастуха появилась секретарша – старушка перед его дверью обитала, волей-неволей встречала всех посетителей. Родственников ее в конце концов нашли. Те спокойно жили, не мучаясь по поводу исчезновения бабушки. Пропала, и слава Богу. Чужие, по сути, люди выхаживали, а эти даже искать не стали.

Если помните, Пастух с Володей Каратаевым лежали после Лхоцзе в Московском институте Склифосовского. Витя выписался раньше, вернулся в Харьков, на работу. А время же было, не приведи Господи, сплошных дефицитов. Пастух тут же наладил передачу в Москву нужных Володе препаратов. Наши ребята отправляли поездами, просили проводников довести. Московские альпинисты встречали, доставляли в клинику, помогали вытягивать Вовку. Столько надо было постоянно всего...

Что такое альпинистское братство? Как только что-то в Харькове случалось, альпинисты знали, к кому бежать. Врачи-альпинисты: Витя Пастух, Леша Боков, Юра Фруман, Анатолий Кожемяка – всегда помогут. Известные в Харькове специалисты, они никогда никому не отказывали. Звонок, и Витя, где бы ни был, мчится выручать: «Ты где? Быстро в «четверку»! Я сейчас позвоню туда, а сам буду через час, не позже». У него семья, сыновья, он отдыхает, ремонт делает, отмечает день рождения жены... Никакие причины не считались уважительными, если требовалась его помощь – даже совершенно незнакомому человеку. Спасать было Витиным образом жизни. Он тут же все бросал, прыгал в машину и мчался. Был прекрасный диагност. Сразу мог установить степень опасности, правильно оказывал первую помощь. Скольким Витиным пациентам это спасло жизнь!

Кавказ. Немецкие ночевки. Мы идем на Чатын на чемпионат Союза. Народу вокруг немало – разгар сезона. Вдруг замечаем суету: какой-то турист упал в трещину. Получил сильнейшие травмы. Витя Пастух оказывает помощь. Спасает человеку жизнь. Вызывают вертолет. Слава Богу, не надо нести пострадавшего вниз. Мы продолжаем восхождение. Другой случай. Средняя Азия. В Варзобе готовимся к очному чемпионату страны. Сверху неосторожно сбрасывают камень, и он попадает парню из литовской команды по спине. На наших глазах за считанные минуты литовец становится пепельного цвета. Понятно, что дело плохо (потом окажется, что отбита почка). Оттаскиваем пострадавшего в тень. Витя склоняется над парнем и просит меня сбегать в лагерь за основной аптечкой. А пока колдует над аптечкой мобильной – она с ним всегда.

До лагеря пять минут. Мчусь что есть духу. Приношу плоское альпинистское десятилитровое ведро с Витиным сокровищем – аптекой на все возможные и невозможные случаи восходительских ЧП. Витя делает парню несколько уколов, необходимых при травме внутренних органов. Через час пострадавшего доставляют в больницу в Душанбе. Когда сделали рентген и анализы, врачи сказали парню – скажи спасибо доктору, который оказался рядом с тобой в Варзобе. Если бы не он, тебя бы до больницы просто не довезли.

Вытащить человека с того света – это тоже спасработы. Витя был прирожденным спасателем. Много раз участвовал в спасработках в горах, в 1988 году спасал людей в разрушенном страшным

землетрясением Спитаке в Армении. Иметь в команде такого человека, не только высококлассного альпиниста, умного, душевного товарища, а еще и доктора-травматолога, великолепного диагноста, было огромной удачей. Кандидат наук, блестящий практик, Виктор постоянно в своем деле шел вперед, совершенствовался, изучал литературу, сам писал статьи в медицинские журналы. Кстати, тема его диссертации была связана с проблемами лечения переломов шейки бедра. Сейчас, наверное, был бы уже доктором наук. Может, и диагноз «перелом шейки бедра», будь он жив, перестал бы звучать для стариков приговором.

По идее, такое отношение к делу, как у Вити, должно быть нормой. Но это уже из области фантастики. В нашей жизни сегодня другие нормы. Для Пастуха это, конечно, не было секретом. Не сомневаюсь, находились доброжелатели, пытавшиеся учить «прекраснодушного» доктора уму-разуму. А он по-другому не хотел и не умел. Так работали его родители, Виктор это воспринимал как должное, по-другому не мог. Наверное, потому такие люди, как Витя, и шли в альпинизм, где другая обстановка, другие отношения и ценности.

Тренировался Пастух в секции мединститута у Володи Сухарева, одного из лучших тренеров, друга моего первого наставника Владимира Поберезовского. А еще мы с Сухаревым были соседями, жили в харьковском «спальном» районе Салтовка неподалеку друг от друга, часто встречались на утренних или вечерних пробежках. Когда он довел Пастуха до приличного уровня – первого разряда, КМС, попросил: возьми Виктора в команду. Я его к тому времени знал и по больнице, и по загранице. В нашей команде альплагеря «Эльбрус» Витя стал чемпионом СССР. Но у него и до этого были в активе серьезные горы. Очень скоро выяснилось, что Витя не только прекрасный врач и надежный партнер, ему можно было поручить любую хозяйственную работу. Оказалось, что руки хирурга умеют буквально все. Не было такого дела, какое бы Пастух не смог сделать. Причем великолепно, мастерски.

Когда начался отбор на Канченджангу, каждый претендент в команду должен был иметь в активе не меньше трех семитысячников. У Вити недобор – только два. Я – к старшему тренеру Овчинникову. Говорю: «Вот есть такой хороший парень, я бы посоветовал его взять.

Не потому, что это мой земляк и товарищ. А потому, что он прекрасный альпинист». Овчинников ответил: «Сергей, ну кто же нам скажет, если не мы друг другу? Конечно, возьмем парня». Очень правильный подход, не буквоедский, мол, не хватает семитысячника – разговор окончен. А Вите я сказал: «Виктор, тебя взяли, а дальше ты должен себя проявить». Не сомневался, что Пастух как спортсмен, как врач, как открытый, активный, позитивный человек отлично впишется в команду. Так и произошло. Виктор успешно прошел отборы. За него было и то, что он не только прекрасный восходитель, но и врач-травматолог. Кстати, у нас в команду отобрались тогда два классных врача. Кроме Вити еще и Женя Виноградский из Свердловска (теперь Екатеринбург). Потом мы участвовали в различных чемпионатах, экспедициях, восхождениях – на Кавказе, на Памире, других горах.

Витя за что ни брался – все у него получалось. Если пафосно говорить, он был человеком высокого уровня – и как альпинист, и как врач, и как друг. Очень надежный во всем. Порядочный, обязательный. Началась перестройка, цены взлетели, а зарплата врача – 20 долларов. Семья, дети (двое сыновей) – как выживать? Ира, Витина жена, оформилась на работу в Ливию. Там зарплата была на порядки выше, позволяла достойно жить, кормить семью, путешествовать. Ира по специальности офтальмолог. А травматологи оказались не нужны. Виктор приложил максимум усилий, чтобы поехать вместе с женой. Сказал: если не поеду сейчас в Ливию, то уйду из медицины и займусь бизнесом. Он пробовал параллельно, в свободное от дежурств время предпринимательством заниматься – отлично получалось и там. Был бы великолепный бизнесмен, нисколько не хуже нынешних воротил. А захотел бы на производство пойти, в тот же промышленный альпинизм – и там бы преуспел. Или занялся бы восхождениями профессионально, например, стал гидом – тоже прекрасно бы получилось. Правда, как много потеряла бы медицина!

... Все же взяли Пастуха в Ливию, но не травматологом, а терапевтом. Мы оказались за тысячи километров друг от друга. О скайпе и прочих компьютерных штуках тогда не знали. Но контакт у нас был постоянный. Витя регулярно звонил, интересовался, когда и куда собираемся. Он и не думал расставаться с горами. Приехав из Ливии, на Дхаулагири с нами отправился. Если бы не трагедия с Галей Чекановой, наша группа, в которой и Витя был, взошла бы на вершину.

Когда Галя шла на гору, Витя одолжил ей свой комбинезон, очень яркий, красно-синий. Мы потом, когда ее искали, пытались среди снегов по комбинезону высмотреть. Так и не нашли. А на следующий год искали уже Виктора с Геной...

Витя фактически был спортивным руководителем той экспедиции. Иван Валеня общее руководство, финансовые, организационные вопросы взял на себя, а Пастух – восходительскую часть. Вся стратегия, тактические планы – этим Витя с Геной Василенко занимались. Оба альпинисты высокого класса, очень опытные, предусмотрительные. То, что произошло с ними на Шише... Все предусмотреть невозможно. На сколько бы ходов ты ни просчитывал развитие событий, непредсказуемые трагические повороты нельзя исключить полностью. Роковое стечение обстоятельств, а не ошибка в расчетах унесло жизни моих друзей. Но кому от этого легче? Мы дружили семьями, все праздники вместе проводили. Были ближе, чем родственники. Дочка Настя хвасталась подружкам: «У меня два папы – родной Сережа и крестный Витя».

Когда Виктор погиб, его жена Ирочка, моя кума, сказала: «Не верю!». Я понимаю, в это невозможно поверить. Начали ходить к экстрасенсам, ясновидящим... Мама Иры Галина Степановна говорит однажды: «Я ходила к экстрасенсу, сказали, что Витя жив. Он ушел в Тибет, он где-то там»... Зная Витю, ни за что не поверю, что он мог бросить сыновей на произвол судьбы. Как и Гена Василенко. Они бы детей, свои семьи не оставили никогда. Нет ребят, но близким смириться с этим невозможно. Вера поддерживает... Так же было и в 1980-м после трагедии на пике Победы. Тоже жены не верили, теплилась надежда: они где-то в Китае, их не выпускают. Пока мы не нашли погибшего Костю Рыбалко у вершины. Я Вале, жене Леша Трацевича, привез конец веревки: вот, смотри, она не оборвана, обрезана (значит, единственно возможное предположение, что при обрыве карниза кто-то из повисших на «скользящих» карабинах ребят, что само по себе нарушение, не выдержав удушья, «помог себе» и обрезал веревку). Не знаю, успокоили ее мои слова или, наоборот, лишили последней надежды.

Мнене забыть той долины, Холмик из серых камней... И ледоруб в середину Воткнул руками друзей. Ветер тихонько колышет, Гнет

барбарисовый куст-Парень уснул и не слышит Песен сердечную грусть...

Эту песню знают все альпинисты. Она написана в годы Великой Отечественной участником боев за Кавказ Николаем Моринцом в память о ком-то из погибших друзей, военных альпинистов. Нет холмика, нет барбарисового куста на том роковом склоне гималайского восьмитысячника Шиша-Пангмы, где лавина унесла жизни Вити Пастуха и Гены Василенко. Осталась память. И песня, которой несколько поколений наших альпинистов поминают своих не вернувшихся с восхождений товарищей. Не важно, в Гималаях та жестокая гора, в Альпах или на Кавказе, «кто-то в долину вернется, холмик он тот посетит».

В какие моменты мне больше всего не хватает Вити? Да в любые. Каждый день. Это была радость – вместе с ним ходить в горы, дружить, общаться. Просто знать, что он есть...

ГОВЕРЛА. КТО КОГО ПОДНЯЛ

Ну вот и все. Вершина! Они смогли. Они это сделали! Как передать словами, что сейчас чувствует каждый? Позади изматывающий подъем, крутой склон, скользкие камни. Ветер студит разгоряченные лица. На все четыре стороны, сколько хватает глаз... Стоп! Глаз-то как раз и не хватает, 14 восходителей – инвалиды по зрению. О красотах панорамы Карпатских гор необычным подопечным рассказываем мы – 11 инструкторов альпинизма из Харькова и Ивано-Франковска. В альпинистской книжке каждого из нас – десятки, а то и сотни восхождений, но такого точно не было. Самое смешное, что не только незрячие ребята, а и я, где только ни побывавший за десятилетия занятий альпинизмом, впервые совершаю подобное путешествие в уютных, как домашние тапочки, приглаженных временем Карпатах.

Идея сделать незрячим землякам экстремальный новогодний подарок в виде самой высокой украинской горы Говерлы родилась у Виктора Назаренко, тогдашнего директора Харьковского областного альпклуба. Ему много лет не давало покоя воспоминание об одном эпизоде путешествия в индийских Гималаях в далеком уже 1989 году. Где-то на крутом, поросшем лесом склоне его группа обогнала странную компанию. Человек двадцать одетых в белое людей с поднятыми к небу радостными лицами шли вереницей по горной тропе, положив друг другу на плечи руки. Они что-то весело выкрикивали, оживленно общались. Приветливо пропустили вперед чужестранцев. И продолжили путь – восторженные, счастливые, устремившие вверх невидящие глаза... С ними шли проводники, помогая, придерживая на трудных участках. А гиды, шедшие с группой Виктора, в ответ на недоумение его спутников: мол, зачем тащить в горы незрячих людей, ведь все равно ничего не увидят, отвечали чуть снисходительно, как взрослые – глупым детям: им необходимы подобные путешествия, чтобы они не чувствовали себя обделенными. В развивающейся (то есть, недоразвитой по сравнению с СССР) Индии находили возможности думать о подобных вещах.

Представителей самой передовой в мире советской державы это шокировало, заставляло многое переосмыслить. Еще несколько раз наши путешественники встречались с той группой незрячих индусов. Видя их искреннюю радость, слыша песни у вечернего костра, советские гости ощущали себя обделенными чем-то очень важным. Вот тогда Витя Назаренко и решил во что бы то ни стало провести нечто подобное дома. Поделится задумкой с нами. Воплотить идею в жизнь удалось не скоро.

В 2006 году на один из наших клубных вечеров пришел журналист Владимир Носков. Заглянул просто послушать, а ушел участником будущего восхождения. Как объясняли потом Назаренко с Носковым, «встретились два сумасшедших и пошло-поехало». Володя Носков – незаурядный человек. Упрямо доказывает себе и другим, что отсутствие зрения – еще не повод запирается в четырех стенах. Адреналина, с избытком поставляемого журналистской работой, ему мало. Сплавлился на байдарке по горной реке, бывал и в пеших походах. Пообщавшись с Витей Назаренко, Носков собрал еще 13 таких же «сумасшедших», не намеренных ставить на себе крест из-за несправедливости судьбы. Возраст – от 21 до 36, профессии: юристы, студенты, домохозяйка. Мы с Виктором Назаренко, Леонидом Волковым, другими нашими инструкторами взялись тренировать будущих восходителей. Договорились с коллегами из Ивано-Франковска. Нашли понимание в мэрии – восхождение проходило под патронатом Харьковской городской администрации. Хотя не скрою, сомнения были у многих.

Закройте глаза и попробуйте просто пройти хотя бы квартал по собственной улице. Вряд ли вам удастся преодолеть этот путь без неприятностей. А здесь – гора! Но энтузиазм ребят, продуманная до мелочей подготовка, регулярные двухмесячные тренировки вселяли уверенность: сделаем гору! Покорять вершину 23 декабря решили не потому, что Новый год, Рождество – время чудес. Говерла, хоть и является самой высокой вершиной Украины, «ростом» не вышла – всего 2061 метр. Только зимой восхождение на нее считается альпинистским – 1-Б категории сложности. А нам хотелось подарить «подшефным» именно альпинистское – под эгидой альпклуба – восхождение.

Приятные неожиданности начались еще в поезде, который неспешно пересекал Украину с востока на запад целые сутки. Ломать голову, чем занять коллектив, не пришлось. Такую веселую, сплоченную компанию еще было поискать. А как они пели в несколько голосов – весь вагон заслушался. Кто-то из ребят играл в шахматы – вслепую, и чувствовалось, что дело это им привычно и очень даже по душе. Некоторые особо сложные партии длятся по нескольку дней. Удивительные ребята!

Мы, конечно, были готовы к любым неожиданностям на горе, а подопечных настраивали так, что, если разгуляется непогода, восхождение перенесем на следующий год. Спасибо, «небесная канцелярия» постаралась. Солнце сияло над Карпатами, как по заказу, хотя до этого несколько недель подряд Говерлу скрывал туман. Правда, ветер разгулялся не на шутку, но это особо не беспокоило: со склона не сдувает – нормально. Экипированы все были надежно. Ребята проявили себя отлично: не ныли, не хныкали, по жесткому фирну шли в «кошках» по навешенным веревочным перилам. В общем, значки «Альпинист Украины» по возвращении получили по праву. Вспомнился курьезный эпизод. Девушке-журналистке надеть на горе «кошки» помогал незрячий парень Сергей Шилько. Она-то с нами не тренировалась, а Сережа сто раз эту процедуру проделывал. Смеялись: битый небитого везет. Поднимались на гору со своими необычными спутниками, рассказывая им об опасностях пути и обо всем, что видим. «Ну сколько еще до вершины?», – спрашивали нас. «Рукой подать. Правда, смотря какая рука». Но вот и конец подъема. Стоим у огромного креста. Скажу честно, таких ярких эмоций, пожалуй, не переживал даже на самых победных своих вершинах.

... Вернулись домой, появились публикации в центральной, харьковской прессе, за рубежом. И сопутствующие им устные комментарии типа: «пиарятся» ребята – подняли слепых на Говерлу, в следующий раз безногих поведут. Что поделаешь, у нас хватает людей с ограниченными возможностями сердца, души. Сами обделенные добротой, они почему-то отказывают другим в праве жить полной жизнью. Мы незрячих ребят на Говерлу сопровождали. А вот они нас действительно подняли! Дело ведь не в высоте над уровнем моря. Тут совсем о других высотах речь.

Счастлив, что в моей жизни есть такая вершина. Правда, и немножко грустно. Когда спустились с горы, планы у ребят были наполеоновские. В следующем году – на Эльбрус! Но пять лет минуло, а так и не удалось осуществить эту мечту. Не только потому, что подняться на кавказский великан несравненно сложнее. Эту трудность можно было бы преодолеть, допустив к восхождению наиболее сильных и подготовленных, увеличив количество гидов и т. д. Как всегда, все упирается в финансы. Впрочем, Володя Носков не унывает. Летал на парашуте, воздушном шаре, еще какими-то рискованными проектами вселяет оптимизм в тех, кто готов смириться с приговором судьбы. С мечтой подняться на Эльбрус он не расстается!

ЧАСТЬ IV

ПО ТУ СТОРОНУ ОБЫДЕННОСТИ

АЛЬПИНИЗМ «ЗАКОНСЕРВИРОВАЛИ» И «ОБЕСТОЧИЛИ»

В истории спорта происходило не раз, что от одного вида спорта отпочковывались и начинали жить самостоятельно другие. Например, из туризма выросли спортивное ориентирование и водный слалом, ставший олимпийским видом спорта. Все логично. Чтобы повысить уровень мастерства, усовершенствовать технику спортсменов, проводились соревнования по технике туризма, в том числе водной, ориентированию. Высокий технический уровень – это, прежде всего, безопасность. Соревнования стимулировали качественный скачок, попутно выяснилось, что такие турниры сами по себе вызывают интерес. Часть спортсменов стала заниматься не туризмом вообще, а конкретно ориентированием или водным слаломом. Так же родилось и скалолазание. Заслуженный тренер СССР Иван Иосифович Антонович придумал соревнования на скалах, чтобы обучить альпинистов – и не просто альпинистов, а инструкторов альпинизма, горных гидов, поднять их уровень мастерства.

Сегодня альпинизм и скалолазание все больше отдаляются друг от друга. Коммерциализируются, трансформируются. Скалолазание вообще изменилось кардинально. Спорт, родившийся на скалах, переехал в города, под крыши, его как бы законсервировали. Печально, но мы привыкаем к суррогатам теперь уже и в спорте. Так выгоднее производителям снаряжения, они диктуют правила игры. Залы, стенды – это гораздо большее, чем на природе, количество зрителей, соответственно, другие размеры прибыли от рекламы и прочего. Понимаю, процесс этот необратим. В результате скалолазы, составлявшие не так давно надежный резерв альпинизма, уже не пополняют ряды восходителей.

Когда-то давно, когда первые скалолазы пошли в горы, их встречали с опаской. Наши старшие товарищи из поколения, которое стартовало в альпинизме до войны, сразу после войны, категорически «лазунов» не воспринимали – мол, альпинист должен медленно, уверенно, спокойно, и главное – надежно идти по маршруту. А

скалолаз – что? Ему секундомер включают – он с квадратными глазами побежал. Это была очень распространенная точка зрения. В середине шестидесятых я, новичок, еще застал ситуацию, когда старые альпинисты утверждали, что зимой надо не тренироваться, а накапливать жирок, чтобы было что сбрасывать летом на восхождениях. Жирку требовалось много – одну вершину могли штурмовать неделями, а то и месяцами...

Но жизнь брала свое. Что бы кто ни говорил, из скалолазов стали вырастать серьезные альпинисты. На сложные проблемные стены пришли люди не только с другой техникой, а с другой, чисто спортивной подготовкой. Относящиеся к альпинизму как к виду спорта, требующему постоянных систематических интенсивных тренировок. Наши предшественники, добившиеся многого – Виктор Ерохин, Лев Мышляев, были инициаторами переворота во взглядах на альпинизм. Доказывали -восхождениями! – необходимость регулярных круглогодичных тренировок, пусть альпинизм и сезонный вид. Зимой не так много и раньше ходили. Сейчас любители экстрима ходят и зимой, но все-таки и на Кавказе, и в Альпах главный сезон – летом. В Гималаях – весной и осенью. А в Каракоруме – как у нас на Памире, лучшее время – начало и середина лета.

Я пришел в альпинизм, когда «законодателями мод» в нашем спорте стали приверженцы нового подхода. Такие, как великолепный скалолаз и сильнейший альпинист Виктор Маркелов, ученик Виктора Ерохина. Слава Онищенко, Миша Хергиани (для своего времени уникальный скалолаз, на голову выше общего уровня) – они в скалолазание из альпинизма пришли, а Маркелов – это уже следующее поколение, которое в альпинизм шло с опытом скалолазания. Опытные, квалифицированные, думающие альпинисты. Такие мастера несли в альпинизм спортивный подход, иной стиль, темп и побеждали на чемпионатах Союза. Скоро все, и наши старшие товарищи тоже, поняли, что со скалолазной подготовкой люди ходят в горах очень надежно. Ведь мы же тренировались в связках. Соревнования в связках – сегодняшние скалолазы понятия о них не имеют – это был чистый альпинизм: работа первым и вторым, крючья, закладки, веревка, умение лазать и страховать. Крымская связка – это надежная забивка крючьев, умение идти по маршруту быстро, грамотно страховаться, безаварийно спуститься. Домбайская связка – набитый

маршрут. Это просто скоростное прохождение маршрута со страховкой, полная имитация восхождения. И когда человек тренирован в этом, он автоматически все выполняет. Делает все быстро, но без спешки – в горах нет секундомера. Просто он привык не зевать, работать надежно, четко его к этому приучило скалолазание. Мощный прорыв в новое качество альпинизму во второй половине XX века обеспечило скалолазание. Как раз тогда из скалолазания в альпинизм пришло наше поколение.

Альпинизм – это, во-первых и в главных, умение лазать по скалам. Если оно доведено до автоматизма опытом скалолазания, то на сложном техническом восхождении ты уверенно и надежно сможешь работать и первым, и вторым, набирая от горы к горе необходимый опыт. А умение лазать на высоте – это уже универсальность. Высшая степень мастерства. Великие альпинисты – Михаил Хергиани, Вячеслав Онищенко, Виктор Маркелов, Михаил Туркевич и многие другие занимались альпинизмом и скалолазанием параллельно. Сегодня такое немыслимо. Другим стал и альпинизм. Но то, что сегодня он далеко не на подъеме, не в последнюю очередь связано с отсутствием притока скалолазов. Это мне напоминает ситуацию с бездумным осушением болот в семидесятые годы XX века. Осушили и схватились за голову: реки пересыхают, почвы теряют плодородность... Но многого уже не вернуть. Вот так же перекрыли приток энергии, «обесточили» альпинизм.

Те, кто занимался скалолазанием на естественных маршрутах, сегодняшнее скалолазание воспринимают, мягко говоря, с трудом. Потому что у нас все происходило на естественных скалах. Это было общение с природой, очень похожее на альпинизм. К чему мы стремились и стремимся из «суеты городов и потоков машин». А сейчас скалолазание – это спортивные залы. Это чемпионат мира, Кубок мира, Всемирные игры по неолимпийским видам спорта, чемпионат Европы. Вот-вот скалолазание войдет в олимпийскую семью. Конечно, жаль, что в том, нашем скалолазании, не было таких престижных турниров. Проводились отдельные международные соревнования, на которых мы выступали очень успешно. В Польше, в Зелена Гуре в 1997 году я выиграл индивидуальное лазание, лазание в связках – вместе с Геннадием Василенко, и многоборье. На международном турнире в Японии мы представляли СССР с Валерием

Першиным. Я выиграл короткий и длинный маршруты, многоборье. А вот чемпионом мира или Европы не становился ни разу – не было тогда чемпионатов. А хотелось бы. Кроме всех этих скалолазных чемпионатов и кубков проводятся еще и коммерческие соревнования, где разыгрываются очень серьезные призовые. Туда приглашаются лучшие – чемпионы и призеры. Выиграл – и можно безбедно жить полгода-год. Поучаствовать в таких турнирах я бы тоже хотел. Для меня это подразумевает возможность ездить в горы. Правда, когда я входил в сборную страны по скалолазанию, почти всю очень скромную валюту, которую мы получали в качестве призовых, нужно было отдать «дяде» из Госкомспорта.

Жалею, что не пробовал соревноваться в таком виде скалолазания, как боулдеринг (серия коротких, предельно сложных трасс на небольшой высоте). Его тоже в мое время не существовало. Мне кажется, мог бы добиться неплохих результатов – моим коньком всегда была высокая проходимость. Мы ее оттачивали постоянно – на чемпионатах Союза маршруты с каждым годом усложнялись. Но там главным был секундомер, скорость. В боулдеринге не спешка нужна, а сила, координация, цепкость. В общем, любопытный вид.

Сам давно уже скалолазанием не занимаюсь – это спорт молодых, но среди моих студентов есть чемпионы мира, Европы, Украины. Когда беседую с ними о разнице в естественном и искусственном рельефе, ребята признают – стенд не дает той полноты подготовки, которую давали настоящие скалы. Сильнейшие скалолазы сейчас тренируются не только на стендах, но и на настоящем скальном рельефе. Это дает более разнообразную подготовку, совершенно другую технику. Но самый большой минус перехода на искусственные скалы в том, что исчезла обратная связь между скалолазанием и альпинизмом.

У отечественных скалолазов свои проблемы. Когда-то выступавшие вне конкуренции в лазании на скорость, они сегодня теряют позиции. Нет современных стендов. Например, появился такой вид, как стандартный маршрут. Это стенка определенной высоты, с определенными углами наклона, одинаковым количеством зацепов одной и той же конфигурации, расположенных на одинаковом расстоянии. Своего рода беговая дорожка, только поставленная вертикально. Хоть в Париже, хоть в Пекине – совершенно идентичная.

Бегай по ней с умом и в конце концов станешь лучшим. У нас в Харькове таких стандартных маршрутов пока нет.

Пока альпинизм и скалолазание движутся каждый по своему маршруту, нигде не пересекаясь, как параллельные прямые. Правда, в математике, как известно, незыблемую со времен Евклида ситуацию изменил нетрадиционный подход к проблеме великого Лобачевского. Возможно, и в нашем случае не стоит терять надежду? Тем более, что Россия уже возвращает в свою систему чемпионатов скальный класс – соревнования по прохождению коротких (до 100 метров) скальных трасс без восхождения на вершины.

БЕЙСКЛАЙМБИНГ НА ВАШ ДРАЙТУЛЛИНГ

Разительно, на глазах одного поколения меняются горы. Еще более разительно и стремительно меняется альпинизм. Похоже, на нынешнем витке развития он пребывает в ожидании прорыва в какое-то новое качество. Пока же развивается вширь, а не ввысь (речь, конечно, не о высоте вершин, там потолок давно достигнут, об уровне восходительства). Один за другим отпочковываются от альпинизма новые ветви-виды, оставаясь в какой-то мере для него прикладными. Из альпинизма выросло скалолазание, о котором шла речь в предыдущей главе и которое, надеемся, уже в 2020 году станет олимпийским видом спорта. Выросло ледолазание, по которому проводятся чемпионаты мира. Отпочковались скоростные забеги в горах – скайраннинг. Бейсклаймбинг – восхождение на вершину и полет с нее на парашюте (именно таким образом, понятия не имея о названии, я спускался с Южной стены Лхоцзе в 1990-м. Жаль, что во сне). Подъем на вершину и спуск на лыжах – ски-альпинизм, невероятно популярный в альпийских странах. В России в рамках горного фестиваля Red Fox проводятся Кубок России, Кубок Победы по ски-альпинизму. Чемпионаты России по ски-альпинизму. Развитием этого вида спорта занимается ФАР (федерация альпинизма). В Украине ски-альпинизм, к сожалению, почти не известен и не развивается.

На Эльбрусе уже стали традиционными горные фестивали. В 2009 году быть главным судьей такого праздника пригласили меня. До этого возглавлял судейскую коллегию Ерванд Ильинский, в 2010-м – Александр Погорелов (я был заместителем главного арбитра). Чтобы поднять престиж соревнований, возглавлять их приглашают людей с именем. Подобные мероприятия в Приэльбрусье проходят под эгидой двух конкурирующих Санкт-Петербургских фирм. Весной «фестивалит» Red Fox (Александр Глушковский и Владислав Мороз), а осенью – братья Шустровы. Меня приглашал Red Fox. Глушковский и Мороз – мастера спорта международного класса по альпинизму, успешные бизнесмены. Занимаются любимым делом – производят

снаряжение для альпинизма, туризма, других экстремальных видов спорта. А еще совмещают бизнес-интересы и порывы души, организуя замечательные соревнования. Интересно было побывать на горном фестивале. Когда-то гвоздь их программы – горные забеги – придумали как один из видов отбора в гималайские команды. Мы с Глушковским и Морозом вместе в них участвовали. В основной состав Саня не прошел, поехал в составе киногруппы. Сейчас горные забеги – скайраннинг – самостоятельный вид со своей международной федерацией. В 2010-м дистанции установили с 2500 м (чуть выше нижней станции канатной дороги Азау) до станции Мир (3500 м) – километр по высоте. По горнолыжной трассе. В забегах участвуют мужчины и женщины. По положению, те, кто намерен участвовать в забеге на Эльбрус от конечной станции канатки Гара-баши (3700 м) до Западной вершины Эльбруса (5642 м), обязательно должны стартовать в забеге на километр. Это своего рода отбор, чтобы не допустить к участию в основном старте неподготовленных. Забеги – спорт в чистом виде. Так сказать, альпинизм наперегонки. С элементами риска. Потому что погода на Эльбрусе меняется очень быстро, порой за несколько минут. В начале мая, когда редфоксовские соревнования проводятся, погода особенно переменчива. В горах в это время, по сути, еще не кончилась зима.

Весной 2010-го нам повезло, не было ни жестокого ветра, ни сильного мороза. Отличная видимость. А годом раньше на перемычке Эльбруса (5350 м) было минус 15. На вершине – минус 20 – 25, к тому же плохая видимость. Первых пятерых участников пустили на вершину, а остальных на перемычке «отсекли». Зачет делали по времени, затраченному на бег до перемычки. Такие решения принимает, исходя из условий, прежде всего погодных, судья по безопасности, находящийся на вершине. Большинство участников забега – альпинисты, причем многие – мастера очень высокого уровня, все поняли, хотя и ворчали. Я и сам хотел подняться на вершину, чтобы там участников встречать, однако мне мягко, но настойчиво напомнили, что главный судья должен быть «в лавке», решать вопросы внизу. Самое поразительное, что участники этих забегов на выполаживающихся частях склона (а на Эльбрусе есть такие выполаживания, например перед скалами Пастухова, это высота примерно 4600 м) начинают бежать. Дух захватывает! В том же году

осенью у Шустровых поляки произвели сенсацию. Они перед этим в Гималаях тренировались. Невероятные результаты показали. Так что есть к чему стремиться и на что ориентироваться. Я считаю, что это не только интересный самостоятельный вид спорта, а еще и великолепная тренировка для альпиниста – как специальная подготовка для скоростных восхождений. В России это поняли раньше, чем у нас в Украине, и сделали одним из видов альпинистских соревнований.

Ски-альпинизм – это подъем на горных лыжах со специальными креплениями для ски-туров, там регулирующаяся пятка – чем склон круче, тем выше пятка поднимается. Ботинки – горнолыжные, но облегченные, как и лыжи. На лыжи надевается камус – раньше это была жестковорсистая часть шкурки оленя или лося, а сейчас искусственный материал, не пускающий лыжу скользить вниз. Наверх поднимаются с лыжными палками, с включенными биперами, чтобы при попадании в лавину сразу можно было найти человека. Плюс снежная лопата, фонарик, небольшой рюкзачок. Шнур, ледовые крючья, фляжка с водой. Участник соревнований поднимается по размеченной судьями трассе, обозначенной флажками. Где-то может быть трасса с перилами – если рельеф требует прищелкнуться и пройти по закрепленной веревке. Где-то, возможно, придется снять лыжи, пристегнуть их к рюкзаку и пролезть крутой скальный участок. Ты должен быть и к этому готов. Технический участок проходишь – спуск. Потом еще подъем. Может быть несколько таких спусков-подъемов. И наконец выход на верхнюю точку, спуск и финиш. Соревнования по ски-альпинизму проводятся как личные, так и командные.

Еще интересный вид спорта, соревнования по которому проводит Red Fox, – забеги на снегоступах. Надеваются снегоступы – и вперед, кто быстрее. На Западе такие соревнования проходят очень интересно и многолюдно. Выбирается живописная трасса, не слишком длинная – победители показывают время от получаса до часа. Бывает и наоборот – выбирают трассы подлиннее, на них выходят семьями, по пути заглядывают в горные кафе выпить глинтвейна. Фотографируются, снимаются на видео на фоне прекрасных пейзажей...

Набирает популярность драйтуллинг – своего рода гибрид между скало- и ледолазанием. Проще говоря, лазание по неледяной поверхности в ледолазном снаряжении – в «кошках», с ледорубом. Он

также отпочковался от альпинизма, ведь не одно десятилетие альпинисты ходят на скальных (не говоря уже о комбинированных) маршрутах с использованием ледорубов типа фиф. Экстравагантный стиль вызывает нарекания любителей природы – такое лазание наносит урон скалам. Ничего удивительного, что, повторяя судьбу скалолазания, драйтуллинг перебирается под крышу, на искусственные поверхности. В этом заинтересованы коммерческие структуры, спонсирующие турниры.

Не стану подробно рассказывать о каждом из новых видов. Разнообразных «отростков» альпинизма, многие из которых не без оснований относят к крайне экстремальным, столько, что трудно упомянуть все названия. Острословы заменяют ими крепкие выражения. Так же витиевато, как ненормативная лексика, но гораздо элегантнее: «Бейсклаймбинг на ваш драйтуллинг!». Время покажет, какому из новичков уготована долгая дорога и популярность, а кому – забвение. Но думаю, что как не стоит отталкивать от альпинизма людей, поднимающихся на вершины с помощью гида просто ради удовольствия, так не стоит огульно отбрасывать «околоальпинистские» виды. Тем более, что, как уже отмечалось, большинство из них неплохо готовят людей к восхождениям.

«ОШИБСЯ – УМРИ!»

Чего я не попробовал в альпинизме? Не ходил соло по-настоящему. Не было мотивации. Альпинизм для меня – это всегда коллектив, команда. Пусть даже только двойка. Это изначально было заложено в душу первыми тренерами, учителями, старшими друзьями. Ходить в одиночку не тянуло никогда. Не потому что не умел. Я все-таки лазал неплохо. В техническом отношении соло для меня не проблема. Психика устойчивая. Но вот не интересовало. Не нахожу кайфа. Опять же риска больше. Даже в таком простом деле, как прохождение ледника. Закрытые трещины один не обойдешь. Если ты на скале, то можешь страховать себя рюкзаком, там ты в себе уверен, а вот на леднике каждый раз будешь рисковать. На стенных маршрутах соло я не пробовал, а на самую высокую вершину СССР – пик Коммунизма (7495 м), где, в основном, пешком идетя, сходил. Не вдохновило. Да и соло получилось весьма относительное.

Я уже рассказывал, как в 1991 году, вернувшись из Непала после Манаслу, решил взойти на три семитысячника. На Ленина и Корженевской сходил с Геной Василенко и его подопечными американцами. Потом американцы отправились домой, а я – на пик Коммунизма. Шел по классическому маршруту Бородкина через пик Душанбе. Для одиночного восхождения объект оказался чересчур популярным. Поднимаюсь на Памирское плато (6100 м), а там палатки стоят. Располагаюсь рядом. Утром мимо меня люди вниз пошли. «Здравствуйте, а вы кто? Откуда? А мы вот...» Обычные в таких случаях разговоры, пожелания удачи. Выхожу один налегке, без рюкзака, чтобы успеть с 6100 м подняться на вершину и вернуться. Топчу ступени. Снег довольно глубокий. Понимаю, что за день пройти гору не успеваю. Возвращаюсь в палатку. Опять кто-то встает рядом на ночлег. На сон грядущий беседы беседуем. Следующим утром встаю пораньше, прохожу по собственным следам. Где-то их замело, где-то – нет, но успеваю подняться гораздо выше. Выскакиваю на пик Душанбе (7000 м) и натыкаюсь на палатку. «Есть кто?» – «Есть. А вы кто?» – «Да вот на гору иду». – «Да? А мы все никак не соберемся». Дальше

поднимаюсь. На 7400 м – еще палатка. А в ней старый знакомый москвич Валентин Божуков. Ждет ветра, чтобы прыгнуть с парашютом. Ну чем не экстремал? Валентин долго вынашивал идеи парашютных прыжков на вершины, с вершин. На тот момент экспериментировал на главном пике страны. Его товарищ, парашютист и альпинист Алексей Мартынов, поймал ветер и прыгнул, а Валентин ждал подходящего порыва. Площадь вершины небольшая, чуть не туда ступил – полетишь далеко и без парашюта. Нужного ветра все нет. Божуков угостил чайком, одолжил мне ледоруб. Я шел с лыжными палками, но на предвершинном гребне без ледоруба неудобно – самостраховку не организуешь и есть куда падать. Поднялся на вершину. Спустился к Божукову, вернул ледоруб, предложил помочь тащить вниз парашют. Упорный Валя остался ждать ветра. Ну а я вернулся на 6100 м, снял палатку, собрал вещи и дунул вниз. Кайфа от условного одиночества на маршруте не поймал. Кайф был от другого: сделал за сезон три семитысячника.

Любой вид спорта экстремален по сравнению с обыденной жизнью. Альпинизм на фоне многих видов – экстремальный. Но и в нем есть свои экстремалы. Те же поляки, я считаю, очень ярко заявили о себе в гималайском альпинизме. Хотя и не были там первыми. Зато первыми (и долгое время – единственными) совершали зимние восхождения на гималайские восьмитысячники. Вот это экстрим! А когда их спрашивали, мол, как такое пришло в голову, отвечали: летом, когда тепло и погода, мы деньги зарабатываем, на экспедиции в том числе, – на высотных работах, различных покрасках, мойке стекол высотных зданий и т. д. А зимой свободного времени полно, почему не взойти куда-то?

Вообще-то к экстремальному альпинизму я отношусь как к данности. Ну хотят люди в одиночку ходить. Или по веревке над пропастью. Или на стеклянный небоскреб вылезать без страховки. Экстремизм в любых проявлениях я не приветствую. Но если кому-то так больше нравится и не создает угрозы для остальных – вперед. Сегодня все доступно. При этом сам остаюсь приверженцем традиционной ориентации. В том числе и в альпинизме. Хотя в моей восходительской практике экстрима хватает. Ночное восхождение на Эверест в 1982-м. Южная стена Лхоцзе – чистый экстрим. Или взять тот же маршрут на Аннапурну, пройденный украинской сборной в

1996-м, – очень серьезный, я бы сказал, на грани фола. Риска и приключений в альпинизме достаточно, даже когда ходишь в команде или двойкой.

Каждый волен заниматься тем альпинизмом, который ему по душе. Кто-то выдвигает в качестве причины, толкающей в «солисты», проблему отсутствия партнера. Честно говоря, как-то не верится, что альпинист, достигший приличного уровня, прошедший определенный путь, не встретил на этом пути близкого по духу и уровню техники человека, с которым способен совместиться. Но, допустим, хочется в одиночку ходить – имеешь право. Тем более, что у людей интерес к этому больше. Месснер очень любил описывать, как ему страшно, жутко. Мне кажется, в некоторых моментах он даже специально сгущал краски, чтобы читатель замирал от ужаса и в то же время понимал: этот Рейнхольд – такой же человек, как все. Ему страшно, как и любому другому. Но он умеет преодолеть себя, взойти на вершину. Очень правильный психологический ход. Но и грамотный, хорошо просчитанный бизнес-подход. Как преподнесешь себя, так к тебе и будут относиться. Или вот россиянин Валерий Баба-нов утверждает, что соло – совсем другой калибр восхождений. Это, как пишет Бабанов, своего рода наркотик – «я не могу с этого соскочить». Знаменитый швейцарец Ули Штек, предпочитающий ходить так называемым свободным соло, то есть в одиночку без страховки, объясняет, почему его привлекает такой стиль восхождений. Мол, самый кайф лазания без веревки – испытать давление собственных эмоций, побороть свой генетический голос. Правда, добавляет он, напряжение не должно быть слишком сильным, надо себя беречь... В одной из статей о «солистах» автор восхищенно ужасается: «Люди, практикующие это смертельно-опасное занятие, четко следуют одному простому и жесткому правилу: «ошибся – умри»...

Честно говоря, меня этот горный вариант «русской рулетки» наводит на мысль о наличии у ребят каких-то неизжитых комплексов. Повторю, на любом восхождении рискованных ситуаций сколько угодно. Вот я рассказывал, как у меня был на Ай-Петри первый сложный момент: сорваться – не сорваться. Этот генетический страх надо было подавить. Научиться успокаиваться, не доводить себя до такого. Альпинистам-одиночкам приходится постоянно вводить себя в состояние, не допускающее паники, страха. Непросто все время

балансируют на лезвии бритвы. Этот момент отпечаток накладывает. Если, как сапер, все время за гранью ходишь, что-то в тебе деформируется. Знаю нескольких наших «солистов»-экстремалов. Каждый раз, общаясь с ними, замечал в глазах какое-то особенное выражение. Подобное уже приходилось видеть. Но где? У кого? Вспоминал-вспоминал и наконец вспомнил. Такими же были глаза людей, которые перенесли тяжелую, по сути, травматическую гипоксию, когда их сводили с большой высоты. У одиночных альпинистов, как и у пострадавших от длительного пребывания в «зоне смерти», что-то в глазах проскакивает... клиническое. А глаза – зеркало души. Ультраэкстрим – тоже своего рода «зона смерти». Страх, который ты постоянно подавляешь, и нельзя сделать неверный шаг, потому что: «Ошибся – умри!», а ты пружину сжимаешь, сжимаешь... Судьбы многих звезд «свободного соло» печальны.

Приходилось слышать (конечно, от тех, кто ходит в одиночку), что альпинизм будет развиваться именно в направлении соло. Мол, когда все самое сложное пройдут и так и эдак команды и двойки, придет черед «солистов». И тогда они покажут... Как говорится, поживем – увидим. Пока же смело можно утверждать одно: экстремалы всех сортов и оттенков – находка для производителей снаряжения, предпринимателей, чей бизнес так или иначе связан с горными видами спорта, рекламистов, журналистов. Интерес публики подогревается сенсациями. Просто восхождения, даже по сложнейшим маршрутам, хоть и бывают не каждый день, уже не будоражат. Другое дело – эскапады экстремалов. Их инвестируют, спонсируют, усиленно рекламируют. Все элементарно, как учебник по маркетингу. Даже если случится трагедия, это только подогреет интерес публики. Такова изнанка коммерциализации альпинизма. Так сказать, объективная реальность сегодняшних дней.

Конечно, одиночные восхождения – не для слабых. Их приверженцам не откажешь в смелости, техничности, даже артистизме. Но вот мне приятнее в компании. Не стану утверждать, что так уж интересно, когда большая команда, но есть маршруты, которые в двойке не только сложно пройти, но и проблематично. Ту же Южную стену Лхоцзе, к примеру. Наверное, поэтому никто за 20 лет этого пока и не повторил. Не задавались такой целью? Думаю, если бы чувствовали в себе силы, рассчитывали пройти, то замахнулись бы.

Почему я предпочитаю двойку хождению соло? Во-первых, вдвоем безопаснее. В двойке ты застрахован. Не говоря о том, что в компании всегда лучше, есть с кем поделиться радостью.

ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ ГОРЫ!

Долгие годы отечественный альпинизм во многом отличался от западного. Там это был спорт элиты. Там не было, как у нас, программ: начальной подготовки (два этапа), спортивного совершенствования (два этапа), плюс высшее спортивное совершенствование – всего пять этапов. В альплагерях мы проходили обучение по утвержденным программам. А иностранные альпинисты узнавали, как страховаться, использовать те или иные виды снаряжения, ходить по скалам и льду, изучали тактические действия команды и т. д. по журнальным статьям, учебникам (Интернета еще не было). Или учились у гидов, которых нанимают желающие подняться на гору. Право на существование имеют и тот и другой альпинизм. Наш и западный варианты постепенно сближаются. И у нас «на шару» в горы уже не съездишь. Все за наличные. Расходы примерно одинаковы, только доходы у нас и западных людей разные. Ну и, конечно, сегодня нет такого правильного подхода, который проявили организаторы альпинизма на заре советской власти.

Почему бедная разрушенная страна отрывала немалые средства на «баловство» вроде альпинизма? Да потому, что ее правители жили не только сегодняшним днем, четко усвоив: альпинизм – прикладной вид спорта. К чему его прилагать? К обороне. В годы Великой Отечественной выяснился прискорбный факт: в стране не существовало войсковых частей, обученных войне в горах. Фашисты рвались к нефтепромыслам Каспия через кавказские перевалы, флаг со свастикой развевался над Эльбрусом... Врага остановили ценой огромных потерь. В послевоенные годы одной из задач альпинизма стало учесть этот урок. «Шуткам не учат в наших лагерях, если придется воевать в горах, вместе с ледорубом возьмешь ты автомат...», – пели у альпинистских костров. Защитный цвет брезентовых штормовок, в которых мы ходили на первые восхождения, понятно, был выбран не случайно.

В то же время альпинистская штормовка оказалась удачным вариантом рабочей спецовки. Промальп – известная всем аббревиатура

родилась как обозначение новых подходов в строительстве, гидроэнергетике, других отраслях. Альпинисты со своими веревками-карабинами работали без дорогостоящих строительных лесов, позволяли экономить огромные средства, время, силы. Я сам немало лет отдал работе маляра-высотника. Это давало возможность не только прилично зарабатывать и содержать семью, мы к тому же содержали свой альпинистский клуб, могли организовывать экспедиции. Сегодня альпинистские навыки помогают выживать сотням восходителей. Они зарабатывают на хлеб насущный, занимаясь промышленным альпинизмом.

Прикладной характер альпинизма требовал массовости. Сегодняшние альпинистские базы – далеко не те альплагеря, с которых начиналась спортивная биография моего поколения. Благодаря профсоюзам альпинизм в середине прошлого века стал популярным и массовым видом спорта. Любой студент мог без проблем провести часть каникул в альпинистском лагере. Месячной стипендии вполне хватало на целую смену. Иностранцы, приезжавшие к нам, посмеивались, глядя на непрезентабельные штормовки и устрашающих размеров рюкзаки цвета хаки. Но услышав, что 20 дней пребывания в горах на всем готовом, от питания, жилья, транспортного обслуживания до занятий и восхождений под руководством опытных инструкторов стоит около \$17, завистливо ахали. У них только сутки пребывания в горном отеле стоили больше, чем у нас вся лагерная смена. Вот и получилось, что мы полжизни провели в коммунизме и не заметили этого.

На Западе, повторю, восхождения всегда были спортом элиты. Как, впрочем, и у нас, в горы тоже ходили самые богатые. Но не в смысле денег. В смысле интеллекта – ни в одном виде спорта не было столько академиков, докторов и кандидатов наук, людей умственного труда.

У нас альпинизм был профсоюзным, то есть общедоступным, те деньги, которых стоит наш вид спорта, платили профсоюзные спортивные общества. Сейчас, когда все стало частным, выезды в горы – очень дорогое удовольствие. Позволить себе роскошь побывать в горах может гораздо меньше людей, чем в советские времена. Надо искать варианты, как готовить альпинистов. Взять все полезное, рациональное и из советского альпинизма, и из западного. Времена

изменились, и у нас в Украине, и в России все равно есть программы подготовки, еще работают специалисты, которые тогда были обучены, причем очень неплохо. Стараемся готовить по тем методикам и программам, которые были запущены нашими предшественниками, проверены временем. Например, работают школы начинающих альпинистов – в секциях вузов, альпинистских клубах. В каких-то городах более активно, в каких-то – менее. Повторю, пока среди действующих восходителей немало тех, кто прошел школу еще советской подготовки. И вот главное сейчас – не потерять эти методики, традиции, тогда и уровень будет, и восхождения. Важно передать все это молодым. А передавать есть кому. Нужны только деньги для организации экспедиций, поездок в горы. Но в Украине слишком часты выборы, спонсоры ставят на политиков и краткосрочный успех. Им не до альпинистов с их флагами на вершинах.

То, что мы, старшее поколение, умеем и можем, должно стать собственным опытом преемников. А он нарабатывается годами, восхождениями. От человека к человеку – как в балете. Ты не расскажешь, не запишешь полностью секрет движения. Можно только показать. Слава Богу, есть кино. Но все равно главное передается от человека к человеку. В этом преемственность культуры – альпинистской в том числе. Нюансы невозможно сформулировать. Их можно только прочувствовать в процессе общения, сотворчества. Так создается и утверждается школа. В науке ли, искусстве, спорте – не суть важно. Алгоритм всюду тот же. Если есть школа, она будет и будет «плодоносить» яркими личностями, выдающимися свершениями. Есть в Харькове сильнейшая школа физиков. Есть прославленная школа волейбола. Харьковскую школу альпинизма тоже нельзя потерять.

Если продолжить сравнение между отечественным и западным альпинизмом, то очень важное отличие состояло еще и в том, что у нас это был коллективный вид спорта, у них – свободный. Хочешь в одиночку ходить – ходи, хочешь в двойке, в команде – твои личные дела. У нас существовали четкие, жесткие, обязательные для всех правила. В какой-то мере это было оправданно – уменьшало риск несчастных случаев (при такой системе их меньше). С другой стороны, одиночные восхождения правилами просто запрещались. Сейчас и у

нас свобода – можешь ходить в одиночку, сколько душе угодно. Хотя в правилах соревнований к участию допускаются команды составом не меньше двойки. Одиночки не участвуют. Но совершать восхождения соло не возбраняется – заявишься, что идешь на такую-то гору, и вперед.

Альпинизм сегодня – спорт если не миллионеров, то людей не бедных. Впрочем, он всегда таковым и был, с самого рождения в 1786 году. Во всем мире, кроме СССР. Сегодня и у нас альпинизм – спорт избранных. При такой стоимости пребывания в горах, стоимости снаряжения – это элитарный вид, доступный немногим. Как конный спорт, парусный, гольф, теннис. Там без финансов тоже нечего делать. Когда начались первые восхождения, путешествия в горах рассматривались как «вредное чудачество». Одно дело, когда люди живут в горах и взбираются на кручи для выживания, скот гонять, сено косить и т. д. А вот если ради удовольствия – «с жиру бесятся»- Потом отношение к восхождениям как к чудачеству изменилось. Люди стали подниматься на горы. Восхищаться их красотой. Пушкин, Лермонтов, Толстой – каждого из них встреча с Кавказом потрясла, вызвала настоящий взрыв творческой энергии. Но то – гении. Прелесть гор в том, что они любого настраивают на особый, прекрасный лад. Потому что, как сказал великий Фритьоф Нансен: «В жизни человека необходима романтика. Именно она придает человеку божественные силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения». А горы, восхождения – это романтика самой высокой пробы.

Кроме того, в горах с тебя шелуха слетает. Отпадает все лишнее. И прежде всего – текучка. То, что налипает на душу, как на кожу – пыль и грязь. В нашем обычном мире так много суетного: от телевизионного «мыла» и транспортных пробок до перманентных политических катаклизмов. И вдруг ты попадаешь в среду, которая резко меняет масштабы. То, что дома представлялось важным, оказывается мелким и незначительным. Суета опадает с тебя, как листья с дерева. И остается главное – ствол, ветки, корни. Суть. И прежде всего – твоя собственная. В таких условиях, комфортных для человека изначально, ты очищаешься. И хочешь оказаться по ту сторону обыденности снова и снова. В 2008 году на Эверест взошел 76-летний альпинист. А рекордсменом по количеству восхождений на высотный полюс пока остается Апа Шерпа, с которым имел честь

встречаться в Непале, – двадцать одно восхождение! Я поднимался на Джомолунгму только трижды, последний раз – в 58 лет. Есть на кого равняться. Хотелось бы и на К-2, вторую по высоте вершину мира сходить. Особенно мне интересен вариант со стороны Китая, по гребню. На Манаслу. Дхаулагири – восьмитысячники, на которых не был. Мечтаю о Килиманджаро. Гора несложная, но находится в Африке, а я там еще не был.

Вспомнился давний случай. 1975 год. США. С американским коллегой Алексом Бертулисом идем по Сиэтлу. Навстречу – панк. Черные губы, черные кожаные штаны в обтяжку, на голове «ирокез», на башмаках платформы, как копыта. «Алекс, смотри!» Думаю, встретить мы инопланетянина, он не смог бы поразить мое воображение больше. Провожая парня взглядом, Алекс сочувственно улыбается: «Понимаешь, Сергей, у нас с тобой есть альпинизм, а у него – только это»...

Как хорошо, что есть на Земле горы!

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕРШОВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ

Родился 31.03.1947 г. в Свердловской области.

Работал электриком, слесарем, маляром-высотником, был членом штатной сборной команды СССР по альпинизму (1981 – 1990 гг.), спортсменом-инструктором, старшим тренером штатной сборной команды Украины по альпинизму (1992 – 1999 гг.).

В 1984 г. окончил Киевский государственный институт физической культуры.

С 1972 г. – более 20 лет входил в сборные команды Украины и СССР по альпинизму и спортивному скалолазанию.

18-кратный чемпион и призер чемпионатов СССР, 35-кратный чемпион Украины по альпинизму и скалолазанию, 6 раз был чемпионом и призером международных соревнований по спортивному скалолазанию.

В настоящее время – доцент Харьковской государственной академии физической культуры.

Проводит активную работу по пропаганде физической культуры и спорта, здорового образа жизни; действующий спортсмен и тренер, президент Харьковского областного клуба альпинистов и скалолазов.

По спортивным результатам Бершов С.И. – один из лидеров современности в украинском и мировом альпинизме. Команды под руководством С. Бершова неоднократно занимали первые и призовые места на чемпионатах СССР и Украины по альпинизму, он подготовил 8 мастеров спорта, 2 мастера спорта международного класса, 1 заслуженного мастера спорта СССР. За время занятий альпинизмом он совершил более 20 восхождений на вершины выше 7000 м и 13 восхождений на 7 вершин выше 8000 м и более 100 восхождений высшей категории трудности, в том числе 22 первовосхождения и первопрохождения. В качестве тренера-инструктора отработал в горах 1600 дней.

С 1982 г. много времени и сил уделяет восхождениям на высочайшие вершины мира. Гималайские восхождения:

04.05.1982 г. – Эверест (8848 м), ночное первопрохождение Ю. З. стены в двойке с М. Туркевичем;

14.04.1989 г. – Канченджанга Южная (8491 м), с М. Туркевичем, В. Пастухом, Р. Хайбулиным, первопрохождение в рамках подготовки траверса массива;

01.05.1989 г. – траверс – Ялунг-Канг (8505 м) – Канченджанга Гл. (8586 м) – Канченджанга Ср. (8478 м) – Канченджанга Ю. (8491 м), первопрохождение с М. Туркевичем, А. Погореловым, Е. Виноградским, А. Букреевым;

16.10.1990 г. – Лхоцзе (8516 м), первопрохождение по Центру южной стены в двойке с В. Каратаевым;

20.11.1996 г. – Аннапурна (8091 м), Ю. стена, м-т Бонингтона, с И. Свергуном, С. Ковалевым;

31.07.1997 г. – Нанга-Парбат (8125 м), м-т Кингстофера, в двойке с В. Терзыулом;

01.05.1998 г. – Шиша-Пангма (8048 м), по классике в альпийском стиле с А. Боковым, И. Свергуном;

17.05.2000 г. – восхождение на Эверест (8848 м) по СВ гребню в качестве тренера-консультанта команды Краснодарского юридического института, на вершину взойшли все 12 участников экспедиции;

16.05.2004 г. – Чо-Ойю (8201 м) по классике, в двойке с И. Свергуном.

Из 15 экспедиций 9 были успешными, в 6 повернул, не доходя до вершины, – горы стояли и будут стоять, к ним еще можно вернуться!

Первопрохождения на Эверест (1982 г.), Канченджангу и Лхоцзе – до настоящего времени никто не смог повторить. В альпинизме это можно сравнить с олимпийскими рекордами.

Одним из самых трудных был штурм Южной стены Лхоцзе, после успешного первопрохождения Р. Месснер назвал это восхождение «маршрутом XXI века». Руководителем экспедиции был А. Шевченко, зам. руководителя М. Туркевич, гл. тренер С. Бершов. Это была третья и последняя сборная команда СССР, в которой приняли участие сильнейшие альпинисты-универсалы страны.

Бершов С.И. – участник и один из инициаторов национальной программы «Шлаг Украины на вершинах мира» – восхождения на высшие точки континентов. Был на Фудзияме, Аконкагуа, Мак-Кинли, Монблане, Эльбрусе, Эвересте...

За первовосхождения и первопрохождения по маршрутам высшей категории сложности в различных горных системах мира награжден украинским знаком «Первовосходитель № 3». Награжден знаком «Снежный барс» за восхождения на высочайшие вершины СССР.

В соавторстве с А. Парахоней написал книги: «Шаги по вертикали» Киев 1985 г., «Да обойдут тебя лавины», Киев, 1992 г.

Бершов С.И., заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер Украины мастер спорта международного класса. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1982 г.), Дружбы Народов (1990 г.), За заслуги III степени (1996 г.) почетным знаком ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть» (1982 г.), медалью «За выдающийся вклад в развитие Кубани». «Почетный гражданин г. Харькова) (2004 г.), «Харьковчанин года» (2004 г.)

Первый тренер – Поберезовский В. И., а также Спесивцев А. Е. и Григоренко Пригода Ю. И.

Имеет большую семью: жена Татьяна – мастер спорта СССР по альпинизму) инструктор I категории по альпинизму, дети – Олег, Марина и Анастасия, внуки -Михаил, Анна, София, Мария и Лилит. Сын с 14 лет занимается альпинизмом Анастасия – с 13 лет.

НЕКОТОРЫЕ МАРШРУТЫ 5-6-Й КАТЕГОРИИ СЛОЖНОСТИ, ПРОЙДЕННЫЕ СЕРГЕЕМ БЕРШОВЫМ

1968

Траверс Ушбы, 5А, Кавказ

1969

п. Вильс С-3 гр., 5А, Кавказ

Дубль пик, 5Л, Кавказ

Уилпата Ю гр., 5Б, Кавказ

Пассионарии пик, 5Б, Кавказ

1970

Уилпата Ю-В, 5А, Кавказ

Уилпата С-В ст., 5А, Кавказ

1971

Сонгути, 5Л, Кавказ

1972

Двузубка Аманауза, 6Л, Кавказ

Ушба Ю м-т Арцишевского, 6А, Кавказ

п. Розек по лед. стене, 5, Альпы. Швейцария

п. Бадила Кассииа, 6, Альпы. Швейцария

п. Чаммели по котрф., 5, Альпы. Швейцария

п. Симмели шток, 5, Альпы. Швейцария

1973

Шатер (п. Шпиль), 6А п. пр., Памир

п. Кру, 5, Альпы. Италия

Гранд Капуцин м-т Бонатти, 6, Альпы. Италия

1974

п. Гранатовый, 5Б п. восх., Памир

1975

п. Советский Бадахшан, 6А п. восх., Памир

п. 5200, 5Б п. восх., Памир

п. Бонанза, 5Б п. пр., США

Эль-Капитан м-т «Салате», 6, США

1976

Рудаки В ст.,5Б,Фанские горы. Памир
Сары Шах,5Б п. пр.,Фанские горы. Памир
Свободной Кореи м-т Беззубкина,6Л,Тянь-Шань
Далар м-т Степанова,5Б,Кавказ

1977

п.5400,5А п. восх.,Памир
Сурайша,6А п. восх.,Памир

1978

п.Московской Правды С-В л. Бает,6А п. пр.,Памир
ПТИ-Дрю м-т Хардинга,6,Альпы

1979

п.Островского,5 П. восх.,Памир
п.Энгельса м-т Некрасова,5Б,Памир

1980

п.Ленина ч/з Раздельную,5А,Памир
п.Ленина по «Метле»,5А,Памир
п.Агассиа,5Б п. восх.,Памир

1981

п.Коммунизма м-т Кузьмина,5Б,Памир

1982

Эверест Ю-3 стена,6Б п. пр.,Непал

1983

Кирпич «ромб»,6А,Кавказ
Далар м-т Снесарева,6А,Кавказ
п.Ленина ч/з Раздельную,5А,Памир
п.Корженевской м-т Цейтлина,5А,Памир
Чатын м-т Черносливина,6А,Кавказ

1984

п.Щуровского м-т Абалакова,5Б,Кавказ
Чатын м-т Черносливина,6Л,Кавказ
Фудзияма, , Японии

1985

п.Щуровского м-т Кенсицкого,5Б,Кавказ
п.Св. Кореи м-т Мышляева,5Б,Тянь-Шань
п.Св. Кореи м-т Беззубкина,6А,Тянь-Шань

1986

п.Щуровского м-т Хергиани,5Б,Кавказ

Чатын м-т Черносливина,6А,Кавказ

Ушба Ю м-т Мышляева,6А,Кавказ

1987

п.Корженевской,5А, Памир

п.Коммунизма г. Хохолова,5Б, Памир

п.Коммунизма г. Хохолова,5Б,Памир

1988

п.5300 (п. Демократии),5А п. восх.,Памир

п.Желтая стена,5А,Памиро-Алтай

Асаи м-т Горбенко,6А,Каравший

Асаи м-т Погорелова,6А,Каравшим

Важи Пшавела,5Б,Тянь-Шань

Гравере В. Пшавела – Победа – Военных Топографов,6 П.

пр.,Тянь-Шань

1989

Каченджанга Южная,6А п. пр.,Гималаи. Непал

Траверс 4-х вершин Канченджанги,6А п. пр.,Гималаи. Непал

Хан-Тенгри с Сев.,5Б,Тянь-Шань

1990

п.Корженевской м-т Романова,5Б,Памир

п.Коммунизма м-т Беззубкииа,6А,Памир

п.Корженевской м-т Цейтлина,5А,Памир

Лхоцзе Ю. стена,6Б п. пр.,Гималаи. Непал

1991

п.Ленина ч/з Раздельную,5А, Памир

п.Корженевской м-т Цейтлина,5А,Памир

п.Коммунизма,5Б,Памир

1992

Ушба Ю м-т Мышляева,6А,Кавказ

Башкара м-т Григоренко-Пригоды,6А,Кавказ

Победа Вост.,5Б,Тянь-Шань

Хан-Тенгри Ю-3,5Б,Тянь-Шань

Гранд Капуцин,6,Альпы

1993

Ушба Ю м-т Григоренко-Пригоды,6А,Кавказ

Хан-Тенгри,5Б,Тянь-Шань

1994

Чатын м-т Абалакова,6А,Кавказ

1995

Башкара м-т Лившица,6А,Кавказ

п.Щуровского м-т Хергиани,5Б,Кавказ

Улу-Кара,5Б,Кавказ

Башкара м-т Григоренко-Пригоды,6А,Кавказ

1996

Далар м-т Варбутона,6А,Кавказ

Кирпич «ромб»,6А,Кавказ

Далар Степанова,5Б,Кавказ

Аннапурна м-т Бонингтона,6Б,Гималаи. Непал

1997

Аконкагуа, , Аргентина

Нанга-Парбат,6,зап. Гималаи. Пакистан

1998

Шиша-Пангма,5Б,Гималаи. Тибет

Кирпич «ромб»,6А,Кавказ

Далар Ворбуртона,6А,Кавказ

Пумори 3. Гр.,6А,Гималаи. Непал

Ама-Даблам,5Б,Гималаи. Непал

1999

Шхара вариант м-та Бланковского,6А,Кавказ

Мижирги по каскадам,6А,Кавказ

2000

Эверест С. СВ гр.,5Б,Гималаи. Тибет

Домбай Гл. м-т Короткова,6А,Кавказ

Домбай Вост. М-т Губанова,6А,Кавказ

2001

Улу-Кара,5Б,Кавказ

Чатын м-т Черносливина,6А,Кавказ

2003

Мак-Кинли, , США

2004

Чо-Ойю,5Б,Гималаи. Тибет

2005

Эверест С. СВ. гр.,5Б,Гималаи. Тибет

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)